

11

1993

ВОКРУТ СВЕТА

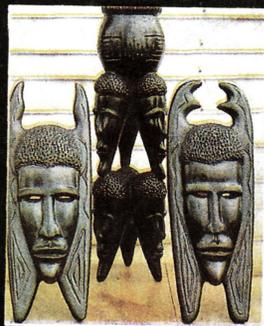

**ОБЕЗЬЯНЯ
ЛАПКА**

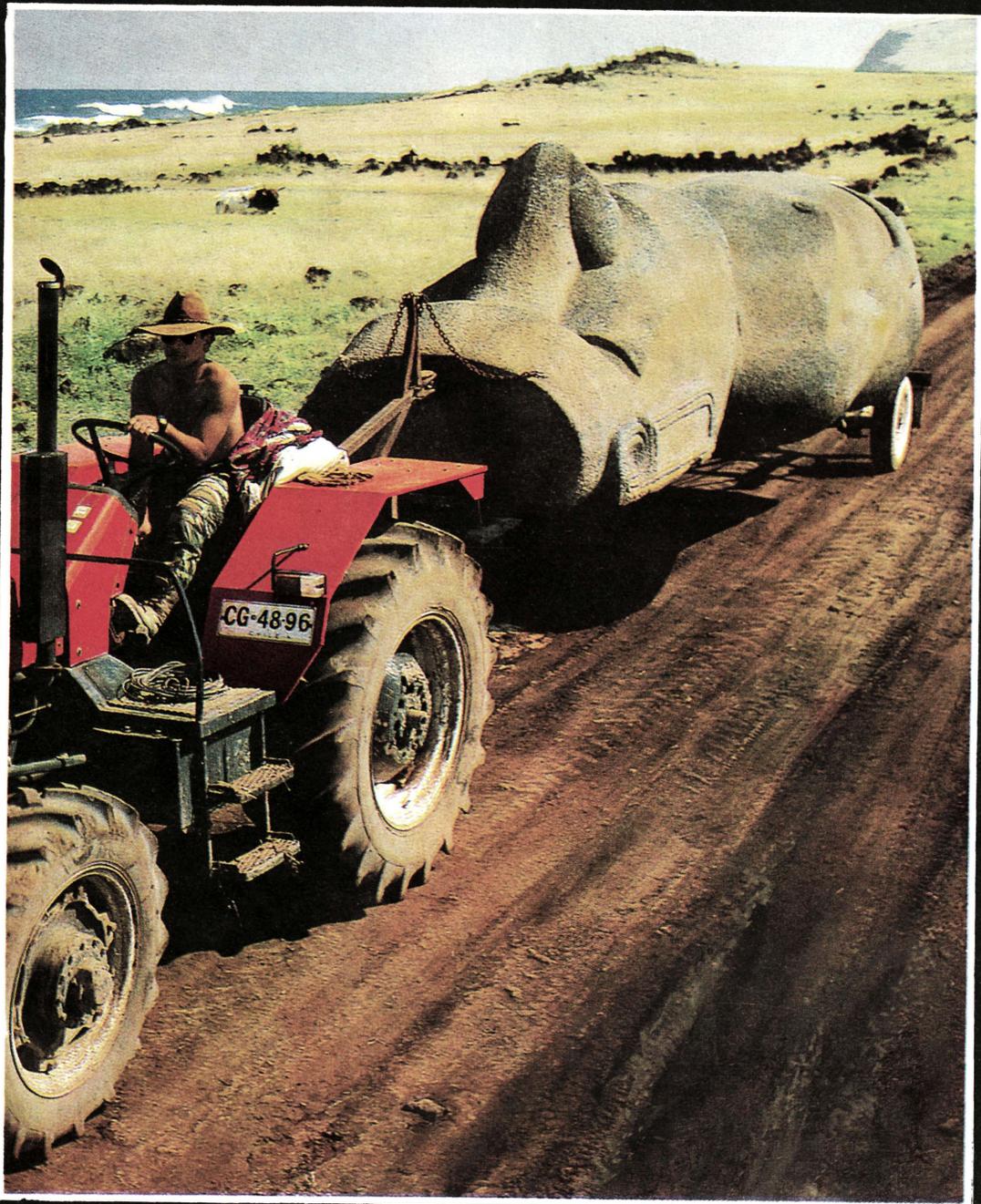

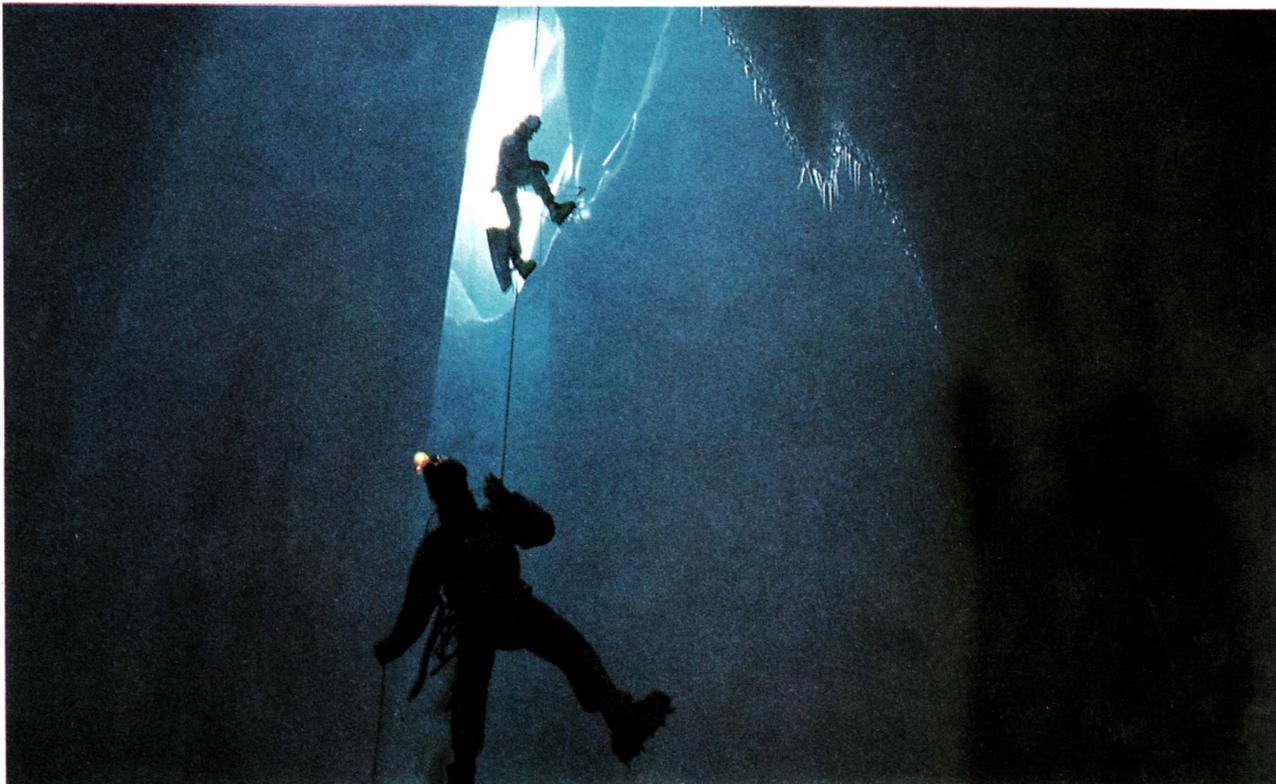
**В ПЕСКАХ
БОЛЬШОЙ
ПУСТЫНИ**

**ВЕЛИКАЯ КНЯЖНА
АНАСТАСИЯ:
ЗАГАДКА
ОСТАЕТСЯ**

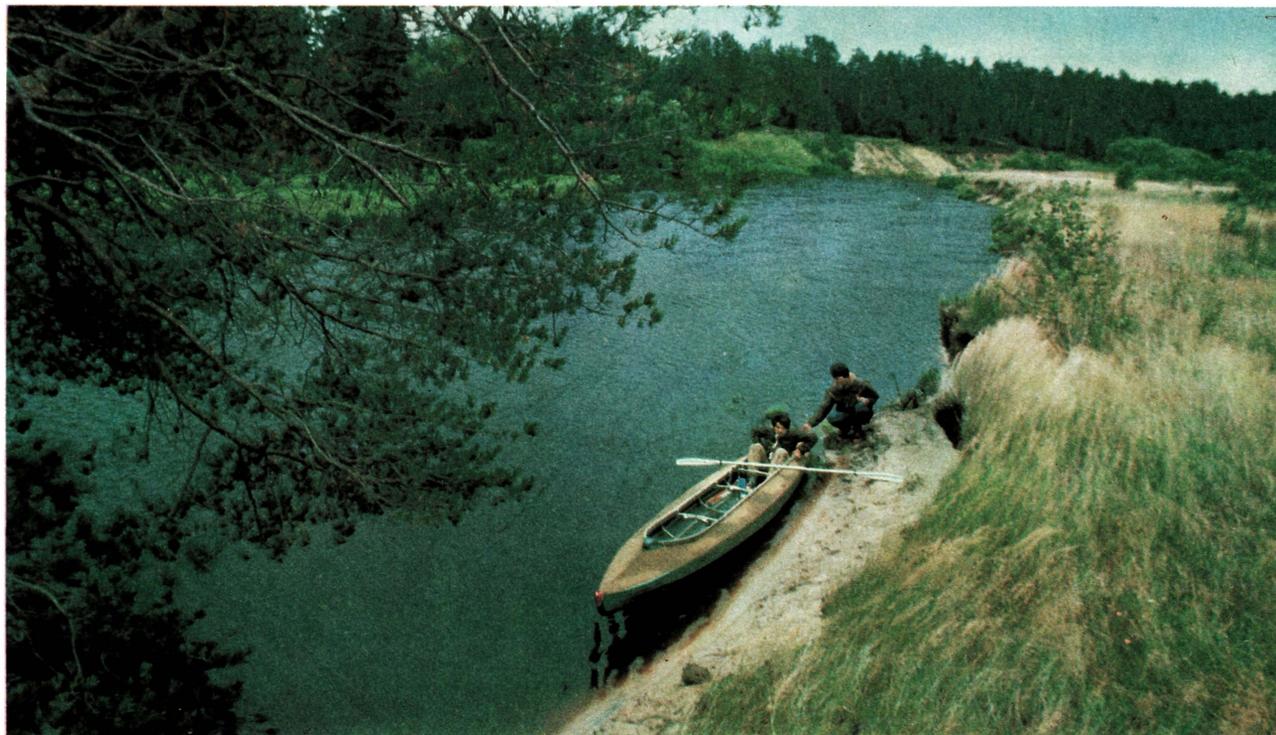
**БРУХО
ПРЕДСКАЗЫВАЕТ
БУДУЩЕЕ**

Жизнь ледниковой реки складывается по законам, до сих пор не изученным и не понятным, а между тем знание их напрямую связано с проблемой выживания человечества. О смелых французских гляциологах, работающих на ледниках Гренландии, читайте в разделе «Глобус», стр.20.

О путешествии на байдарках по реке Пре, воспетой некогда К.Г. Паустовским, рассказывает наш корреспондент в очерке «Речная тропа Мещеры», стр.28.

11/1993
НОЯБРЬ

© «Вокруг света», 1993 г.

О СТРАНАХ И НАРОДАХ

Н. НЕПОМНЯЩИЙ
Моаи научились ходить **2**

Вадим ДОБРОВ
По острову каннибалов **14**

А. ЛАЗАРЕВ
Брухо предсказывает будущее **36**

Андрей ШАРОВ
Оптимисты с озера Разочарования **38**

ГЛОБУС 20

VIA EST VITA

Валерий ОРЛОВ
Речная тропа Мещеры **28**

ПОЧТОВЫЙ ДИЛИЖАНС 31

На первой странице
обложки:

ЧИЛИ. ОСТРОВ ПАСХИ

Этот клочок суши в Тихом океане, удаленный на тысячи морских миль от любой ближайшей более-менее значительной суши, стал местом съемки приключенческого фильма «Rapa Nui», в котором переплелись правда и вымысел о гигантских каменных статуях — гордости аборигенов острова.

На фотографии — один из рабочих моментов съемки: пластиковые истунагов (настоящих для голливудских киношников не хватило) развозят по местам, выбранным режиссером: пластмассовые гиганты внешне ничем не отличаются от подлинных исполнителей.

Фото из журнала «GEO»

АНТОЛОГИЯ МИСТИКИ

У. ДЖЕКОБС
Обезьянья лапка **32**
Рассказ

Пьер БУЛЬ
Энергия отчаяния **54**
Главы из романа

ИСТОРИЧЕСКИЙ РОЗЫСК

Октябрь БАР-БИРЮКОВ
Неизвестный взрыв **8**

Ален ДЕКО
Анастасия **44**

САМ СЕБЕ РОБИНЗОН 52

ПЕСТРЫЙ МИР 50

Издатель журнала: акционерное общество «Редакция журнала «Вокруг света»

Совет директоров:
В.В.ШИЛОВ — секретарь
Союза журналистов России
(председатель)

А.А.ПОЛЕЩУК — генеральный директор АО «Вокруг света», главный редактор журнала

Н.А.ТУРОК — зам. генерального директора АО «Молодая гвардия»

Редакция:

О.И.БОЙКО,

Л.В.БОБРОВА

Л.В.КОСТЮКОВА

Н.В.КРИВЦОВ

Е.Ф.КУЗЬМИН, отв. редактор приложения «Искатель»

В.И.КУХАРУК

В.А.ЛЕБЕДЕВ, первый зам. генерального директора, зам. главного редактора журнала

Н.Г.МАЛИНИЧЕВА

Л.М.МИНЦ

Н.Н.НЕПОМНЯЩИЙ,
ответственный секретарь
журнала

В.К. ОРЛОВ

Н.А.САФИЕВ

В.В.СЕМЕНОВА

В.Ю.СПАСЕННЫХ

А.П.СТРЕЛЕЦКИЙ

Б.Е.ТАТУРА,
зам. генерального директора

Л.А.ЧЕШКОВА,
ведущий редактор
Г.П.ШТУЛЬ

К.В.ЯНСИТОВ,
главный художник журнала

Операторы компьютерного
набора

М.В.ГРЯЗНОВА
Г.П.ПОЖИДАЕВА

Учредитель журнала: коллектив редакции.

Перепечатка материалов допускается только с разрешения редакции.

Редакция не всегда разделяет точку зрения авторов публикуемых в журнале материалов.

За содержание рекламы отвечают рекламодатели.

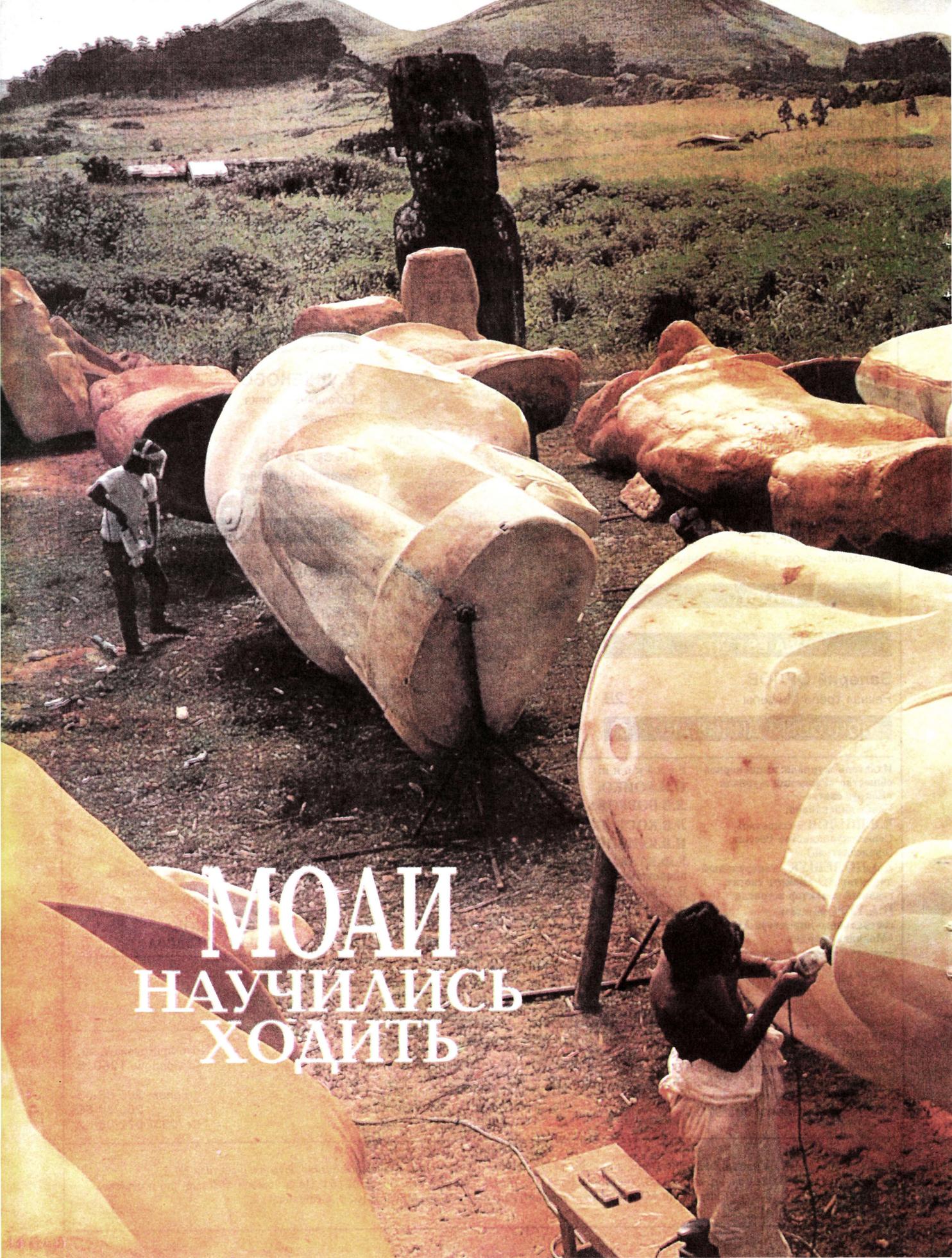
125015, Москва, А-15,
Новодмитровская ул., 5а. 16-й этаж.
Телефоны: для справок — 285-88-83,
отдел писем и рекламы — 285-88-68,
редакторы — 285-89-83. «Искатель» —
285-80-10. Телефакс /095/972-05-82

Редакция знакомится с
письмами читателей, не вступая,
как правило, в переписку.
Рукописи не рецензируются,
редакция лишь сообщает авторам
свое решение.

5«А» Novodmitrovskaya str.
Moscow, 125015

Fones: 285-88-83
285-88-68

Fax /095/ 972-05-82

МОАИ
НАУЧИЛИСЬ
ХОДИТЬ

Несколько лет назад журнал рассказывал об эксперименте чешского инженера П.Павела, который искал подтверждение своей гипотезе о происхождении каменных истуканов-моаи («ВС» № 3 — 4/90). Сегодня мы вновь обращаемся к этой теме, правда, в несколько неожиданном ракурсе.

Остров Рапа Нуи, он же остров Пасхи. Крохотная точка в Тихом океане — а как знаменит! Еще бы! Его жители считаются самыми одинокими в мире — говорят, они «дальше всех ото всех». И каменные истуканы до сих пор загадочно взирают со своих платформ на ученых и туристов и по-прежнему хранят свои тайны. Но теперь их узнают во всем мире. Кевин Костнер снимает фильм об их истории — «Рапа Нуи». Картина будет называться так же, как остров, как и язык аборигенов, как и их эпос...

Главную роль в фильме сыграют моаи — венец полинезийской культуры. Но они слишком тяжелы, и потому им придумали дублиров, которые сделаны не из вулканического туфа, а из пластика, и будут стоять там, где захочется режиссеру. А если понадобится, они станут передвигаться по острову...

...Гринго ошиблись. Они не спросили Тераи Хуке. А он бы им сказал: «Привозите с собой камеры, свои компрессоры и кабели, свои специальные эффекты, свои пластиковые уши и резиновых акул. Но сценарий оставьте в Голливуде. Он здесь не приживется, ибо этот остров еще никому не удалось завоевать — ни голландцам в 1722 году, когда здесь, в первый день Пасхи, появился корабль Якоба Роггевена, ни испанцам в 1770-м, ни чилийцам после 105-летнего владычества, и даже Туру Хейердалу не повезло. Это остров моего народа, и никому не украсть у него его историю».

Тераи замолкает, давая возможность слушателям вникнуть в глубокий смысл его слов. Поняли ли они, эти молодые жители Рапа Нуи, что он, Тераи, которому самому еще нет и тридцати, предупреждает их — не продавайте души гринго! Уразумели ли они, что он, Тераи Хуке, художник, камнетес, мастер по раскраске тела, танцор, и в самом деле состоит в связи с духами? Что у него самые

Туристы не в состоянии отличить пластиновых моаи от подлинных — каменных. Но зато активистам местного экологического движения, которым небезразлична судьба природы острова, новые истуканы совсем не по душе. Они явно не вписываются в ту экологическую нишу, которую заняли настоящие моаи. Экологи требуют увести с острова всех пластмассовых великанов.

лучшие уши, способные слушать послания из прошлого?

Тераи наклоняется к огню и что-то шепчет. Деревянного ритуального меча ему хватило бы, чтобы разметать все эти коробки с пленками и провода. А потом гринго убили бы его за это, а местные твердили бы: «Вот так — героем — умер наш вождь!»

Каждый раз перед съемками Тераи бормочет заклинания и готовится остановить все это вредное действо. Подбрасывает ветви в огонь и ждет мести богов. Он, который знает, что моаи, каменные статуи на вулкане Рано Параку, могут ходить без помощи людей, если сказать им особые слова; он, который может обездвигнуть разом всех статистов и лишит приборы их электронной силы... Он уже видит себя в фильме Костнера — одинокий, всезнающий, задумчивый — как раз в традициях ранних картин режиссера.

А пока ему, Тераи, надо бы сигаретку, а лучше — две. Гринго! С тех пор как они объявились на острове, здесь хоть отбавляй сигарет. И пива хоть залейся. Хуже, что не хватает мяса и рыбы. Тераи курит, поглядывая на свои татуированные руки. О чем-то задумывается. В хижине его ждет жена, Ирин. Маленькая и белокожая. Он шутит, что здесь, на Рапа Нуи, она нашла рай земной и одновременно осталась заложницей того, далекого, мира Южной Америки.

До него, этого мира, 3600 километров. До Таити — 4200. На севере, в 3300 километрах — Галапагосы, на юге — в 5000 километрах — снега Антарктиды. Тераи вскакивает и исполняет танец теней. Но кто узнает о его магии, когда взойдет солнце? Деревня уже не будет бояться его, Тераи. И 277 душ поселка Ханга Роа, единственного на острове, так и не узнают, что у них появился новый вождь...

«Рапа Нуи продакшнс»... Сто мужчин и женщин высадились на острове: прилетели по воздуху и приплыли по воде из США и Австралии, Канады и с Гавайев, из Англии и Новой Зеландии. Сто профессионалов с «фабрики грез» собрались, чтобы облечь историю острова в плоть и кровь, возродить связь времен. И еще четыре миллиона туристов этот фильм заставит, по прогнозам экспертов, сняться с мест и отправиться на

уединенный остров в Тихом океане. Ведь именно столько народа подалось в паломничество на Дальний Запад, в места, где разворачивалось действие известной картины Кевина Костнера «Танцы с волками».

А между тем на Рапа Нуи всего 250 метров заасфальтированной дороги, один дом выше бананового куста, четыре церквушки, один зубной врач, один рояль. Ни одной газеты. Ни одного самоуправления за все годы. Ни одного кинотеатра. Дважды в год приходит судно с материка, загруженное на две трети спиртным. Дважды в неделю прилетает 767-й «бойнг» из Сантьяго-де-Чили в аэропорт, который больше, чем все сады острова, вместе взятые, ибо НАСА в свое время пожелала иметь здесь космодром для своих «шаттлов».

И потом снова все замрет, и продолжится жизнь в «теме-20», как тут говорят, — максимально разрешенная скорость на Пасхе...

Да, остров Пасхи — самое одинокое место в мире, невзирая на ультрасовременные телефоны и видеотеки, — 163,3 квадратных километра камня и трав посреди океана. Где здесь разгуляться цивилизации?

Мал остров, и за поворотом дороги, там, где растут дикие гуаявы и на горизонте синего моря не видно ни одного корабля, ни одного облачка, ни одного забора на пути скачущей лошади, — там лежит она, волшебная страна потухших кратеров. Там обосновалась тысяча каменных голов, вырубленных из вулканического материала 400, 800, а может быть, тысячу лет назад. Выветренные, выеденные солеными брызгами, разбитые, без тени улыбки на губах. Одинокие или группами — как на тростниковом озере Рано Параку, где они, как удивленные слушатели, собрались амфитеатром, уставив пустые глазницы в мутную воду и слушая огромными ушами, как растет трава...

Где-то в VI веке к Рапа Нуи причалили лодки-кану, проделавшие огромный путь. Скорее всего они пришли с Маркизских островов. Люди, сошедшие на берег, обнаружили непроходимый лес и каменистую, но плодородную почву. И то же самое произошло во время второй волны заселения — 700 лет назад при короле Хоту Матуа. До сих пор никто не может с уверенностью сказать, что заставило ми-

грантов из Полинезии поставить на платформы безногих истуканов на берегу Рано Параку. И таскать их километрами по острову. Культ предков? Дешевый труд по приказу жрецов? Трудотерапия для населения, которому не приходилось заботиться о хлебе насущном?

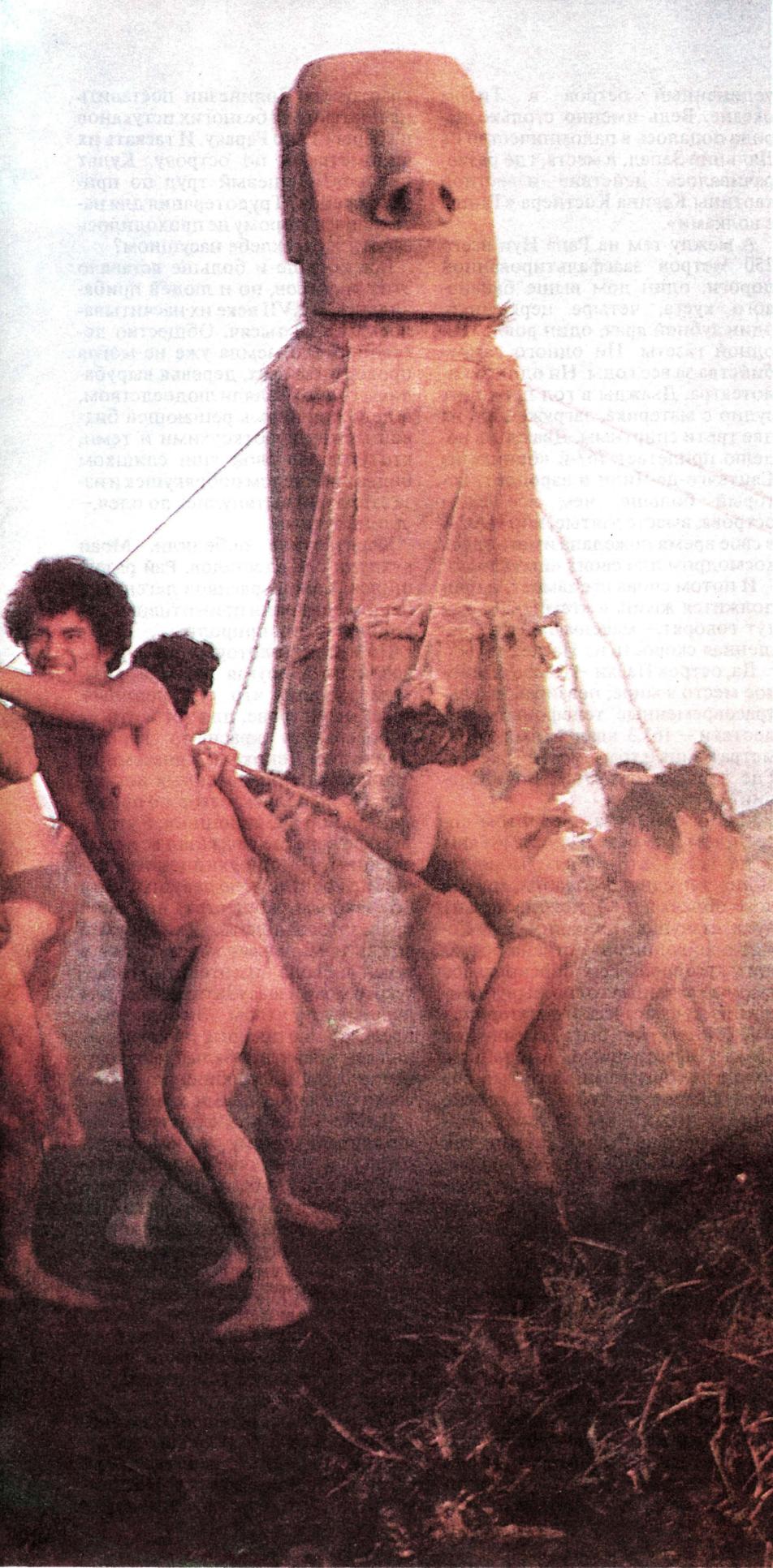
Все больше и больше вставало этих колоссов, но и людей прибавлялось. В XVII веке их насчитывалось уже 20 тысяч. Общество деградировало, земля уже не могла прокормить всех, деревья вырубались, голод утоляли людоедством, и дело кончилось решающей битвой между короткоухими и теми, кто украшал свои уши слишком большим числом побрякушек и из-за этого они вытянулись до плеч, — длинноухими.

Короткоухие победили. Моаи рухнули с пьедесталов. Рай разрушился. Конец красивой легенды о былом единении примитивных народов и самой природы.

Но в дни, о которых идет речь, возникла и другая легенда. Сначала думали, что она родилась здесь, на острове, для того, чтобы опровергнуть красивую версию Эриха фон Деникена о внеземном происхождении каменных истуканов. Но оказалось, историю придумал Эд Горзук, киновик, и утром за кофе вкратце рассказал всем желающим. Длинноухий юноша любил короткоухую девушку, хотя по законам общества не имел права этого делать. Длинноухий вождь приказывает короткоухим в течение года изготовить гигантского моаи и вырубить весь лес для перевозки, чтобы исполнилось предсказание пророка, по которому должен появиться белый кану, осуществляющий сообщение с новыми благополучными землями.

Чтобы успокоить ропчущих короткоухих, одному из них разрешено участвовать в соревновании людей-птиц и добыть с соседнего острова Мото Нуи яйцо морской ласточки. Юноша, любящий короткоухую девушку, разбивает яйцо ласточки, начинается восстание, а девушка... Они уплывают. Нет, большего Эдд не мог придумать. Но, похоже, эта придуманная этнодрама может в действительности разыграться на острове, стоящем на краю экологической катастрофы.

«Темные очки — долгой! И не смотрите же в камеру! — кричит режиссер. — И танцы! Но как в 1680-м! О'кей!» «50 длинноухих и 40 короткоухих и всех воинов — в кадр», —

бормочет помощник. А Кевин Костнер, потирая руки, смотрит на экран монитора: «Получается! Хотя это не остров, а какой-то ужас».

Счастье свалилось на рыбаков. Когда им еще давали 1000 песо за килограмм тунца! А теперь нужны маленькие рыбки для натаски морских птиц, и платят за них долларами, и еще 9500 песо за танцы — это больше, чем получает учитель в Сантьяго!

С приездом киношников местная жизнь потекла по совершенно иному руслу. Раньше было что? Работа на полях сладкого картофеля да мощение второй улицы, авениды Торо — необходимая мера против вездесущей пыли. А сейчас женщины мастерят в культурном центре каменные фигурки и прочие причиндалы для съемок, плетут сети по рецептам древних, готовят на берегу кучки съедобных моллюсков — для достоверности, клеят перья для головных уборов и еще красят в телесный цвет трусы для своих сыновей, чтобы те на съемках выглядели голыми.

Две женщины, самые смысленные и трудолюбивые, работают с октября 1992 года над «Проектом Тонгарини» — реконструируют образцы полинезийской культуры на берегу, у подножья вулкана Пайке. Там должна быть восстановлена древняя культовая площадка, стертая с лица острова подводным землетрясением 1960 года, — 100-метровая платформа и на ней — 15 моаи. Каждый камень должен быть особо подобран и филигранно раскрашен, чтобы даже археологам — не то что зрителям — не было к чему придраться... А в ангаре аэропорта для этой площадки делают из пенопласта самих моаи — больших и маленьких — с электронными датчиками внутри. Туристы не в состоянии отличить фальшивых моаи от подлинных, а после восьмой кружки пива все легенды, рассказываемые услужливыми аборигенами, образуют красочными подробностями. Моаи начинают двигаться...

Правда, дальнейшей судьбой пластиковых истуканов весьма озабочены активисты местного экологического движения, которым небезразлична судьба природы острова. Чтобы угодить им, создатели фильма выписали с материка несколько сотен превосходных пальм — на сей раз настоящих.

По материалам журнала «GEO»
подготовил Н.НЕПОМНЯЩИЙ

ДРЕВНЕЕ СУДНО И ПРОТИВОЯДЕРНЫЙ СКАФАНДР

В 1984 году английские рабочие обнаружили в болотной глине около городка Холм, к западу от Гуллы, остатки старинного судна.

Ученые установили, что этому «плавсредству» около 2300 лет (самая древняя находка на Британских островах). Несмотря на почтенный возраст, судно, длиной двенадцать с половиной метров, неплохо сохранилось. Выяснилось, что это была баржа, которая затонула, перевозя груз из досок и говяжьих туш по укрытой от прилива протоке в устье реки Хамбер. Здесь она и пролежала столетия под толстым слоем ила, спасшим судно от разложения.

Но, оказавшись на воздухе, древняя древесина могла быстро высохнуть и рассыпаться на мелкие кусочки.

Чтобы спасти уникальную находку, была создана специальная лаборатория — «Ботлаб». Здесь древние остатки стали обрабатывать водой, в которой растворено небольшое количество мази — гликола полиэтилена. Это вещество медленно, но

верно замещает собою воду, пропитавшую древесину, заполняя каждую клетку и пространство между ними.

Однако в помещении, где находится судно, необходимо поддерживать температуру не ниже 37° С при 100-процентной влажности, а на более поздних стадиях реставрационных работ температуру придется поднять до 60° С. Только тогда раствор обретет необходимый текучесть, и степень его проникновения в дерево возрастет.

Конечно, разбрызгивать жидкость можно и с помощью дистанционного управления, но вот равномерно обработать древесину могут только человеческие руки. К тому же нужно брать контрольные образцы древесины. Но человек при такой влажности и температуре может работать очень недолго.

На помощь реставраторам пришла фирма «Лайф сеппорт инджениринг», занимающаяся разработкой и производством защитной одежды для пребывания во враждебной человеку среде. Был использован весь опыт, накопленный при создании костюмов для водолазов, пилотов сверхзвуковых и высотных самолетов, работников атомной промышленности.

Созданная английской фирмой модель рабочего костюма для «Ботлаб» включает легкую одежду с карма-

нами для льда. Поверх нее — «сухой» водолазный костюм из пенистой резины, заключенной между двумя слоями нейлона. У шлема — большое прозрачное забрало. В резиновые перчатки добавлен акрил, что придает им большую чувствительность, необходимую при тонкой работе.

Охлажденный воздух подается внутрь костюма по длинному шлангу, который можно втыкать в несколько «розеток», расположенных в разных концах лаборатории. На всякий случай есть и запасной воздушный баллон, крепящийся к телу человека.

Получив такие костюмы, сотрудники «Ботлаба» готовы к запланированной еще на семь лет работе, после чего древнее судно станет всеобщим достоянием.

Между тем необычным костюмом заинтересовалось Министерство обороны Великобритании. Его специалисты, как сообщает английский журнал «New Scientist», считают, что во влажном жарком климате, случись военным действовать под радиоактивными, химическими или биологически активными осадками, такая одежда может оказаться более маневренной, чем та, на которую они полагались до сих пор...

Б.СИЛКИН

ЭТОТ ЗАСТЕНЧИВЫЙ ОКАПИ...

Глухой ритмичный стук пронесся по лесу Итури — условный сигнал того, что пигмеи загнали окапи в ловушку. Только голова лесного жирафа торчит над краем ямы почти в два метра глубины.

То был молодой самец — об этом говорили его рожки толщиной с большой палец, торчащие налбу, покрытом мехом. Не в состоянии выбраться из узкой ямы, испуганный зверь едва шевелится, облизывает худую морду длинным синеватым языком; большие уши чутко подняты.

В который раз охотничье искусство пигмеев принесло пользу науке — ведь у пойманного зверя не пострадал ни один волосок. Американский зоолог Джон Л.Харт только пристегнул к его шее радиопередатчик, и зверь освободился, взбежав по земляному пандусу.

Вместе со своей женой Терезой и двумя дочерьми Джон Харт жил с 1985 года в деревушке Эпулу посреди итуриского леса на северо-востоке Заира, изучая поведение окапи на свободе. Это была трудная работа: густая сельва восточного бассейна Конго надежно скрывает животных. Кроме того, окапи пользуется собой зверя почти невидимого.

Со своей бархатистой каштановой шкурой, с полосками зебры на ногах это копытное замечательно замаскировано. Уже на расстоянии двадцати метров окапи совершенно сливается с окружающим ландшафтом.

Без высокочувствительного локатора и особенно без помощи пигмеев мбути су-

пругам-исследователям вряд ли удалось бы выйти на след окруженного тайной окапи, впервые официально открытого Г.Джонстоном в 1901 году.

В течение года они оснастили двадцать окапи маленькими передатчиками и проследили передвижения зверей на территории 12 квадратных километров. Так обнаружилась сеть троп с общей протяженностью почти в 290 километров.

Уже первые результаты исследования были неожиданными: окапи оказались не ночными зверьями, как считалось раньше. Их встречали так редко в течение дня потому, что они избегают мест, на которых ищут себе пропитание другие обитатели джунглей — антилопы, буйволы и кабаны.

Пугливый и одинокий, лесной жираф не появится на открытой береговой полосе или поляне у излучины реки, хотя там, на освещенных солнцем опушках, растительность особенно пышна и питательна. Вместо этого он в полумраке леса ест хи-

лые листья, выросшие в тени, мало питательные, отвратительные на вкус, или даже вырабатывающие ядовитые защитные вещества — насекомые, и те ими брезгуют. Окапи это, похоже, не смущает. Свою потребность в минеральных веществах он покрывает также необычными способами: облизывает сернистые глины, эскременты летучих мышей или обуглившиеся стволы деревьев, которые поразила молния.

Харты наблюдали и своеобразное поведение лесных жирафов в период спаривания: скромные, почти робкие, лучшие самцы приближались в течение недели к самкам. Наконец они достигали деликатного расстояния. Поднятием головы и еле слышными стонами добивались благосклонности своих избранниц. Если возник соперник, самцы сражались упрямо, но без серьезных ран, обмениваясь ударами головой. Победенный поэтому не обязательно оказывался проигравшим — Тереза и Джон неоднократно видели, как самка окапи, готовая к любовным играм, сближалась с двумя самцами. Каждый навещал ее на своей, наследственной территории — по очереди, через день. В противоположность степным жирафам лесные не контролируют самку и не принуждают ее к верности одному самцу. Бесшумно они приходят и уходят...

Остается загадкой — почему окапи вообще отступили в глубину лесов, причем только лесов на северо-востоке Заира, а не поселились во всех тропических лесах Центральной Африки?

**Подготовил А.ЛАЗАРЕВ
По материалам журнала «GEO»**

Октябрь БАР-БИРЮКОВ,
капитан 2-го ранга в отставке

НЕИЗВЕСТНЫЙ ВЗРЫВ

Частное расследование офицера линкора «Новороссийск»

Гибель линейного корабля «Новороссийск» в середине пятидесятих годов — самая крупная катастрофа на военном флоте, происшедшая в мирное время и повлекшая за собой небывалые человеческие жертвы. Эта трагедия до недавнего времени тщательно скрывалась от общественности. И только в наши дни, когда появилась возможность ознакомиться с некоторыми архивными документами, с которых снята секретность, делаются попытки разобраться в трагедии сорокалетней давности.

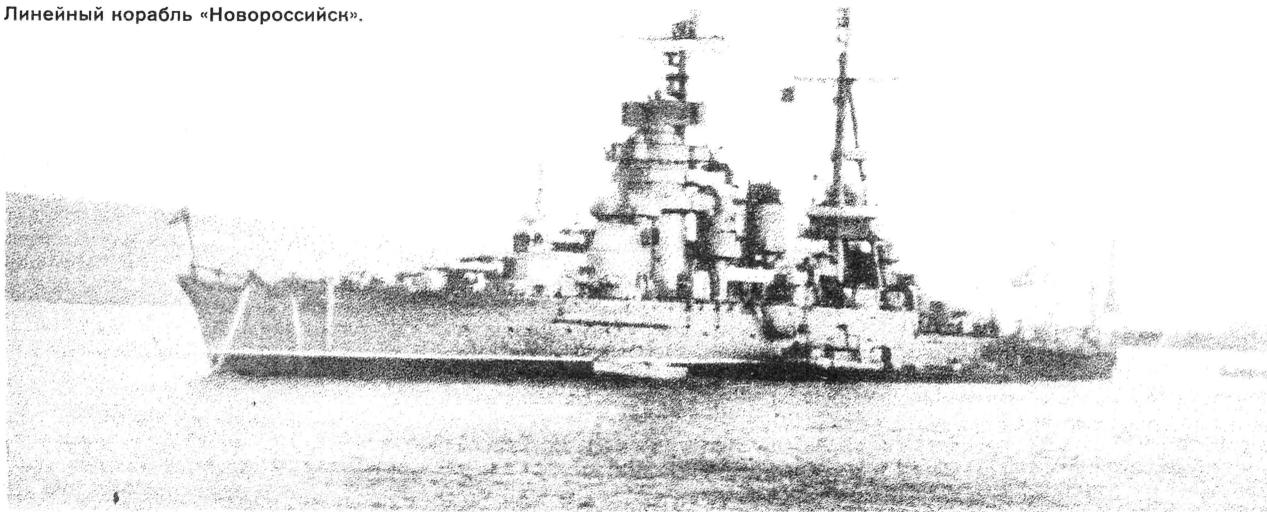
В нашем случае за это взялся бывший офицер линкора «Новороссийск» Октябрь Петрович Бар-Бирюков. Ему помогли те, кому довелось в ту роковую ночь вести борьбу за живучесть корабля, обеспечивать работу боевых постов, спасать людей из затопленных отсеков и помещений.

Сам Октябрь Петрович в тот страшный час оказался на берегу. Ему довелось прослужить на «Новороссийске» артиллеристом — с лейтенанта до капитан-лейтенанта. В конце 1954 года он был откомандирован на учебу на Высшие специальные курсы, по окончании которых должен был вернуться на свой корабль. Но по роковому совпадению в дни его возвращения в Севастополь на линкоре, стоявшем на внутреннем рейде, разыгралась трагедия.

И еще: линкор «Новороссийск» — это бывший итальянский линейный корабль «Джулио Чезаре» (Юлий Цезарь). Его наш ВМФ получил в 1949 году в счет репараций при разделе итальянского флота союзниками — победителями во второй мировой войне.

Севастополь. Памятник-монумент
«Снорящий матрос над могилой
новороссийцев».

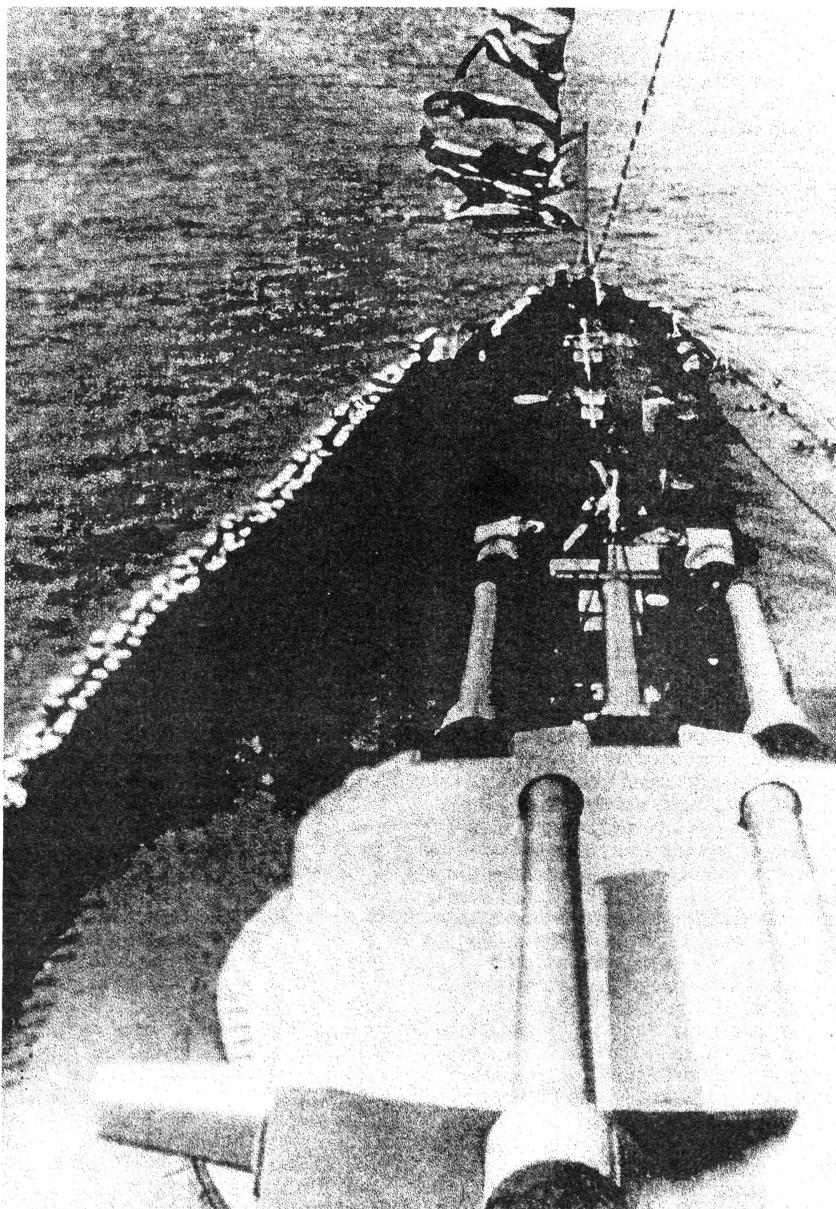

Итак — 28 октября 1955 года. Пятница. В этот день линкор «Новороссийск» совершил свой последний выход в море. Утром он снялся со своих штатных швартовых бочек № 14, находившихся в глубине Северной бухты, возле небольшой бухточки с романтическим названием — Голландия. Выход проходил под командованием старшего помощника командира корабля — капитана 2-го ранга Г.А.Хуршудова. Он временно замещал последнего командира линкора — капитана 1-го ранга А.П.Кухту, убывшего в отпуск.

Вечером корабль возвратился на базу. Перед входом в гавань было получено приказание от оперативного дежурного штаба эскадры — встать на бочки № 3. Эти бочки принадлежали другому линкору — «Севастополю» и в это время пустовали. Они находились в двух кабельтовых от Госпитальной стенки, в самом начале Северной бухты, сравнительно недалеко от Графской пристани. Это обстоятельство устраивало командование и штаб эскадры, который собирался перейти на «Новороссийск».

Примерно в 18 часов, пройдя входные — боновые ворота, линкор направился к указанной ему стоянке. Но при подходе к носовой бочке корабль, управляемый врио командира «Новороссийска» Хуршудовым, «проскочил» ее... Хотя, чтобы сдержать инерцию движения линкора, Хуршудов и отдал перед этим якорь. Но проделал он все это несколько в стороне от обычного места отдачи якоря. Потом, с помощью подошедшего буксира и подбора вытравленной якорь-цепи, положение корабля было выправлено, и он встал на левый якорь и обе бочки № 3. Вдаюсь в эти детали потому, что все они имеют важное значение для выявления истинных причин подрыва линкора на этом месте. Но об этом — ниже.

Праздничное построение экипажа линкора с подъемом флагов расщевивания.

После постановки на бочки на корабле шла обычная, предусмотренная его порядком дня жизнь: ужин, увольнение офицеров, старшин и матросов на берег, баня, стирка, чай, проверка и отбой. Вечером на корабль прибыла очередная партия нового пополнения — на нем уже было до 200 бывших солдат, переведенных из округа на флот для продолжения службы на линкоре. На ночь большинство прибывших было временно размещено в одном из носовых помещений корабля...

Для многих из них она оказалась роковой в их короткой военно-морской службе...

Вместе с другими офицерами сошел на берег и врио командира линкора Хурцудов, оставив за себя старшим на борту помощника командира корабля капитана 2-го ранга З.Г.Сербулова — старого, опытного моряка. По возрасту он вскоре должен был уволиться в отставку. На корабле находились и другие офицеры, замещавшие тех, кто сошел на берег.

В 1 час ночи вахтенным офицером — ответственным за порядок и несение вахтенной службы на корабле (кроме низов) при стоянке на якоре — заступил лейтенант В.П.Лаптев, замполит дивизиона движения, Герой Советского Союза за форсирование Днепра в Великой Отечественной войне, но новичок в морском деле. Он должен был стоять на вахте до 4 часов ночи — в самое тяжелое, неудобное — «собачье» время, или «собаку», как называли моряки эту смену.

Была ясная осенняя ночь. Задул свежий северо-западный ветер. Линкор прочно стоял на двух бочках и якоре...

Вдруг в 1 час 30 минут в носовой части линкора глухо прогремел взрыв. Его огромный, закованный в броню корпус содрогнулся от мощного удара. Сильный толчок выбросил из коек и разбудил спавших моряков. Вахтенные и проснувшиеся бросились бегом на бак корабля. На всех палубах сразу же погасло электрическое освещение, и все погрузилось в темноту... Те, кто прибежал в носовую часть корабля, увидели перед первой башней главного калибра, в отблесках прожекторов, включенных с соседних кораблей, огромный, многометровый пролом в средней части полубака, с трещинами в палубе, доходящими почти что до бортов. Рваные, вступленные края металла были загнуты вверх, некоторые из них едва не касались стволов орудий... Из широкой и глубокой впадины исходил сильный запах пороховой гари, доносились стоны, крики, шум клокочущей воды... Покоренная палуба, вздыбленные над нею швартовные шпильки, носовые башни главного калибра, надстройки фокмачты — все вокруг было залито и забрызгано какой-то черной массой, оказавшейся илом. Рядом с проломом лежало несколько трупов моряков, выброшенных из кубриков, через которые прошел, сокрушая все внутри корабля, огненный смерч взрыва...

Страшное зрелище!.. Одним из первых туда прибежал врио командира линкора Сербулов. Он вместе с другими оказавшимися там офицерами и стар-

шинами немедленно стал принимать меры к спасению людей: лежащих на палубе раненых и тех, кого выбросило за борт, и тех, кого заливало водой в кубриках.

Как позже было установлено, взрыв (некоторым он показался двойным, сдвоенным) был такой силы, что пробил насквозь — от днища до верхней палубы — весь многопалубный бронированный корпус линкора, образовав в нем огромный проем; оставшиеся в живых моряки, находившиеся в нижних помещениях, увидели над собой луну и звездное небо... В громадную, как оказалось потом, 150 квадратных метров, подводную пробоину хлынули потоки забортной воды, перемешанные с мазутом и кровью погибших... Вода быстро распространялась по нижним и особенно средним помещениям корабля, затапливая их и сокрушая водонепроницаемые переборки...

Все эти страшные разрушения пришлось по самой густозаселенной части корабля, где в носовых кубриках, расположенных на нескольких палубах-этажах, спокойно спали на своих 2-3-ярных койках сотни матросов и старшин. По оценке правительственной комиссии, занимавшейся расследованием причин и обстоятельств этой катастрофы, при взрыве сразу же погибло 150 — 175 человек и было ранено около 130. Именно они стали первыми жертвами в этой трагедии. В первом же акте...

Трудно даже представить себе, какими бы они были, если бы взрыв произошел под погребами первой артиллерийской башни главного калибра. Там хранились самые тяжеловесные и крупнокалиберные в нашем ВМФ снаряды и заряды... До этих погребов осталось рукой подать... А ведь вблизи находились такие же погреба второй башни главного калибра, а за ними — артиллерийские погреба с боезапасом для противоминного и зенитного калибров. В корме же — еще погреба с боекомплектом для третьей и четвертой башни главного калибра. Всего же на корабле находилось свыше дюжины артиллерийских погребов, в каждом из которых хранился не один десяток тонн боезапаса разного рода...

По счастью, взрыв не попал ни в один из погребов и боеприпасы не сдетонировали. Случись такое, и линкор взлетел бы на воздух вместе со своим экипажем. А ведь рядом с ним стояли на своих бочках и другие большие боевые корабли...

На линкоре была объявлена сначала — аварийная, а потом — и боевая тревога. Сигналы тревоги подавались с помощью свистков боцманских дудок вахтенных и дневальных, а также рындой — корабельным колоколом. Ибо корабельная звонковая сигнализация и радиотрансляция не работали — на линкоре уже не было электропитания. В этих условиях экипаж довольно быстро занял места по боевому и аварийному расписанию. Были заdraены водонепроницаемые переборки, люки и горловины. Поданы к зенитным орудиям боевые патроны. Усилено наблюдение за

воздухом и водой. Дана команда: «Осмотреться в помещениях, артиллерийских погребах и отсеках!» Дело в том, что, увидев развороченный нос корабля, многие подумали, что взорвался боезапас в первой башне главного калибра, а после, когда это не подтвердилось, решили, что корабль подвергся нападению с воздуха и в него попала бомба или он подорвался вследствие диверсии. Ведь это было время «холодной войны», тогда не редко наши корабли обнаруживали в море неизвестные подводные лодки. Да и над морем часто летали неопознанные самолеты...

Артиллеристы во главе с командиром арtdивизиона главного калибра капитан-лейтенантом В.В.Марченко занялись осмотром погребов с боезапасом, особенно — в носовых башнях. Ведь мысль о возможной его детонации еще не покидала многих... Работу личного состава линкора затрудняло отсутствие электропитания. Но с пуском резервного генератора оно было восстановлено. Особенно сложная обстановка складывалась в носовой части линкора, в ее темных и тесных помещениях и отсеках в глубине корабля, куда продолжала, несмотря на все усилия личного состава аварийных партий, поступать забортная вода. Моряки устанавливали все новые и новые подпоры. И хотя вскоре на линкоре были задействованы аварийные партии со стоявших на рейде кораблей, положение линкора ухудшалось.

Дело в том, что итальянские конструкторы в погоне за увеличением скорости хода корабля сделали некоторые переборки, находящиеся выше броневой палубы, облегченными. И вот теперь они не выдерживали напора воды, и она поступала в помещения, которые были расположены выше ватерлинии. А раз так, то верхняя часть корпуса линкора становилась тяжелее нижней, и остойчивость корабля уменьшалась, появлялся так называемый опрокидывающий момент. Похожие или даже аналогичные конструктивные особенности были и у других итальянских линкоров, погибших при сходных обстоятельствах. Так, в гавани Таранто в 1915 году в ходе первой мировой войны на линкоре «Леонардо да Винчи» произошел страшный взрыв, унесший жизни более двухсот моряков. Чтобы спасти корабль, его вывели на внешний рейд и там подтопили на мелководье. В Триестской гавани погиб в результате переворота, из-за повреждений, полученных при налете авиации в 1945 году, другой итальянский линкор, однотипный с «Новороссийском», — «Контти де Кавур». Живучесть итальянских линкоров ведомо приносилась в жертву другим их боевым качествам...

Прошло около полутора часов после взрыва, и почти вся передняя часть линкора уже ушла под воду. Это не позволяло перерезать толстенные якорьцепи, которыми крепко держался корабль за носовую бочку и якорь, не давало возможности буксировать его к берегу. А между тем крен на левый борт неуклонно возрастал.

С прибытием на линкор основных

лиц из командования эскадры и флота во главе с командующим Черноморским флотом вице-адмиралом В.А.Пархоменко — только что вступившим в эту должность и сменившим ушедшего на повышение, в Москву, адмирала С.Г.Горшкова, — все действия на корабле теперь выполнялись лишь по его приказам и распоряжениям. И от него — человека с двумя черными «пауками» (так между собой называют моряки большие адмиральские звезды) на золотых погонах — теперь зависела судьба всех людей, находившихся на борту «Новороссийска».

Совсем недавно Пархоменко, как командующий эскадрой, принимал линкор, часто плавал на нем и должен был знать его особенности... И вот сейчас, когда подорванный линкор все глубже и глубже погружался носом в воду, одновременно кренясь на левый борт, все, кто был тогда на нем, ждали от вице-адмирала спасительных решений и действий. А командующий флотом все метался со своей свитой из многих офицеров и адмиралов по кораблю с юта на бак и обратно, требуя от ПЭЖ (поста энергетики и живучести) докладов о состоянии корабля... Шел третий час после взрыва.

Прибывший с берега Хуршудов, видя, что поступление воды остановить не удастся, а крен на левый борт увеличивается, обратился через контр-адмирала Никольского — как положено по флотской субординации — к Пархоменко с предложением эвакуировать значительную часть команды, не занятую борьбой с водой. Но комфлот резко оборвал: «Не будем разводить панику!» Тогдашний корабельный Устав гласил: «Во время аварии командир корабля обязан принять все меры к спасению корабля. Только убедившись в невозможности его спасти, он приступает к спасению экипажа и ценного имущества...» К сожалению, Пархоменко слепо придерживался буквы устава и не послушал совета более младшего по чину офицера. Вице-адмирал надеялся на небольшую глубину под кораблем, она была всего 18 метров, а ширина линкора — более 28, не считая высоких бортов, надстроек, труб, мачт. При критическом крене корабль мог только лечь на борт... Но глубина стоянки оказалась ложной — грунт здесь, хорошо державший корабельные якоря, как выяснилось впоследствии, состоял из почти сорокаметрового слоя ила.

Однако вскоре, после личного доклада начальника технического управления флота — инженер-капитана 1-го ранга Иванова В.М., вызванного с берега на «Новороссийск», о том, что крен подходит к критическому, Пархоменко все же разрешил свезти часть моряков на берег. По кораблю пошла команда: «Не занятым борбой за живучесть — постройтесь на юте». Но эту команду из-за того, что внутрикорабельная трансляция работала не везде, смогли передать в наглухо задраенные помещения корабля в основном голосом и по телефонам внутренней связи. На что ушло немало времени...

Матросы, старшины и офицеры стали

выходить через узкие люки и горловины внутренних помещений, палуб, надстроек, башен и строиться на верхней палубе, на юте линкора. Начали было производить посадку на подошедшие суда, но вдруг накренившийся корабль как-то странно дернулся, немного выпрямился, потом снова дал резкий крен на левый борт. Крен стал стремительно нарастать... Шеренги моряков, стоявших в строю на юте в ожидании подхода баркасов, стали скатываться в воду, в темноту с уходящей из-под ног палубы...

В 4 часа 15 минут линкор «Новороссийск» опрокинулся на левый борт и, пролежав так какие-то мгновения, вдруг быстро перевернулся вверх килем, обнажив в своей корме громадные гребные винты. Начался второй акт этой трагедии, жертвами которой стали теперь уже сотни моряков...

То, что происходило возле перевернувшегося корабля, трудно описать. Но самое страшное при этом творилось у кормовой его части. Даже те счастливицы, кому удалось спастись, выбравшись из морской пучины, в которую они внезапно свалились с высокого борта линкора, не могли впоследствии толком передать то, что происходило на их глазах. Моряки, только что стоявшие в тесном строю на палубе, сваливались с корабля на головы своих товарищей, не успевших отплыть... В воде — они, одетые в бушлаты и робу, в обуви, образовали живое скопище барахтающихся, цепляющихся друг за друга людей. Многие из них, особенно те, кто не умел плавать или плывал плохо, а это были в основном бывшие солдаты из нового пополнения, быстро тонули, затапанные в глубину моря отяжелевшей от воды одеждой. При этом зачастую ухватив с собой тех, кто был рядом... Другие, умевшие плавать, не смогли в этой человеческой каше вынырнуть на поверхность после падения с высоты. К тому же многих накрыл широченный корпус перевернувшегося линкора. Третьи — нечеловеческими усилиями старались удержаться на поверхности и освободиться от мокрой одежды. Когда это им удавалось, то из таких моряков, как правило — хороших пловцов, — успевавших еще и вовремя поддержать тонущих соседей, создавались своего рода «связки» из людей. Особенно, если кому-либо из них удавалось ухватиться за какой-нибудь плавающий предмет, упавший с корабля или брошенный со спасательных баркасов и катеров. Эти самопроизвольно возникавшие связки — из нескольких и даже многих людей, подержавших друг друга, помогли поддержать им до подхода спасательных средств. Но и такие связки, перегруженные ослабевшими, растерявшимися, не умевшими плавать, порой рассыпались...

Эти первые, самые трагические минуты и решили участь многих «новороссийцев». Постепенно черное — в темноте ночи — людское скопище около кормы корабля расплывалось, редело...

В других же местах корабля, где моряков застал переворот, они сами прыгали в воду, зачастую успевая и раздеться. Но

и здесь многие затапливали мощные потоки воды, хлынувшей внутрь корпуса корабля; другие же разбивались об острый бортовой киль.

Выплывшие моряки взбирались на огромное днище корабля, раздирая руки и босые ноги в кровь об острые наросты ракушек на обшивке — но это были мелочи, главное — спаслись!.. Людей из воды, перемешанной с мазутом, спасатели доставали руками и отпорными крюками; бросали им все, что было на борту: спасательные круги, жилеты... Все это происходило в темноте ночи, освещаемой лишь прожекторами. Были и такие, что сами доплывали до берега. Напряжение от пережитого было такое, что у некоторых моряков, уже спасенных и доплывших до берега, не выдерживало сердце, и они, выбравшись из воды, тут же падали замертво... В частности — не выдержало сердце у ответственного за корабль представителя Особого отдела эскадры.

Высшие флотские чины, прибывшие на линкор, тоже оказались в воде. Почти всем им удалось спастись. А вице-адмирала Пархоменко подобрала одна из спасательных шлюпок и доставила на Графскую пристань, откуда он, промокший и полуодетый, добрался до штаба флота докладывать о случившемся в Москву...

В сутолоке происходившего возле перевернувшегося линкора моряки, взобравшиеся на его днище, а также те, которые находились на спасательных судах, стали различать внутри корпуса частые беспорядочные стуки... Это давали о себе знать те, кто не успел или не смог выбраться из стальных отсеков. Их отчаянный стук во многих местах огромного корпуса нарастал, сливаясь в сплошную дробь.

Казалось бы, у тех, кто остался во внутренних помещениях линкора, появился реальный шанс на спасение. Но на деле этот шанс обернулся третьим — последним актом, самым трагическим...

Часам к 10 утра 29 октября положение перевернувшегося корабля стабилизировалось, его погружение приостановилось, и линкор (его кормовая часть возвышалась на 2–3 метра над водой) как бы обрел новую ватерлинию. Большой объем сжатого воздуха, находящегося в его задраенных помещениях и отсеках, позволял надеяться, что моряки, попавшие в смертельную ловушку, выживут. Слушать эти мольбы о помощи и бездействовать в ожидании приказов «сверху» было выше человеческого сил, и моряки со спасателя «Карабах» медленно бросились туда, где стуки казались очень близкими — к кормовой оконечности днища. Междудонное пространство, находящееся здесь, в районе дизель-электростанции № 4, было близко к наружной обшивке. Стали резать в этом месте корпуса специальным резаком отверстие, через которое вышли семь моряков. Из них — трое старослужащих. Они обеспечивали электричеством корабль до самого его переворота. Это были старшина 2-й статьи Воронков, старший матрос Литвин, ма-

трос Лемберг и с ними — оказавшиеся здесь молодые матросы — Шиборин, Смышков, Кононов и Столяров.

Были предприняты и другие попытки прорезать обшивку днища в тех местах, откуда слышались стуки, но они ни к чему не привели — из прорезей со свистом и ревом выходил лишь воздух...

Не хочется, но приходится рассказывать об этом — о том, как можно, сделав одно благое дело, потом — по неведению, натворить такое, что многократно перечеркнет не только все содеянное, но и принесет большую беду многим... Спасать этих семерых моряков, конечно же, было необходимо, но спасать грамотно. Ведь оказалось, что ради их спасения были обречены на медленную, мучительную и неминуемую гибель десятки, а возможно и больше, других моряков...

Это произошло прежде всего из-за того, что работа спасательных судов должным образом не была организована, не координировалась, по существу, не управлялась руководством флота и соответствующими флотскими специалистами (где-то на берегу, в штабе флота они действовали разобщенно и нерешительно). Вскоре из-за выхода сжатого воздуха из «воздушных мешков» линкор стал медленно погружаться...

Запоздалые попытки заварить прорези и приспособить для создания воздушного подпора один из отсеков спусканной подводной лодки «малютки» (со шлюзовой камерой), с помощью которого можно было, приваривая его поочередно в разных местах днища, прорезать обшивку без опасения стравить воздух и вывести таким образом людей, ничего не дали. К тому же недопустимо медленно решался вопрос о подаче сжатого воздуха от компрессоров в корпус корабля, что позволило бы задержать его погружение и тем самым спасти многих моряков, оставшихся внутри перевернувшегося корабля...

В ходе спасательных работ по инициативе тогдашнего командующего подводными силами ЧФ, ныне покойного адмирала флота Н.И.Смирнова, применялся проходивший испытания на флоте опытный образец звукоподводной связи. С его помощью была установлена связь — к сожалению, односторонняя — с оказавшимися в западне, но еще живыми моряками, в том числе и с Ивановым, крупным флотским инженером, помогавшим механикам корабля. По этой связи в последние мгновения перед погружением линкора было слышно, как моряки, находившиеся в чреве корабля, прощаются с жизнью, пели «Варяга»... Разве такое можно забыть?

Спустя примерно сутки с помощью той же связи были обнаружены живые люди в одном из кормовых кубриков линкора. Туда были немедленно отправлены несколько водолазов со спасательного судна. Они с большим трудом вывели из почти затопленного кубрика двух полуживых матросов — старослужащего Хабибулина и молодого — Семиошко, уже по горло нахо-

дившихся в воде, в крошечной тьме помещения, где палуба стала потолком...

Четыре водолаза со спасательного судна, старшие матросы Попов, Онуфриенко, Скалкович и главный старшина Виноградов с риском для жизни, подстраховывая друг друга, сумели пролезть в этот кубрик через другие помещения, заполненные трупами погибших моряков, и доставили им кислородные дыхательные аппараты и бутылку с какао...

Таким образом, всего было спасено 9 человек. На команду же: «Откликнетесь, кто живой?..», переданную утром 29 октября по звукоподводной связи в корпус перевернутого линкора, ответили тогда стуками во многих местах корабля...

К 1 ноября водолазы, спускавшиеся к затонувшему линкору, перестали слышать какие-либо стуки из его отсеков. Теперь водолазы поднимали наверх только трупы.

Так закончился третий и последний акт этой беспримерной трагедии...

Вскоре в Севастопольской бухте ежедневно начали всплывать тела погибших моряков...

Тем временем приближался день очередного празднования Октябрьской революции и связанные с ним традиционные сухопутный и морской парады военных кораблей. Парады, по решению властей, состоялись, хотя весь Севастополь был в трауре.

Утром 7 ноября новый командующий флотом, временно назначенный вместо отстраненного Пархоменко, как обычно, обходил на своем катере боевые корабли, стоявшие на своих штатных местах с выстроившимися на палубах экипажами. Одно лишь место — в районе бочек № 3 пустовало. И катер командующего флотом, со стоявшими на нем по стойке «смирно» матросами-крючковыми, подошел к этому пустому месту, и адмирал под напряженными взглядами тысяч моряков отдал ему честь... Потом обошел вокруг него и двинулся дальше...

Подрыв на mine или диверсия?

По официальной версии, выдвинутой правительственной комиссией под руководством заместителя Председателя Совета Министров СССР Малышева В.А. и изложенной в ее докладе в Президиум ЦК КПСС и в Президиум Совета Министров СССР, отправленном 17 ноября 1955 года, — линкор подорвался на донной магнитной mine, которые довольно широко использовали немцы во время Великой Отечественной войны. Было установлено, что мины такого типа были выставлены ими в 1944 году при уходе из Севастополя, в его бухтах; перед возвращением Черноморского флота в свою главную базу все ее акватории были протрелены и обследованы; однако полной гарантии безопасности, как впоследствии оказалось, достичь не удалось. Подобные мины не раз обнаруживали и уничтожали в Севастопольской бухте. Правда, при этом

источники электропитания таких мин оказывались практически разряженными, а взрыватели почти у всех неработоспособными... Поиск таких донных мин в условиях Севастопольского внутреннего рейда был чрезвычайно затруднен, так как истинное дно его, как выяснилось только после трагедии, находилось много ниже поверхности грунта и было покрыто в разных местах многометровым, уплотняющимся с глубиной слоем ила. В нем, по этой версии, и находилась мина...

Но тут возникает немало вопросов, и первый — почему эта мина не взорвалась раньше? Ведь линкор «Севастополь» и другие корабли становились на бочки № 3 десятки, если не сотни раз — и ничего? Специалисты, привлекавшиеся комиссией, объясняют это так: мина пролежала здесь много лет, глубоко зарывшись в ил, и поэтому была не замечена ни при тралении, ни при водолазном обследовании. А не взорвалась она ранее оттого, что ее часовой механизм был выведен из строя специальными подрывами глубинных бомб, как говорят моряки — механизм взрывателя застопорился. Поэтому мина многие годы не реагировала на проходившие корабли, а также и на те, которые становились на бочки № 3. Но при неудачной попытке подойти к носовой бочке № 3 «Новороссийск» своей якорь-цепью потревожил эту мину. И от нового сотрясения часовой механизм ее отстопорился и вновь заработал, приведя мину в боевое положение...

Но вопрос — почему сила взрыва была значительно больше, чем от взрыва обычной немецкой мины? Это проверялось и подтвердилось, в том числе и на лентах крымских сейсмографов. Был и ответ: да потому, что это была скорее всего не одна мина, а связка из двух мин; или мины и прикрепленных к ней ящиков со взрывчаткой. Такие ящики с тротилом, а иногда и мины в связке с ними немцы действительно ставили перед своим уходом во многих местах Севастопольского рейда. Это объяснение дает ответ и на вопрос — почему некоторым, кто слышал взрыв, он показался как бы сдвоенным.

Возникает еще вопрос: почему так странно выглядело после подъема линкора место взрыва в его корпусе? Действительно, как свидетельствуют документы и очевидцы, в носовой части днища с правого борта была огромная пробоина и большая вмятина вдоль киля, со стрелкой прогиба 2 — 3 метра — по левому борту. В глубину корпуса пробоина доходила до диаметральной плоскости корабля, а потом круто переходила в вертикальный проем, проходивший через все палубы корабля, в том числе и броневые — насквозь, с выходом на верхнюю палубу бака. То есть взрыв носил явно объемно-направленный характер. Экспериментальные же взрывы подобных немецких мин, проведенные специалистами из правительственной комиссии, были намного слабее, и характер разрушений был иным. Известно, что на-

правленный взрыв, способный прожечь броню, обычно дает специальный кумулятивный заряд. Значит, одна из мин (или взрывных устройств), подорвавших линкор, имела кумулятивное устройство, которое и привело к таким необычным разрушениям?! Кстати, многое в вопросе выявления истинных причин гибели линкора прояснили бы химические или другие анализы покрытий корабельных помещений, через которые прошла раскаленная лава. Такие анализы не могли не производиться после подъема линкора. Так что следует поискать их в соответствующих архивах. Они помогут установить, что за взрывчатое вещество было применено.

С выводом правительственной комиссии — линкор подорвался на немецкой невытравленной мине — можно было бы согласиться.

Все в нем вроде бы довольно логично и убедительно, но уж очень много в этой версии разного рода «совпадений»... Почему-то именно «Новороссийску» «не повезло», и он подорвался на старой мине, находясь на бочках, на которые множество раз до этого становился линкор «Севастополь». Да и другие корабли тоже становились. Ведь и у них не раз бывали неудачные подходы к этим бочкам, из-за чего все это место было неоднократно «перепахано» их якорями.

Почему-то ненароком их задел левым якорем или якорь-цепью линкор «Новороссийск». Но при этом взрыв произошел... с правого борта, причем — в одном из самых уязвимых мест корабля — в районе артиллерийских погребов главного калибра, загруженного снарядами и зарядами...

Почему-то часовой механизм мины, после 11 лет покоя и нахождения в воде, сработал в самый глухой, полуночный час, а электробатареи взрывателя за такой большой срок не разрядились и сохранили свою работоспособность...

Версия о подрыве линкора на мине, конечно же, очень устраивала новое командование Военно-Морского Флота в лице адмирала Горшкова, пришедшего на замену Адмиралу флота Советского Союза Н.Г.Кузнецову, снятому с должности Главнокомандующего ВМФ вскоре после гибели «Новороссийска». Эта версия хоть как-то прикрывала вопиющие недостатки, вскрытые правительственной комиссией в организации службы Главной базы ЧФ, в особенности в деле охраны Севастопольской бухты...

Но в выводах этой комиссии не исключалась и возможность диверсии. Для этого были определенные, довольно-таки веские основания. О них недвусмысленно сказано в выводах комиссии Мальшева: «...Нельзя полностью исключить, что причиной подрыва линкора является диверсия, так как охрана Севастопольской гавани со стороны моря была неудовлетвори-

тельной, ненадежной, а приказы и инструкции по охране водного района крепости командиром 24-й дивизии ОВРА (охраны водного района) и его подчиненными систематически грубо и преступно нарушались... Ворота в боновом противокатерном и сетевом противоторпедном заграждении не закрывались неделями и месяцами...»

У большинства «новороссийцев» сразу же сложилось твердое убеждение (со временем оно еще больше окрепло), что взрыв — это результат диверсии, и тот, кто закладывает взрывчатку под линкор, хорошо знал корабль, поэтому и выбрал одно из самых уязвимых мест — около артиллерийских погребов главного калибра, до которых оставались считанные метры... Возможно, на неточность, которую допустили те, кто подкладывал под корабль взрывное устройство, повлияло то обстоятельство, что, выйдя в море со своих штабных бочек № 14, «Новороссийск» возвратился в базу и встал на другие, находившиеся примерно в 1 — 1,5 милях от первых. Это, видимо, заставило внести изменения в намеченный план. И исполнителям его пришлось срочно, уже в наступившей темноте, «перенацеливаться», на что ушло время. А в спешке, в темноте точно выбрать нужное место было весьма сложно...

Моя личная версия такова: вероятнее всего, 29.10.55 года имел место диверсионный акт, в момент которого произошел одновременный подрыв (детонация) лежавшей тут же, рядом с кораблем немецкой донной мины, оставшейся с времен войны. Отсюда — две обнаруженные, но почему-то не взятые в расчет комиссией... воронки на грунте. И двоянный звук взрыва, зафиксированный на лентах сейсмографов в Крыму. И большие разрушения в корпусе корабля.

Истинные же причины того, от чего подорвался и вскоре погиб в ночь на 29 октября 1955 года линейный корабль «Ново-

росийск», а вместе с ним и сотни моряков, станут известны, наверное, тогда, когда будут рассекречены и обнародованы не только наши отечественные архивные документы, но и итальянские, а возможно, и натовские... Такой шаг с их стороны был бы реальным подтверждением наступившей открытости в отношениях между нами.

Но когда в октябре 1992 года в Россию прибыл с официальным визитом Главноком ВМС Италии адмирал эскадры Г.Вентурони, на брифинге в Москве ему задали вопрос — причастны ли итальянские военно-морские спецслужбы к подрыву линкора «Новороссийск»? Адмирал ушел от прямого ответа, сославшись на свой малый чин в том далеком прошлом и поэтому на неосведомленность в таких делах...

ПОСЛЕСЛОВИЕ

К сожалению, каких-либо официальных сообщений о количестве погибших в этой катастрофе до сих пор не имеется. Совет же ветеранов «новороссийцев» располагает следующими данными на этот счет: на момент гибели линкора на нем находилось около двух тысяч человек — его экипаж с новым пополнением и курсантами, штаб эскадры и те моряки, что прибыли на подмогу... Из экипажа линкора «Новороссийск» погибло 549 человек. Кроме них, погибли моряки с других кораблей, пришедшие к нему на помощь:

28 человек с крейсера «М.Кутузов»; 5 человек с крейсера «Молотов»; 4 человека с крейсера «Дзержинский»; 4 человека с крейсера «Керчь»; 1 человек с крейсера «Куйбышев»; 1 человек с эсминца «Бессменный»; 3 человека со спасательного судна «Карабах». Из личного состава штаба эскадры погибло 8 человек, из состава штаба и управления Черноморского флота — 5 человек.

Всего эта катастрофа унесла жизни 608 моряков — матросов, старшин, офицеров... Вечная им память!

Тяжелый авианесущий крейсер «Новороссийск», входящий в состав Тихоокеанского флота.

Редакция получила письмо из Калифорнии. Написано оно было по-русски, и под ним стояла русская фамилия. Уже это было интересно. Но еще более любопытным было предложение автора: стать нашим штатным корреспондентом, причем не только по Америке, где он живет, а по многим, самым экзотическим странам мира, где он побывал. А потом последовал и звонок из Пало-Альто, штат Калифорния.

Вадим Добров (Добровольский) родился в 1926 году в Мозыре, Белоруссия, а вырос и учился в Киеве и Одессе. Во время немецкой оккупации был увезен в Германию, где после войны поступил в Геттингенский университет. Там, при материальном содействии английских властей, учился четыре года на физическом факультете, а в 1951 году эмигрировал в США, где продолжил образование в Калифорнийском университете в Беркли. В 1956 году, получив степень доктора физических наук, поступил работать в научно-исследовательскую лабораторию корпорации «Локхид» в городе Пало-Альто, где

и работает по сей день в качестве консультанта.

В течение восьми последних лет Вадима Доброва приглашали читать лекции и проводить семинары в университетах Австралии, Новой Зеландии и Фиджи. Свои деловые поездки он активно использовал для личных путешествий: побывал на Таити, атоллах Туамоту, Маркизских островах, островах Тонга и в Новой Каледонии, на Новой Гвинее, в Индонезии, не миновав, конечно, Бали... Были еще поездки в Африку, страны Северной и Центральной Америки...

Конечно, мы с радостью приняли предложение нашего бывшего соотечественника — ученого, путешественника, журналиста и просто интересного человека, давно и не по своей воле покинувшего родину, но сохранившего к ней самые добрые чувства, о чем свидетельствует, в частности, и его предложение безвозмездно работать для «Вокруг света» и вас, его читателей.

Предлагаем вашему вниманию первый репортаж Вадима Доброва из Новой Гвинеи.

Вадим ДОБРОВ
Фото автора

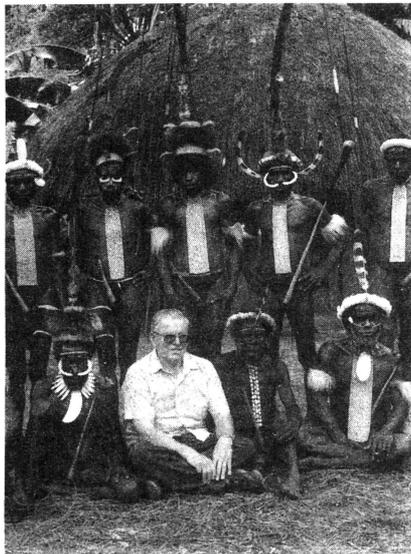
ПО ОСТРОВУ КАННИБАЛОВ

2400-километровый путь вдоль всей Новой Гвинеи занял у меня больше трех часов. Остров поистине огромный. На западе его расположена индонезийская провинция Западный Ириан, а на востоке — независимая с 1975 года страна Папуа — Новая Гвинея.

Остров — настоящий рай для антропологов. В одной только Папуа — Новой Гвинее 3,8 миллиона ее жителей говорят на 200 меланезийских и на 500 папуасских языках. Совсем еще недавно Новая Гвинея привлекала путешественников-исследователей и разного рода искателей приключений. Да и немудрено. Лишь за пару лет до начала второй мировой войны американец Арчболд наткнулся на огромную изолированную горную долину, населенную десятками тысяч прилежных земледельцев, о существовании которых остальной мир и не подозревал. Через 10 лет после запуска первого спутника еще поступали официальные сообщения об актах людоедства; по полуофициальным сведениям, они случаются и сейчас... Иногда кажется, что слышишь о событиях, происходящих на другой планете.

Я неоднократно бывал в Австралии и решил посещение Новой Гвинеи на-

чать с ПНГ, до которой с севера Австралии всего лишь час лета. Перед поездкой один опытный австралийский профессор предостерегал: «Советую повсюду иметь с собой гида или водителя машины, словом, провожающего». Я не стал расспрашивать, по-

чему и зачем: ведь само собой разумеется, раз едешь в страну каннибалов, то присутствие проводника-охранника может быть только полезным и для души и для тела.

В аэропорту столицы ПНГ, Порт-Морсби, первый встретивший меня «каннибал» был юркий, улыбающийся во всю ширину лица, маленький Майк. Энергично упаковав багаж и меня в машину, мой гид терпеливо отвечал на мои бесчисленные вопросы по дороге в гостиницу. На мой вопрос о количестве безработных в столице он пробормотал что-то невнятное, из чего я расслышал только вроде «девятью процентами». «А, — сказал я, — это как у нас в Калифорнии, у нас тоже 90 процентов имеют работу, а 10 — безработные». — «Нет, — ответил он, — вы меня неправильно поняли, здесь как раз наоборот». С некоторой медлительностью, усиливаемой жарой, я наконец переварив эту информацию, спросил: «А каким же образом тогда столько народа живет?» — «Да вот, — ответил Майк, — они... устраиваются».

Забросив вещи в гостиницу, я сразу же отправился осматривать окрестности, ожидая увидеть толпы нищих. В городе свыше ста пятидесяти тысяч жителей, из них 90 процентов безра-

ботных, чего же другого можно ожидать? Но ни тогда, ни потом я не видел на Новой Гвинее ни одного нищего. (Это было во второй половине 1990 года. Не стану ручаться, что в 1993 году в Порт-Морсби или в других местах ПНГ нищих нет. В 1993 году, проездом в Западный Ириан, я останавливался в ПНГ только на короткое время и, хотя как следует осмотреться не успел, по некоторым признакам заметил: положение ухудшилось. Оно и понятно: экономика ПНГ связана с Австралией, а та сейчас переживает самую худшую депрессию с 30-х годов.)

Лаконичная фраза Майка «они устраиваются» сделалась более понятной, когда администрация гостиницы настоятельно посоветовала мне после наступления темноты (а в тропиках это означает 6–7 часов вечера) из отеля нос не показывать — иначе меня запросто могут ограбить. Отель же этот не какая-нибудь лачуга на задворках, а гостиница первого класса, расположенная в «хорошем» месте города. По правде сказать, и выйти-то из нее, особенно вечером, не так-то уж легко. Если избежишь соблазна первого бара, то с железной решительностью нужно пройти еще мимо двух других, прежде чем доберешься до выхода. Или, предположим, атмосфера или меню в ресторане не по вкусу, то на другом этаже есть еще один ресторан. В вестибюле сидят хорошие папуасочки и тычут пальцами в компьютеры. Нет, решительно, такое затворничество выдержать можно. Не только можно, но и нужно — «gascals» (каналы) шутить не любят.

Кто же такие эти «gascals»? Это главным образом молодежь, обучающаяся или обучавшаяся в школах. После получения «образования» они не имеют большой охоты копать в земле своего клана или семьи. Даже маленькие городки с их музыкой, бильярдами, электронными играми представляются заманчивыми чудесами цивилизации. Да и те, которые работают на полях своих семейств, наличных денег имеют очень мало — производимое в хозяйстве большей частью сами производители и потребляют. Работу же за деньги найти очень трудно, а яга к ним растет все больше и больше. Ну, а раз трудом денег не добудешь, то остается...

Ключая проволока, солидные ворота и недоверчивый охранник ничего общего не имеют с каким-нибудь концлагерем времен второй мировой войны. Это вход в самую фешиенбельную гостиницу в городке Маунт-Хаген. Приехал я туда после двухсоткилометрового автоброска по центральному шоссе новогвинейского Высокогорья.

В начальной точке этого маршрута, в городе Горока, меня разбудили рано утром два дюжих парня. Они сообщили, что только что приехали на машине из Маунт-Хагена с тем, чтобы доставить меня туда. «У вас много пассажиров?» — «Нет, только вы». — «Так зачем же было присылать в такую даль двух человек только ради меня?» —

«Видите ли, тут все дело в «rascals». Они иногда перегораживают деревьями дорогу и, когда водитель выходит, чтобы ее очистить, грабят всех, кто под руку подвернется. Вот другой парень, значит, и будет вашим телохранителем в таком случае». Не знаю, чем был вооружен мой телохранитель; огнестрельного оружия он наверняка не имел, а лука и стрел я тоже что-то не заметил. Именно такой «боевой техникой» была вооружена охрана отеля в курортном городе и порту Маданг, где я провел несколько дней.

Огнестрельного оружия, за редким исключением, не имеет даже полиция, так как влияние клана распространяется и на блюстителей порядка. В случае конфликта с другим кланом полицейский револьвер может легко оказаться в руках его соплеменников, которые таким образом приобретут мощное боевое превосходство над своим противником, вооруженным только луками и стрелами, а ведь это было бы явно несправедливо.

Узы клана, или «уантока» (от слов — «one talk»), очень важны в быту новогвинейцев. Этим и объясняется отсутствие нищих в городах, несмотря на огромную безработицу: жители городов и городков через свои «уантоки» как-то связаны с землей («устроиваются»), где выращивается достаточно продуктов питания для всех. И поскольку «уанток» придерживается принципа: «Один за всех и все за одного», то соплеменники всегда накормят человека, который в другом месте был бы вынужден просить милостыню.

Путешествуя по Высокогорью, я очутился на территории многочисленного племени гули, делящегося на несколько кланов. Однажды мне показали кладбище и сказали, что там похоронены 13 человек — жертвы «войны» между кланами, которая бушевала всего за шесть недель до моего приезда. «Как же так, — удивленно спросил я, — ведь кланы гули говорят почти на одном и том же языке, я думаю, они дружат между собой». — «Иногда дружат, иногда ссорятся, потом опять дружат». — «Видно, ссорятся серьезно, если одними стрелами отправили на тот свет 13 человек. Как же это произошло?»

Оказывается, в один прекрасный день на территории одного из кланов появились два паренька из соседнего клана. Они заявили, что лет десять тому назад, когда они были еще маленькими детьми, здесь был убит их отец. На основании местных обычаев, если кто-нибудь из клана А убьет члена клана Б, то этот клан должен отплатить ответным убийством. Желательно убить виновного, а если не удастся, то можно убить любого мужчину, старуху или ребенка. Это называется «rauback killing» и имеет место в сегодняшней жизни. Клану А предоставляется выбор: он может избежать «rauback killing», уплатив «валютой»

известную сумму, зависящую от общественной ценности убитого. Традиционная «валюта» — это свиньи. Свинину едят не каждый день, а ее едят только во время праздников и церемоний. Главным же образом свиньи служат символом богатства и престижа, а также необходимы для серьезных финансовых операций, как, например, покупка жены. (В ПНГ стандартная цена жены 10 свиней; а в Западном Ириане цена колеблется, в зависимости от места, от 5 до 10 свиней.)

Так вот, подростки сказали, что за убийство отца они получили мало свиней и потребовали прибавки. В ответ на это им посоветовали убираться по добру-поздорову, так как дело было давно улажено. Но парнишки оказались настойчивыми и решили во имя справедливости «огрбить банк», то есть украсть свиней. Кража не удалась, один подросток был убит. Его клан потребовал за это соответствующую компенсацию, в которой было отказано. Отказ мотивировался тем, что поскольку парням ничего не причиталось, то они были обыкновенными ворами, а за кражу свиней полагается высшая мера наказания.

Вся эта юридическая казуистика, включая «вышку», была отвергнута противной стороной. А когда дипломаты замолкают, то начинают говорить пушки или петь стрелы. Противники нашли себе союзников, и скоро в войне двух враждебных коалиций участвовало пять кланов. Когда потери воюющих сторон достигли приблизительно одинакового уровня, решили заключить мир. За жизнь каждого воина было уплачено свиньями по справедливой расценке, и началось грандиозное пиршество. Смакуя жирное мясо, «враги» дружелюбно обсуждали боевые действия и делились друг с другом своими изобретениями стрел нового типа. По-видимому, эти люди отличаются от своих бледнолицых братьев тем, что им и в голову не приходит скрывать от своих потенциальных врагов новейшие достижения военной технологии. Празднество длилось долго и наконец закончилось, когда была съедена вся «валюта».

О Западном Ириане мы поговорим потом, но что касается ПНГ, то было бы ошибочно заключить, что большинство ее населения — дикари, «пробуждающиеся люди каменного века». Влияние современной цивилизации на внешние формы их образа жизни достаточно сильно и повсеместно, особенно среди молодежи.

Но все же еще можно найти группы, среди которых даже молодежь придерживается традиционного образа жизни. Среди тех же гули есть клан, у которого существует обычай, согласно которому молодые люди удаляются в своего рода «монастырь» на год или два, чтобы там отращивать волосы на особый манер. Это религиозно-магический обряд, сопряженный с рядом предписаний и табу. Одно из главных предписаний — поливать волосы несколько раз в день водой из особого водоема. Важное

табу — не иметь никакого контакта с женщинами. Раз в месяц им разрешается посетить семью. Если любящая мама нечаянно коснется сына, то по возвращении он должен тщательно мыть этот «грех». А в том случае, если волосы не растут достаточно быстро, «настоятель монастыря», подозревая нарушение устава, берет нерадивого под особый надзор.

Под крыльями самолета распростерлась огромная равнина. По ней голубыми змеями извиваются речушки, реки и гигант Сепик. Мы приземляемся недалеко от уединенного курорта Каривари на берегу реки того же названия. Мы — это я и Эрика, рыженькая немка из Берлина. Нас встречают распорядители курорта — приветливая супружеская пара австралийцев. Первым делом они забирают наши ценные вещи во внушительного вида сейф, а потом мы располагаемся на террасе в окружении бутылок разных мастей. Перед нами на много километров раскинулась панорама джунглей, прорезанных Каривари, впадающей в Сепик, а дальше горы. Некоторые известняковые вершины хребта такие острые, что кажется, порежешь палец, если дотронешься до них. Красные, золотистые, фиолетовые тона быстро гаснут, наступает тропическая ночь. Мы усаживаемся в столовой, уставленной резными фигурами. Некоторые из них поражают своей величиной и художественностью, что, впрочем, не удивительно. Своей работой умельцы бассейна реки Сепик славятся на весь мир.

Австралийцы рассказывают, что они приехали сюда два года назад из так называемого «Top End» — «Верхнего Края» северной Австралии. И климат, и виды диких животных, и густо населенные крокодилами воды в этой части Новой Гвинеи напоминают им родные места. Они слегка поругивают Эрику за то, что она путешествует одна по Новой Гвинее, мол, «мало ли что может случиться». Эрика отвечает, что она не робкого десятка, она ведь родилась и выросла в Берлине. А там всякое случалось, и принялась перемывать косточки русским. Узнав, что против нее за столом сидит представитель этого несносного племени, она замолкает, уставившись на меня удивленно-круглыми глазами. Должно быть, не ожидала, что почтенный американец, каким-то образом забредший сюда в джунгли, окажется одним из «них». А я все слушаю да ем, потихоньку уплетая аппетитный ужин. Словом, вечер прошел великолепно.

Через день я должен был улететь назад в Порт-Морсби. Эрика решила остаться еще на день, чтобы посетить пару местных деревенских школ — в рыженькой учительнице заговорил профессиональный интерес. Благополучно добравшись до уютной гостиницы в Порт-Морсби, я опустился в мягкое кресло бара и стал слушать новости по телевидению. В числе прочего диктор сообщил, что несколько

часов тому назад был ограблен курорт Каривари. Грабители приплыли в пироге, заставили симпатичных австралийцев открыть сейф и уплыли с его содержимым. Конечно, удирать в пироге по реке гораздо приятнее, чем продираться через джунгли. Однако это значительно облегчило работу полиции, и далеко они не уплыли. Судя по хронологии событий, Эрика пропустила центральный момент драмы и вернулась из педагогической экспедиции, когда непрошенные гости покинули курорт, увозя с собой ее сумку с деньгами и документами. Надеюсь, ей их возвратили, и она благополучно вернулась к своим благонравным берлинским школьникам.

Какой интересный сувенир можно было бы привезти из Новой Гвинеи? Пожалуй, перья райской птицы, но их запрещено вывозить из страны. Все равно, я купил их в Гороке и, посоветовавшись с Майком насчет вывоза, зашил контрабанду под подкладку пиджака. Пройдя таможенно, я спокойно сидел в зале ожидания перед вылетом в Австралию. Вдруг открывается дверь, входит Майк, а за ним полицейский. Когда я увидел, что они направляются прямо ко мне, то почувствовал, что перья вдруг начинают щекотать и даже покалывать мне ребра. Постарался утешить себя мыслью, что внутри новогвинейская тюрьма ненамного хуже, чем выглядят снаружи. Полицейский мне сообщил, что у Майка обнаружен бинокль, который, по его словам, я ему подарил. Но ведь такие дорогие вещи не дарятся (а бинокль-то я ему подарил дешевой), поэтому появилось подозрение в краже. Потихоньку испустил вздох облегчения, я написал на клочке бумаги: «Настоящим удостоверяю, что бинокль за номером 41625701 был действительно подарен мною Майку за его исключительную внимательность и услуги, превосходящие...» Приветливо улыбаясь, Майк и полицейский пожелали мне счастливого пути, и опасная пара удалилась. Убрался восвояси и я, решив отложить на будущее путешествие по западной части острова. Мне это почти удалось в 1991 году, но помешала дизентерия, полученная на Борнео. Прилетев в Западный Ириан, я был вынужден на следующий же день улететь в Лос-Анджелес.

Весной 1993 года (осенью для Южного полушария) я читал лекции в Австралии, в университетах Брисбена и Дарвина. Из Дарвина, центра австралийского «Тор Енд», я решил отправиться в Западный Ириан, или Ириан Джая, как называли западную часть Новой Гвинеи индонезийцы, заменив там голландских колонизаторов. Индонезийцы, взявшие в свои руки управление Западным Ирианом с начала 60-х годов, рассматривались некоторой частью туземцев как новые колонизаторы. Среди папуасского населения стало расти настроение за объединение острова, появилось пар-

тизанское движение. Оно встретило большую, чем просто моральную, поддержку с восточной стороны, что не благоприятствовало развитию добрососедских отношений. Сейчас как будто все спокойно, Индонезия и ПНГ установили и поддерживают дипломатическую связь. Все же отношения остаются натянутыми, и это причинило мне немало хлопот.

Новая Гвинея, особенно ПНГ, открыта густой сетью авиационных трасс. Но только раз в неделю битком набитый самолет совершает рейс с восточной стороны острова на запад и обратно. Визы на такое «длгое» время, как неделя, то есть на время между рейсами туда и обратно, выдают только индонезийскими посольствами, консульство в Дарвине не имеет на это права. Таким образом, чтобы попасть из Дарвина в Западный Ириан, мне нужно было прилететь в столицу ПНГ, где было индонезийское посольство. Положение осложнялось тем, что я прилетел в Порт-Морсби в субботу, в нерабочий день, а самолет отправлялся в свой еженедельный рейс в воскресенье.

Посол был в отпуске, но мне удалось связаться по телефону с секретарем, и он любезно предложил открыть для меня посольство и в субботу. Приятно удивленный такой необычной для бюрократа готовностью оказать помощь и полный самых оптимистичных ожиданий, я сразу же позвонил по телефону-автомату из аэропорта в посольство. Безрезультатно. Прибыв в гостиницу, я в течение трех часов звонил каждые пять-десять минут то в посольство, то на квартиру секретаря — никакого ответа. Между тем уже начинало темнеть, а самолет улетал в шесть часов утра. Застреть в ПНГ у меня не было ни малейшей охоты. По дороге из аэропорта я заметил, что проволочные заграждения стали более свирепыми, чем раньше, и порой витками спиралей напоминали кадры ранних кинофильмов, где были засняты оцетинившиеся окопы первой мировой войны.

Наконец наша встреча состоялась, и что же оказалось? Верный своему слову услужливый секретарь отправился из дома, чтобы открыть ради меня посольство. По дороге он решил заехать проведать приятеля, но выехать оказалось не так-то просто. Где-то неподалеку шайка «gascals» стала буяннить, и полиция оцепила несколько кварталов и не пускала никого ни в одну, ни в другую сторону. Секретарь оказался в осадном положении и был наконец освобожден, когда восторжествовали силы закона и порядка.

Следующим утром наш самолет приземлился перед самой границей, и всем было приказано выйти на проверку. Проверка была тщательная и несколько необычная. Стоящая рядом со мной молодая француженка, одетая в джинсы, заметно смуглитая и готова была возмутиться, когда стали прощупывать ее ноги, начиная от щиколоток и выше. Было ясно, что искали заправочное оружие, а все остальное мало

интересовало таможенных чиновников. Применили аппарат для обнаружения металлов, оказавшийся высокочувствительным инструментом, и он при проверке такого безобидного пацифиста, как я, вдруг заверещал, как недорезанный поросенок, реагируя на английскую булавку в моих штанах. Однако этот острый предмет не конфисковали, так как он явно страховал мои штаны от внезапного падения и по сему для агрессивных целей не мог быть использован. Очевидной целью этой операции было желание властей ПНГ избежать упреков в пособничестве антииндонезийским элементам. Стало быть, «на западе без перемен», то есть не все спокойно, несмотря на отсутствие каких-либо официальных сообщений на это счет.

Не знаю, этой ли или какой-нибудь другой причиной объясняется обилие людей в полицейской и военной форме в столице Западного Ириана, городе Джаяпура. Деловая часть этого живого города со стотысячным населением расположена между зелеными холмами и живописной лазурной гаванью. Хотя Джаяпура находится только в 20 километрах от границы, она представляет собой сильный контраст по сравнению с городами ПНГ. Это город-винегрет, где смешиваются индонезийские бюрократы с бродячими яванскими торговцами горячими и холодными блюдами, с меланезийскими рыбаками и с папуасским рабочим людом. Вечером и допоздна улицы полны народа, который свободно прогуливается, отдыхая от дневной жары и закусьвая при этом индонезийскими, китайскими и Бог знает еще какими яствами. Только в одном месте я видел забор из колочей проволоки — это был большой портový склад.

Несмотря на весь колорит Джаяпуры, я долго в ней задерживаться не стал и вскоре направился к главной цели моего путешествия — долине реки Балием. «Найденная» незадолго до войны, долина Балием была густо заселена тысячами дикарей, изолированных от остального мира. Сейчас в самой долине цивилизация пустила корни, но прилегающие к ней с запада и с юга до самого побережья области до сих пор являются самой крупной частью Новой Гвинеи, наименее затронутой современной цивилизацией и местами даже плохо исследованной. Доступ в долину и соседние места возможен только самолетом. Для посещения необходимо получить пропуск от полиции в Джаяпуре и ограничить свой визит местами и временем, указанным в пропуске.

Сначала все это мне казалось бюрократической тиранией, но, побывав среди дани, туземцев долины, я переменил свое мнение. Предосторожности нужны, чтобы не причинить местному населению вреда. Я не могу судить о политике Индонезии в Западном Ириане вообще, но, что касается дани, то мне кажется, власти заслужи-

вают похвалы за заботы об их благополучии и финансовую щедрость. Не только ввозить туда, но и употреблять там спиртные напитки запрещается абсолютно всем, даже туристам. Я воочию убедился в губительном действии алкоголя на племена, сравнительно недавно до него добравшиеся. На севере Австралии живет много аборигенов, и подавляющее большинство их существует за счет правительственных пособий. К сожалению, большинство мужчин, похоже, занимается главным образом тем, что с 9 часов утра и до 9 часов вечера потягивает из банок дешевое пиво. Запрет на продажу спиртных напитков австралийским аборигенам был снят не так уж давно. А ведь когда-то это были уважаемые отцы и кормильцы семейств.

Дабы не вступать в конфликт с властями при проверке багажа, я был вынужден перелить содержимое бутылки виски в бутылочку с невинной надписью «кока-кола» и крепко ее завинтить. Сидя в гостинице и размышляя о разумности сухого закона в долине Балием, я сопровождал мои размышления маленькими глотками этой «кока-колы».

Через семь лет после перехода власти от голландцев к индонезийцам ритуальные войны дани сошли почти на нет, — причем за предыдущие 25 лет голландского правления было мало сделано для их прекращения. Однако ритуальные войны не совсем забыты и сегодня.

Обычно конфликт происходит из-за женщин, земли или кражи свиней. Сражения следуют веками выработанным ритуалу. В заранее условленном месте в определенное время появляются воины. Если дождь — битва откладывается, время потеряно. На поле сражения приходит много зрителей, женщины приносят еду для себя и воинов, как на пикник. Обмениваясь оскорбительными выкриками, враждующие партии сходятся ближе и ближе, достигая расстояния полета стрелы или броска копья. Битва длится 10 — 15 минут, после чего наступает «обеденный перерыв» или просто пауза. Это повторяется раз десять в день. Затем и победители, и побежденные (никто точно не знает, к какой категории кто принадлежит) расходятся по домам. Конечно, всегда есть раненые, но редко кого-нибудь убивают в бою, гораздо больше умирает от заражения ран. Беда начинается, если нужно отомстить за смерть. Часто это достигается внезапными набегами уже без всякого ритуала и спорта. Конечно, и ни дети, ни женщины пощады не получают. Поэтому иногда женщины обрабатывают землю инструментами, имеющими один острый конец — для самозащиты. С этими внезапными набегами правительству до сих пор приходится бороться.

Традиции в отношении жилищного быта также оказались упря-

мыми. Вокруг типичной деревушки, или, вернее, жилого комплекса дани — забор, а вход намеренно затруднен — надо лезть через какие-то ветки, рогатки. Прямо против входа находится хижина, где живут мужчины. Налево — хижины поменьше, это для женщин. В каждой живут жены разных мужей, причем обычно у каждого мужчины несколько жен. Половина длинного узкого помещения направо служит кухней, а другая половина — сараем для свиней. И в кухне, и для отопления в хижинах огонь раскладывается на земле. В жилищах горячие угли или огонь поддерживаются всю ночь. Обитатели спят на «втором этаже», под самой крышей, где теплый воздух защищает их от ночной прохлады.

Но если мужчины и женщины спят отдельно, то как же появляется на свет новое поколение? Так вокруг ведь есть обширные поля и огороды, а в хорошей семье всегда можно договориться.

В хижинах выходом для дыма служит только входное отверстие, и дыша таким воздухом, многие страдают болезнями легких. Для улучшения жилищных условий правительство построило несколько деревушек, где каждая семья имела свой домок. Платы никакой не требовалось — перебирайся и живи себе. Некоторые передовые граждане перебрались — не понравилось. В доме на полу костер не разложишь, а ночью прохладно, давайте одеяла. Получили одеяла, но спать под ними дани не смогли — привыкли спать всю жизнь голыми и не прикрытыми. Кончилось тем, что к государственным коттеджам они пристроили свои традиционные хижины, а в неотопляемые домики поселили свиней.

Нет сомнения, что, несмотря на полувековую связь с цивилизованным миром, дани во многих отношениях еще остаются примитивными людьми. Каково же было мое удивление, когда, вылетев из Джаяпуры и пробыв в воздухе около 40 минут, я посмотрел вниз и увидел под собой с геометрической точностью, словно расчерченные на бумаге, зеленющие поля, возделанные этими «примитивами».

Ведение сельского хозяйства стоит у дани на очень высоком уровне. Они строят оросительные системы, роют сточные каналы, сажают кусты для предотвращения эрозии, меняют посевные культуры и знают террасное земледелие. Столетиями все это делалось каменными орудиями, и только в 70-х годах последний каменный топор уступил место железному. Правда, на их стороне была плодородная почва и благоприятный климат, так как долина находится на высоте полутора километров над уровнем моря. Окруженная трехкилометровыми горами — эта долина, длиной в 70 и средней шириной в 25 километров, производит сейчас больше сельскохозяйствен-

ных продуктов, чем нужно, чтобы прокормить ее 70-тысячное население.

Центр жизни долины — чистенький городок Вамена. Если бы его перенести в США, то соседи поначалу не заметили бы ничего из ряда вон выходящего — дома как дома, нормальные улицы. Но, приглядевшись, они обратили бы внимание на несколько странных явлений. Некоторые жители Вамены разъезжают на мотоциклах, а их сограждане ходят голыми по улицам среди бела дня. Многие женщины обходятся не только без бюстгалтеров, но и без блузок.

А главное — это базар, базар с его удивительной смесью людей и товаров. Там, например, можно встретить людей, демонстрирующих моды, охватывающие несколько тысячелетий, от модерна денди до костюмов, вошедших в моду во времена Адама.

Большинство, но не все жители Вамены носят современную одежду. Приходящие на базар обитатели окрестных деревушек обычно одеты в традиционный «наряд». Мужская одежда дани состоит только из чехла, надеваемого на половой член, и иногда еще из головного убора. Этот чехол называется «голим» или «гурд». Он прикрепляется снизу, а повязка охватывается набедренной повязкой. В большинстве случаев голим конической формы, но некоторые кланы предпочитают носить солидного размера цилиндр. Это делается из практических соображений. Отправляясь в поход, хозяин цилиндра, за неимением карманов, наполняет его табаком и закуской, обычно сладким картофелем — главной пищей дани.

Разъезжая по долине, я заметил, что «одеты» в голим большей частью мужчины старше 35 — 40 лет. Молодежь предпочитает джинсы, а за неимением таковых обыкновенные штаны. Когда же дело доходит до празднеств или церемоний, как-то свадьбы или посвящения юноши в воины, то все меняется. Тут все, от мала до велика, не только сбрасывают штаны, но и надевают на себя другие традиционные воинские атрибуты, которые мне удалось заснять. С получением одной фотографии мне повезло: я случайно попал в деревушку под конец церемонии посвящения юноши. Заодно сфотографировал и его родственницу с искалеченными пальцами: бедным женщинам не только достается львиная доля работ, но и в случае смерти члена семьи они должны отрубить себе сустав пальца.

На базаре я видел людей, одетых в обручи из сухих лиан (вернее, из ратана, крепкого ползучего растения). Обручи поддерживали длинный конический голим, торчащий совсем горизонтально, как пика. Это родственники дани — племя яли, живущие лишь в 30 километрах от Вамены. Живут они довольно изолиро-

ванно, в труднодоступных горах. По этой или по какой другой причине, у них выработался агрессивный, враждебный к пришельцам характер, в чем убедились несколько миссионеров. В 1967 году миссия голландца Кройта подверглась нападению. Яли обвинили его и его помощника в проявлении слишком большого интереса к их женам. Миссионеру повезло, он отсутствовал, а помощнику нет. Он был съеден, и с ним еще 12 человек, обслуживающих миссию. А в 1968 году еще два миссионера, австралиец Дэйл и американец Мастерс, пробиравшиеся по горам из одного селения в другое, были убиты и съедены. С тех пор яли придерживаются вегетарианской диеты, но все же пользуются репутацией полудиках людей.

В 150 километрах прямо на юг от Вамены кончаются горы и начинаются обширные равнины, доходящие до морского побережья. На несколько большем расстоянии на юго-восток по лесам, растущим на этих равнинах, бродят две-три тысячи дикарей племени короваи.

Судя по индонезийским источникам, короваи и до сих пор занимают людоедством. Они верят в то, что каждая смерть вызывается магией. Виножник должен быть найден, убит и съеден родственниками умершего. Таким образом поддерживается непрерывный цикл людоедства. Но это косвенные сведения, полученные от людей, наблюдавших короваев с более-менее безопасного расстояния. А вот что мне рассказал в Джайяпуре очевидец, индонезиец по имени Джоко.

Джоко — молодой человек, недавно закончивший в Джакарте университет по специальности этнография и антропология. Сейчас он работает частным образом, как проводник групп, желающих попасть в уединенные, труднодоступные места Западного Ириана. Однажды его услуги понадобились группе из четырех индонезийцев, пожелавших заснять жизнь короваев на видео.

Джоко был отчасти знаком с этими местами, но встретиться с дикарями ему все не удавалось. Коровайи живут охотой, и у них выработалось тонкое чутье. Они по запаху узнавали о приближении индонезийцев и заранее скрывались, бросая свои убежища.

Джоко подарил мне сделанные им снимки. Почему хижины короваев построены так высоко от земли? Хищных зверей на Новой Гвинее нет. Значит, для защиты от врагов. Добраться до хижин можно только по дереву с зарубками: процесс довольно долгий, в особенности, если приходится время от времени останавливаться, чтобы выдергивать стрелы из мягких частей своего тела.

Чтобы перехитрить чутких охотников, Джоко решил вести свою группу все время против ветра. В один прекрасный момент они вдруг оказались окруженными разъяренными короваи, направившими штык

двадцать стрел на перепуганных кинооператоров. Джоко был уверен, что им пришел конец. Скорей всего их спасло то, что, несмотря на пробы в своем образовании, короваи кое-что слышали об индонезийской армии с ее вертолетами и другими предметами, делающими много шума. Вероятно, поэтому они не применили никакого насилия и, продержав индонезийцев под стражей несколько дней, наконец отпустили. Вернее, они просто исчезли, так же внезапно, как и появились. Во время пребывания в плену члены экспедиции видели много интересного. Поймав змею, короваи ловко свернул ей голову и начал есть с хвоста, все еще продолжавшую извиваться. Как-то, пропотев в душной жаре равнины, индонезийцы заявили, что хотят искупаться. Их, как всегда, под стражей повели к ручью. Когда они захотели намылиться, то обнаружили, что стража уже доедает куски мыла... На другой день исчезли стеариновые свечи. Джоко уверяет, что короваи не использовали их для освещения. Но стало не до шуток, когда как-то вечером «охотники» принесли тело человека. Труп был расчленен на две половинки и брошен на горячие угли. Это произошло в 1991 году.

Я обиняком расспрашивал, не склонен ли Джоко немного фантазировать. Все, знающие его, мне говорили, что он серьезный человек и ему вполне можно верить.

Наступило время покидать край мирных земледельцев, полудикарей и каннибалов. Перелетев границу двух Новых Гвиней, мы приземлились на стороне ПНГ в селении Ванимо, том же самом месте, где неделю назад нас прощупывали добросовестные пограничники. Никому в голову не приходило стать в очередь для проверки: пассажиры, всё местный народ, сгрудились как стадо овец вокруг иммиграционных и таможенных чиновников. Но никто не лез вперед, все вежливо и терпеливо ждали, пока придет их черед. Все,

кроме одного человека. Меня. Во мне заговорили привычки, приобретенные в детстве и ранней юности в очередях Одессы и Киева, и я противился вперед, пока не уперся локтем в бок какого-то широкоплечего папуаса. Тот удивленно на меня покосился — чего, мол, толкаешься? Пришлось отставить автоматические рефлексы, выработанные при посадках в трамвай Одессы-мамы, и вести себя как подобает папуасу.

Все шло гладко до возвращения в самолет, когда от меня требовали показать копию билета, которую имели все, кроме меня. Я получил все мои билеты еще в Калифорнии, и перед обратным полетом в ПНГ мой билет в Джайяпуре был заменен посадочным талоном. На пропуске был номер рейса, но не было ни его даты, ни моего имени, и суровый контролер отказался признать его законным документом. «Так что же мне теперь делать?» — «Не знаю, вот, может быть, придет начальник, он и рассудит». Между тем стюардессы начали закрывать двери, готовясь к вылету.

Мне стало не по себе. Следующий самолет прилетит сюда через неделю, и все места на нем наверняка будут распроданы. Со стороны суши — непроходимые горы, а по морю до ближайшего порта, из которого можно попасть в глубь страны, город Вивак, расстояние 280 километров — на небольшой моторной лодке не доберешься. Да и денег под конец путешествия оставалось кот наплакал. Кредитные карточки? Здесь в джунглях знание черной или белой магии было бы гораздо полезнее, чем любая из них. В этот критический момент, словно чудо с небес (это было Пасхальное воскресенье), явился начальник. Было еще рано, но, судя по винному аромату, начальник начал праздновать этот важный день еще раньше. А может быть, он разговлялся всю ночь до утра и, сделав все нужное для своего спасения, пришел спасти и меня. Что он и сделал, да ниспошлет ему судьба всяческих благ, провозгласив меня законным пассажиром.

Итак, я познакомился с двумя Новыми Гвинейями. Но где-то между долиной Балием и морским побережьем есть еще третья, малоисследованная и неприветливая страна подлинных дикарей. Я точно знаю, как туда добраться небольшим самолетом и пирогой. Удастся ли выбраться? Думаю, что да, ведь Джоко удалось. Правда, жена отговаривает меня от таких планов. В утешение я говорю ей, что после сорока лет жизни в Калифорнии все клетки моего тела настолько пропитались бензиновыми парами, смогом и другими запахами высокоразвитой цивилизации, что едва ли ими соблазнится какое-нибудь близкое к природе существо.

Порт-Морсби — Джайяпура — Сан-Франциско

ГЛОБУС

В СНЕЖНОЙ ПРЕИСПОДНЕЙ
ЭКСПЕДИЦИЯ В МИКРОМИР
ЗАГАДОЧНЫЙ СОН ДУОНГ

НА ЛЕДНИКОВОЙ МЕЛЬНИЦЕ

Час понадобился вертолету экспедиции французского исследователя ледников Жано Ламбертона, чтобы преодолеть расстояние от городка Илулиссата, что на западе Гренландии, до поселка Паритсог на севере острова. Здесь, как было известно Ламбертону, находится одна из самых больших в мире так называемых «ледниковых мельниц». К ней и направлялась экспедиция, в которую входили альпинисты, спелеологи, гляциологи, аквалангисты и фотографы — всего одиннадцать человек.

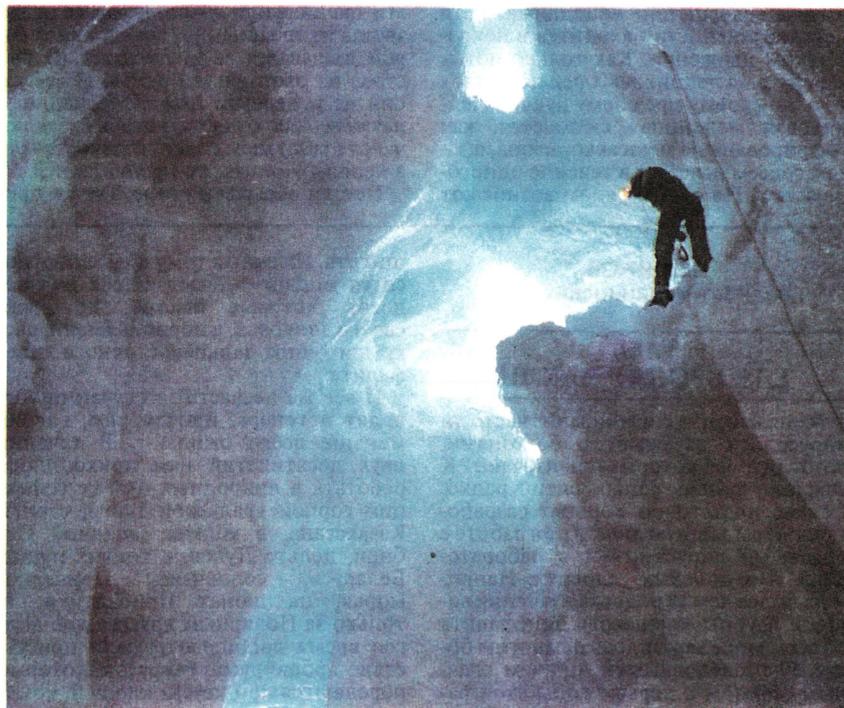
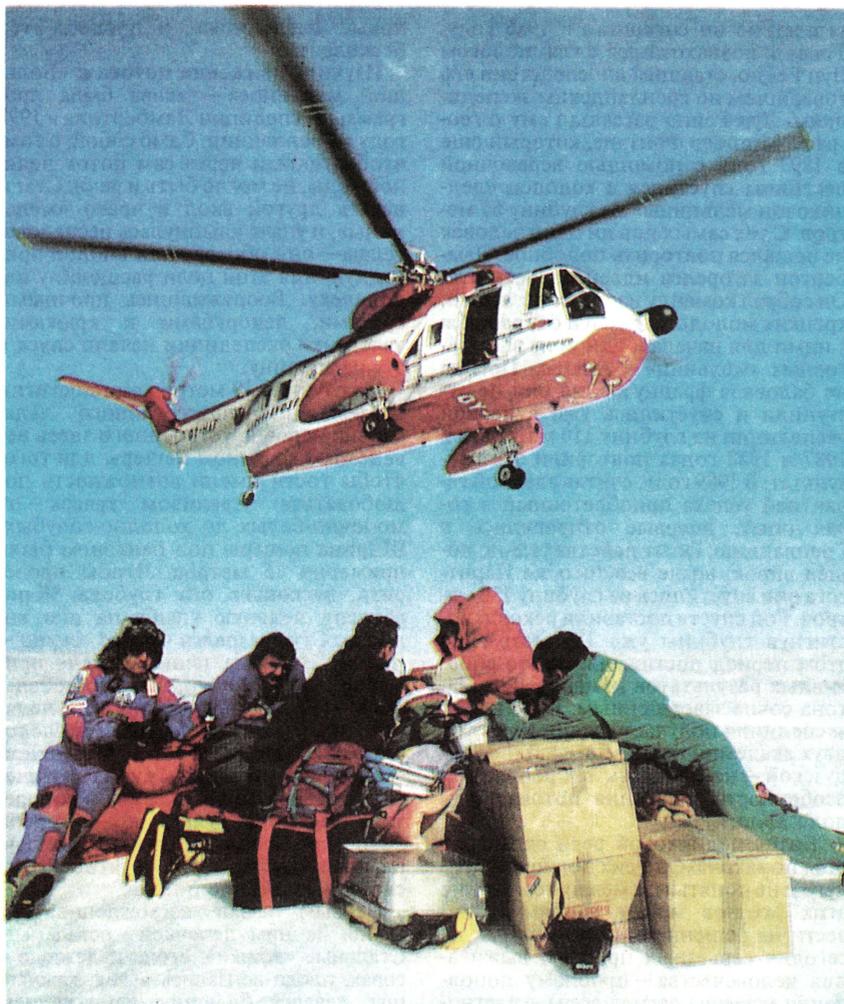
Во время полета они почти не разговаривали. Бывалые путешественники, которых, казалось, уже ничем не удивишь, буквально замерли, созерцая панораму, открывшуюся с борта вертолета в этот редкостный для севера ясный день. Отроги гор, казавшиеся ослепительно белыми под прямыми лучами полуденного полярного солнца, прорезали бирюзовые вены речушек, по берегам фьордов высились нагромождения осколков льда, сползающего с языка ледника в талую воду. Свет, преломляясь в них, распался на многочисленные радужные блики. А за этой роскошной огранкой на многие километры в глубь острова простиралась никогда не тающая ледяная корка. Под ее панцирем и текут то неспешно, то беспокойно ледниковые реки.

Типичная «ледниковая мельница», которую можно встретить и в других горах, — это глубокий спиралевидный колодец, пропиленный в стене ледниковой трещины, когда в нее скатываются воды надледниковых ручьев вместе с обломками горных пород. Внизу, на дне колодца, поток воды впадает в узкий, косой коридор длиной 10 — 20 метров, по которому вода стекает в озеро или пролив, настолько узкий, что между его стенами не может поместиться человек. Словом, это ледяная преисподняя. «Мельницы» Гренландии существенно отличаются от альпийских. Их отверстия в диаметре бывают обычно от одного до двух метров, поток устремляется через одно такое отверстие, а не через сито мелких дыр, как в Альпах, и течет в основном в направлении, аналогичном разлому каньона. Кроме того, «мельницы» Гренландии, которые перестают снабжаться водой, иногда оказываются внизу шире, чем наверху, что, естественно, дает исследователям возможность более ясно представить себе, как и почему возникают и исчезают эти образования.

К своей гренландской экспедиции летом 1992 года Жано Ламбертон шел постепенно. Первое «мельничное» пу-

Мощные разломы льда, образующиеся на кончине ледникового языка, впадающего во фьорд.

Здесь ледниковая река когда-то несла свои воды к «мельнице». Жано Ламбертон первым поднялся на вершину «мельницы».

тешестве он совершил в 1986 году. Тогда и познакомился с гляциологом Луи Рейно, ставшим впоследствии его товарищем по гренландским экспедициям. Луи Рейно рассказал ему о географе Мишеле Фонтэне, который еще в 1897 году с помощью веревочной лестницы спустился в колодец «ледниковой мельницы» на глубину 55 метров. С тех самых пор ни один человек не решался повторить подобное. Ламбертон загорелся идеей сделать это. Он собрал команду из таких же, как он, крепких молодых людей и отправился с ними для начала к одной из высокогорных «мельниц» в Альпах. Погода не баловала французом, но они не отступили и спустились уже в первой экспедиции на глубину 110 метров, а в 1987 и 1988 годах повторили этот результат. В 1989 году, считая главной гарантией успеха приобретенный в горах опыт, впервые отправились в Гренландию. Опыт действительно пошел впрок: возле все того же Паритсога они спустились на глубину 130 метров. Год спустя поставили рекорд, достигнув глубины уже 154 метра. На этом период достижения чисто спортивных результатов команда Ламбертона сочла завершенным. В 1991 году экспедиция получает задания сразу от двух академий наук — датской и французской — исследовать в Гренландии особенности движения потока воды подо льдом.

Жизнь ледниковой реки складывается по законам, до сих пор не изученным и не понятным, а между тем знание этих законов может напрямую вывести на решение одной из самых на сегодня серьезных проблем выживания человечества — проблему пополнения запасов пресной воды, в частности, и уровня Мирового океана в целом. Ледник, кажущийся на первый взгляд совершенно неподвижным, в действительности находится в непрерывном движении. Как только поток какой-то из ледниковых рек перестает течь по своему прежнему руслу, «ледниковая мельница» сжимается, как гофрированные мехи аккордеона, и затем совсем исчезает в течение одного-двух лет. Но где-то рядом возникают

новые «мельницы», и процесс этот бесконечен.

Изучить движение потока в «Большой мельнице» — такова была программа экспедиции Ламбертона в 1992 году в Гренландии. Само собой, о том, чтобы пройти через сам поток ледяной воды, не могло быть и речи. Стали искать другой вход в чрево «мельницы», и удача улыбнулась исследователям — они обнаружили вполне пригодную для этой цели расщелину неподалеку. Вооружившись прочными тресками, ледорубами и крюками, участники экспедиции начали спуск в эту расщелину.

На глубине 10 метров они достигли балкона из спрессованного льда, словно нарочно устроенного здесь неведомым хозяином пещеры для того, чтобы гости имели возможность полюбоваться переливом красок — от молочного-белых до холодно-голубых. Ширина пещеры под балконом была примерно 15 метров. Чтобы проверить, насколько она глубока, Жано сбросил ледяную глыбу на дно колодца. Стук раздался через 5 секунд — значит, глубина пещеры была примерно 100 — 120 метров. Полюбовались — и снова вперед, в глубь ледяного массива. Над головами исследователей нависал огромный ледяной свод, напоминая купол готического собора. И так же, как в соборе, здесь бродило гулкое эхо... Теперь предстоял подъем со дна «мельницы» на поверхность ледника, чтобы проследить движение потока.

Первым начал восхождение сам Жано. За ним цепочкой — остальные. Стальные «кошки», столь надежные в горах, плохо вонзались в лед, каждый шаг давался большим напряжением сил. Как только в лед вбивали очередной крюк, тут же от него начинала ползти трещина или образовывалась целая звезда из трещин, при появлении которой раздавался звук, похожий на выстрел из охотничьего ружья. И все же они не повернули назад. Медленно, с паузами для отдыха, который заключался в минутном сидении на корточках в ледяных нишах, но продвигались.

Пошли обрывы и утесы. Тут уж при-

ходилось проявлять буквально акробатическую ловкость, перелетая с помощью каната с одного возвышения на другое. Вскоре им попался бассейн талой воды, появились оставленные водой небольшие пещеры, заполненные сталактитами и сталагмитами, подобными тем, что возникают в известковых пещерах, но только изо льда. Жано Ламбертон вспоминал потом, что, несмотря на усталость, почувствовал: «Большая мельница» его очаровала. Но на смену очарованию приходило разочарование. Относительное тепло сменилось холодом. Температура льда была минус 1 — минус 3, и легкие, рассеивавшиеся в воздухе капельки воды застывали на стенах пещеры. Потоки воды то и дело меняли направление, и на стенах образовывались все новые и новые вертикальные ледяные выступы, вновь напоминая контрфорсы стремящихся ввысь архитектурных форм готики. Самое же сильное разочарование ждало участников экспедиции Ламбертона в конце восхождения: им так и не удалось с точностью определить местоположение той массы снега, что дает энергию движения всем этим потокам воды и ледяным выступам.

И все же в актив экспедиции можно внести весьма существенные результаты. Есть серьезные основания предполагать, что возраст самой глубокой части «Большой мельницы» — примерно от 10 000 до 20 000 лет. То есть можно сделать вывод, что подобные образования довольно стабильны и жизнеспособны. Несмотря на кажущуюся на первый взгляд хаотичность движения водных потоков в «мельнице», здесь угадывается какой-то, пока неведомый, но математически точный режим — есть над чем работать гидрологам.

Тайны «ледниковых мельниц» хотя и не были раскрыты, но у Жано Ламбертона и его товарищей уже есть ключи к ним. А нам остается ждать новых рассказов о новых путешествиях отважных французских исследователей.

По материалам журнала «GEO»
подготовила
Екатерина КОСТЮКОВА

И.ВОИНОВ,
кандидат медицинских наук

ТАМ, ГДЕ БРОДЯТ ЧАКЛИ

Меня нередко спрашивают: часто ли вирусологи заражаются болезнями, возбудителей которых они изучают? К счастью, теперь редко, очень редко. Сейчас достаточно хорошо разработаны меры защиты людей при работе с опасными вирусами — и в лабораториях, и в полевых условиях. Например, более чем за полвека изучения вирусов группы клещевого энцефалита во всем мире заразились немногим более 50 исследователей, причем главным образом в первые годы этой работы, когда еще не знали, как себя за-

щитить. Именно к тому времени относится подвиг отечественных вирусологов, которые быстро, не щадя своего здоровья, а порой и жизни, раскрыли тайны дальневосточного энцефалита.

И все же несчастные случаи происходят и теперь, причем там, где их меньше всего ожидают. В течение двух десятилетий нам приходилось работать в природных очагах инфекций горной уральской тайги, степей Казахстана, в колках Западной Сибири, дельте Дуная, в топках пушах Беларуси, солончаках Причерноморья, на днах Прибалтики. И только за Полярным кругом, где долгое время вообще отрицали присутствие арбовирусов (вирусов, которые передаются при укусах клещей, комаров и других кровососов), трое участ-

ников белорусской вирусологической экспедиции заразились и перенесли ранее неизвестное науке заболевание. Было это на Кольском полуострове.

... Сильный океанский накат упорно бросал катер на серые поросшие водорослями скалы. Надо было успеть выскочить с тяжелыми рюкзаками на скользкие прибрежные камни в тот момент, когда волна отхлынет от берега. И все же высадка прошла благополучно.

Проводник повел нас к птичьему базару, где предстояло работать. Комары жалили нещадно; спина идущего впереди моментально побурела от густого слоя шевелящихся кровососов. Обмахивались ветками единственного в этих местах дерева — низкорослой полярной березки, которая стелется по камням, прижимаясь к земле.

Натоптанная пограничниками тропинка вела в гору. С гребня холма открылся вид на обширную круто уходящую вниз расщелину, усыпанную огромными каменными глыбами. Казалось, будто кто-то гигантским молотом раскрошил скалы. Внизу шумно плескалось море. Оно-то и было тем могучим молотобойцем... По едва заметной среди камней тропке мы спустились к берегу и попали на птичий базар.

Узкие, шириною в два-три метра, расщелины рассекали скалы сверху до низу. Их вертикальные стены на десятки метров в высоту были заселены птицами. Тысячи чаек-моек сидели на всех выступах и карнизах. Их сизые спинки и черные кончики маховых перьев подчеркивали ослепительную белизну оперения. Гнезда жались одно к другому. Из них выглядывали птенцы. То тут, то там среди камней попадались расклеванные хищниками мертвые птицы. Тяжелый запах их гниения смешивался со смрадом гниющей рыбы и сырости. При нашем появлении потревоженные чайки начинали метаться от одной стены ущелья к другой, кричать и, казалось, норавли (и часто безуспешно) попасть в нас своими экскрементами. Не будь на нас брезентовых штормовок с капюшонами, пришлось бы совсем худо.

Шум стоял неопиcуемый. Птичье многоголосье, отражаясь от стен, многократно усиливалось эхом, и мы плохо слышали друг друга.

Настоящее царство чакли! Древние обитатели этого полярного края всегда существование чакли — маленьких карликов, населяющих прибрежные ущелья и скалы. Надежные зловредным нравом, чакли заманивали людей в свои владения, наваливались на них всем скопом, пригибали к земле и старались задушить. Если же человек пытался заговорить, чакли, издеваясь над ним, отвечали теми же словами, поставив их в обратном порядке.

— Идите сюда! — кричал снизу наш проводник.

— Ай-да! Ай-да! Ай-да! — отвечали со всех сторон голоса, перекрывая гомон птиц.

В общем, место, куда мы попали, было необычным, но малопривлекательным.

Чуть в стороне от базара удалось найти каменную нишу, пригодную для размещения полевой лаборатории. Я принес несколько пустых ящиков, выброшенных морем. Два из них служили столами, а те, что поменьше, — стульями. Расстелили клеенку, разложили инструменты. Шеф и лаборантка Катя сели за импровизированный стол, а мы с Александром Семеновичем, паразитологом, отправились в узкие расщелины ловить птиц. У Александра Семеновича в руках длинное удилище с петлей на конце. Осторожно, чтобы не вспугнуть чайку, он заводит петлю над головой сидящей в гнезде птицы, и через мгновение она уже трепещется на толстой капроновой леске. Мне оставалось лишь подхватить добычу, спрятать в мешок

и отнести в «лабораторию». Там птицу осматривали, метили и брали у нее пробу крови. Потом чайку отпускали, и она, мелко-мелко встряхивая крыльями, делала над нами прощальный круг.

С океана подул пронизывающий ветер, сильно похолодало. Тем, кто неподвижно сидел за «столом», было особенно зябко. Руки ооченели и плохо слушались. Надо было немного размяться. Катя пошла к берегу промывать использованные шприцы, а шеф направился в ближайшую расщелину. Там среди камней слабо шевелился выпавший из гнезда птенец. Шеф принес ящик, встал на него и водворил птенца на место. В верхней части расщелины птицы то подсаживались к птенцам, то вновь взлетали, и от этого бесконечного движения из гнезд сыпался всякий мусор — пух, пыль, экскременты.

В расщелине шеф пробыл всего несколько минут. Тут мы принесли новую партию птиц, и лаборатория вновь вернулась к работе. По часам уже наступила ночь, но солнце, едва коснувшись поверхности моря, покраснело, расплужилось и, поднимаясь, двинулось к востоку, заливая перламутровым светом волны и скалы. Летом в царстве чакли солнце не заходит...

Через пару дней мы покинули это неудобное место и на катере возвратились в ближайшее стойбище, на свою базу.

Неожиданно шеф разболелся. Ночью у него начался сильный озноб. Всегда подвижный и энергичный, он с трудом вставал с постели и жаловался, что от слабости его «пригибает к земле». Голос осип, казалось, что-то сжимает, давит на грудь. Лимфатические узлы на шее и под челюстью набухли, стали плотными. Ко всему этому присоединились боли в суставах. Он первым обнаружил у себя кровоизлияния. Они появились там, где одежда плотно прилегала к телу: под поясом на пояснице, под ремешком часов, на шиколотках ног.

Через несколько дней из тяжелого дальнего похода в тундру возвратился Александр Семенович. Он чувствовал себя бесконечно усталым, все время хотел спать, у него болела голова, саднило в горле. На груди густо-густо высыпали мелкие, как маковые зернышки, кровоизлияния.

Я тоже недомогал. Быстро уставал, от малейших физических усилий покрывался потом, как будто носил тяжелые мешки. На шее вспухли лимфатические узлы. Лихорадило.

Уж не тысячи ли зловредных чакли из птичьих ущелий вцепились в нас своими крохотными ручонками, пригибая к земле и стараясь задушить? Но держали они только тех, кто был среди птичьих гнезд. Катя и остальные участники экспедиции, которые в колонию птиц не ходили, на здоровье не жаловались.

Вскоре мы с Александром Семеновичем почувствовали себя значительно лучше, а шеф, продолжая бо-

леть, улетел в Минск. Когда же и мы через несколько недель вернулись из экспедиции, то узнали, что он лежит в клинике и врачи не могут понять, какое у него заболевание. Болезнь тянулась долго.

Из клещей, паразитирующих на кайраке и чайках-моевках, нам удалось выделить некоторые арбовирусы, в том числе и вирус Тюлений. Эгих клещей в колониях миллиарды. Они прячутся в почвенном детрите, который образуется из перегнившего мусора; мусор накапливается в щелях и углублениях карнизов, где кайры выводят своих птенцов. Когда я впервые с помощью страховочной веревки спустился на такой карниз и копнул детрит саперной лопаткой, то был ошеломен открывшимся зрелищем — на срезе слабо шевелились тысячи клещей. Они питаются кровью птенцов и взрослых птиц, и не удивительно, что часть птенцов погибает от нападения такого количества кровососов.

А теперь я хочу сделать небольшое отступление, чтобы сказать несколько слов о вирусе Тюлений. Лет двадцать назад известный московский ученый академик Д.К.Львов на основании сложных научных расчетов и построенный предположил, что в колониях северных морских птиц должны циркулировать различные арбовирусы, переносчиками которых являются птичьи клещи. Впрочем, и без специальных научных выкладок мне всегда казалось, что Север с его обилием птиц и паразитирующих на них клещей и комаров незаслуженно обойден вирусологами. Он не может быть исключением среди других регионов Земли — святое место пусто не бывает. Но одной интуиции в науке недостаточно, нужны факты.

Проверяя гипотезу Львова, его сотрудники собрали клещей на острове Тюлений в Охотском море. Жидкость из растертых в ступках клещей ввели в мозг новорожденных мышат. Через несколько дней зверьки заболели и погибли. Суспензией из их мозга заразили других мышат, и они погибли при таких же проявлениях болезни. Такую процедуру повторили несколько раз. Мозговую суспензию пропустили через особые фильтры, поры которых настолько малы, что способны задержать бактерии, но все же достаточно велики, чтобы пропустить вирусы. Жидкостью, которая просочилась сквозь этот фильтр, заразили еще одну группу мышат, и они тоже заболели. Значит, это был какой-то вирус. Вопрос заключался в том, чтобы определить — какой? Это сложное и очень кропотливое дело: одних арбовирусов известно сейчас более тысячи. Исследователи смешивали выделенный из клещей вирус последовательно с разными сыворотками и вводили смеси животным. Если мышата оставались живыми, значит, сыворотка нейтрализовала инфекционные свойства вируса, и, таким образом, зная, что это за сыворотка, они могли узнать, какой вирус изучают. Но мышата все погибали, а исследователи настойчиво

продолжали работу. Их упорство было вознаграждено — ни одна сыворотка не обезвредила вирус. Недаром говорят, что в науке «отрицательный результат — это тоже результат». Ученые держали в руках неизвестный вирус, который был ими назван вирусом Тюлений — в честь одноименного острова, где были собраны клещи.

Выделить новый вирус — не фокус, гораздо сложнее доказать, что он ранее не был известен ученым, и определить его место в номенклатуре вирусов. Лучше всех в мире это умеет делать опытный американский вирусолог Дж.Казалс. В Йельском университете, где он работает, собрана самая большая коллекция арбовирусов и сывороток против них. Если Казалс говорит, что этот вирус относится к такой-то группе или что он совершенно новый, то обычно так оно и есть. Ему-то Д.К.Львов и отправил свою находку. Американцы подтвердили данные московичей.

Всякая встреча вируса с человеком или животным, какой бы характер она ни носила — прививки, болезни или бессимптомного течения инфекции — оставляет в крови последнего след. Так преступник на месте убийства оставляет улики, и задача детектива их обнаружить. Для вируса таким следом являются антитела — особые белковые вещества, при помощи которых организм обороняется от инфекции. У вирусологов и иммунологов имеется достаточно точных методов, чтобы эти следы обнаружить.

Но вернемся к нашей истории. Имея в руках вирус Тюлений, мы решили посмотреть, не с ним ли встретились во время летней экспедиции. Нет ли в крови участников экспедиции антител к этому вирусу? И сразу удача! Антитела были обнаружены в крови трех из восьми участников, но именно тех, кто работал на птичьем базаре и болел неведомой болезнью. Значит, мы испытали на себе и наблюдали друг на друге новое, ранее никому не известное заболевание.

Чуть позже американские ученые выделили подобный вирус в штате Орегон на побережье Тихого океана и очень заинтересовались нашим сообщением.

Последние наши экспедиции на Кольский полуостров дали интересные результаты. С помощью местных медиков удалось найти несколько человек, которые перенесли сходное заболевание. Все они по различным причинам выезжали в приморскую тундру.

Но как же произошло заражение? Ведь птичьи клещи не нападают на нас, а у кайри и чаек именно они являются переносчиками вируса Тюлений. Эти клещи вообще на человека не нападают. Так, может быть, в заражении повинны комары, которые атаковали нас в первый теплый день работы на птичьем базаре?

В лаборатории Д.К.Львова комаров кормили на животных, в крови которых содержался вирус. Спустя некоторое время эти кровососы приобрели способность передавать вирус своим жертвам.

Наш коллега А.И.Григорьев предположил, что личинки комаров могут заражаться в воде тундровых луж и других мелких водоемов, куда вирус Тюлений заносит из колоний чайки. У инфицирован-

ных птиц вирус выделяется с экскрементами. В лаборатории Александру Ивановичу удалось заразить личинок и куколок комаров — он содержал их в зараженной воде. Из такой воды вылетали взрослые комары, способные жалить и передавать инфекцию своим жертвам. Этот путь инфицирования комаров в тундре вполне возможен. Он объясняет многие загадки в экологии этого вируса. Например, почему в крови северных оленей, тундровых птиц и местных жителей содержатся антитела к вирусу Тюлений, хотя они никогда в жизни даже близко не подходили к птичьему базару.

Итак, нас могли заразить комары. Но... ведь они без различия жалили всех участников экспедиции, а заболели и содержали в крови антитела только те, кто работал непосредственно в колонии. Значит, комары к нашей болезни скорее всего непричастны, их можно исключить из списка подозреваемых.

Некипяченую воду из открытых водоемов, куда вирус могли занести чайки, мы не пили. Остается единственный и наиболее вероятный путь заражения — через воздух. Я уже говорил, что в узких каменных лабиринтах на мало-мальски выступающих карнизах лепится множество гнезд чаек-моевок. Садясь на гнезда и взлетая, тысячи птиц поднимали в воздух пыль, частички пуха, высохших и жидких экскрементов.

Аэрогенный механизм передачи хорошо объясняет, почему заразилась только наша троица, ибо только она дышала застойным инфицированным воздухом птичьего базара. Неспроста болезнь начиналась с покраснения зева, реакции со стороны лимфатических желез на шее и под челюстью. Это обычно указывает на то, что инфекция попала через дыхательные пути.

Московские ученые под руководством профессора И.И.Герских подтвердили эту версию экспериментально. Они поместили обезьян в специальную камеру и расплыли в ней жидкость, содержащую вирус Тюлений. Спустя пару недель обезьяны заболели. Их заболевание очень напоминало наше.

Входит, неспроста древняя легенда поселила чаки в приморских каменных ущельях. Не зря саамы избегали этих мест, хотя и не знали, что имя злого духа не чаки, а арбовирус Тюлений.

Так что если вам когда-нибудь доведется побывать на северных побережьях или островах Тихого, Ледовитого или Атлантического океанов, постарайтесь без крайней необходимости не ходить в птичьи колонии. Наблюдайте птиц со стороны. Да и птицам лучше, когда на гнездовьях их не беспокоят люди.

ГОМО САПИЕНС ИЗ АТАПУЭРКИ

Экспедиция антропологов, возглавляемая Хуаном-Луисом Арсагой из университета Комплутенсе в Мадриде, универсальности пещеры в Сима-де-лос-Уэсос в горном районе Атапуэрки (северная Испания). Находка превзошла все ожидания: экспедиция обнаружила останки 24 осо-

бий древнего человека!.. Среди останков — хорошо сохранившаяся цельная черепная коробка одного взрослого, почти полная черепная коробка другого и фрагменты черепа молодой особи.

Возраст находки — около 300 тысяч лет. Тем самым она лишь ненамного моложе, чем известные фрагменты черепа, которые ранее были обнаружены в Суонском (графство Кент, Великобритания), и в Штайнхайме (Германия). Всех этих гоминид ученые объединяют в общую группу ранних, или «архаичных», гомо сапиенсов, а в Европе — пранеандертальцев. Очевидно, испанская находка представляет собой важный этап развития человека в Европе после гомо эректуса (человека прямоходящего) и до неандертальца.

Объем мозга одного из обитателей Атапуэрки достигал примерно 1390 см³, что больше, чем у гомо эректуса и даже у раннего гомо сапиенса. Мозг неандертальцев обычно был в пределах от 1200 до 1750 см³, а у современного человека его объем составляет от 1200 до 1700 см³.

Если «атапуэркцы» и их современники в других областях Европы были предшественниками неандертальца, то они, вероятно, не являются прямыми предками современного нам европейца. Многие исследователи полагают, что они представляют собою «боковую ветвь» на эволюционном древе, которая отделилась от европейской популяции гомо эректуса, существовавшей примерно 400 — 500 тысяч лет назад, а затем, около 30 тысяч лет назад, исчезла вместе с неандертальцем.

Как сообщает английский журнал «New scientist», антропологи всего мира с большим интересом обсуждают находку своих испанских коллег.

Б.СИЛКИН

В ПОДЗЕМНОМ ЛАБИРИНТЕ ОДЕССЫ

Давний автор «Вокруг света» Константин Пронин (он принимал участие в экспедиции журнала «Аджимушкай»), директор подземного палеонтологического музея Одесского госуниверситета, возглавил ныне экспедицию по исследованию одесских катакомб, организованную газетой «Комсомольская правда».

Одесские катакомбы, пещеры, шахты, ходы и каменоломни образуют самый большой в мире подземный лабиринт — 2,5 тысячи километров. Но это только разведанная длина его...

Экспедиция, как сообщает газета, уже обнаружила доселе неизвестную пещеру на Молдаванке. Пройшла по ней 395 метров и обследовала 29 ответвлений. Первые находки: уникальные светящиеся в темноте сталактиты и надпись, оставленная экспедицией 1929 года: «Зверски голдные. Ждем социализма».

Вообще одесские катакомбы хранят немало тайн. В начале века в них скрывались разбойники, воры, контрабандисты, да и в наше беспокойное время там наверняка нашли приют они же. По крайней мере, не так давно группа исследователей была обстреляна из револьвера в

одном из коридоров подземного лабиринта...

Надеемся, что со временем читатели «Вокруг света» услышат рассказ об одесских катакомбах из первых уст.

Л. ЧЕШКОВА

БЕРЕГ СКЕЛЕТОВ

Эта экспедиция длилась девять лет.

В тихой бухте львы пожирают тюленей и китов, слоны, увязая в песчаных дюнах, бредут к водопою, а сами пески ревут, как звери. Где такое может быть? В единственном на земле месте — пустыне Намиб, одном из самых сухих мест планеты. Но и там есть свой эпицентр пустынности и сухости. Это — национальный парк Намибии — Берег Скелетов.

Австралийские натуралисты Дез и Джин Барлетт изучали природу Национального парка. Они наблюдали жизнь жирафов, антилоп, страусов, слонов, львов. На легком самолете Барлетты облетели эти земли и отсняли экологические странности на площади 19 тысяч квадратных миль, добавив многочисленные кадры — обвинения отстрела аборигенами львов и других животных. Исследователи, как сообщает журнал «National Geographic», пришли к выводу — просить правительство Намибии уредить охотничий резерват на прилегающих к парку территориях.

К. МЫШКИНА

«ФРАМ» НЕ ЗАБЫТ

Зимой 1993 года океан выбросил на берег Фарерских островов запаянный контейнер цилиндрической формы. Вскоре его подобрал фарерский бичкаумбер (так называют человека, который ищет на берегу выброшенные морем предметы). Однако решив, что это скорее всего какое-то взрывное устройство, он забросил его обратно в океан. Но океанские волны вновь прибили контейнер к берегу. Тогда другой бичкаумбер решился-таки подобрать его и познакомиться с содержимым загадочного предмета. Контейнер оказался современным вариантом бутылочной почты! Той самой бутылочной почты, история которой уходит в далекое прошлое мореплавания. Тогда терпящие бедствие моряки бросали в воду закупоренные бутылки с записками, в которых сообщали о себе, своем судне, месте происшедшей аварии или кораблекрушения и просили нашедшего бутылку известить близких о случившемся. Со второй половины XVIII века бутылочная почта стала все больше использоваться для исследования океанских течений.

И вот в 1977 году ее услугами воспользовался английский путешественник Ранульф Файнес 1, участвовавший в экспедиции «Транс Глоб-77». Местом отправления стали приполюсные льды Полярного бассейна (точка на 87 градусе 11 минуте северной широты), вместе с которыми и начался 16-летний дрейф контейнера в генеральном направлении на юг. В конце концов сначала льды, а затем течения вынесли письмо Файнеса на берег Фа-

рер, подоспевшее как раз к 100-летней годовщине начала знаменитого дрейфа Фригтофа Нансена на судне «Фрам». Как известно, трехлетний дрейф «Фрама» впервые доказал, что льды Полярного бассейна неуклонно выносятся в океан, и бутылочная почта Файнеса лишней раз подтвердила открытие великого норвежца.

Ну а что же было в контейнере? К сожалению или разочарованию, как пишет английский журнал «Geographical magazine», там не оказалось ничего, кроме нескольких проспектов Скандинавской авиакомпания SAS, являвшейся спонсором экспедиции. Случайный же получатель бутылочной почты, доставленной неторопливыми почтальонами — льдами и течениями, в надежде получить вознаграждение за свою находку отказывается расставаться с океанской посылкой.

В. ВИНОГРАДОВ

ТАКОЕ НЕ ПРИХОДИЛО В ГОЛОВУ ДАЖЕ ЖЮЛЮ ВЕРНУ

... Зато американцу Тому Стоуну... Хотя, впрочем, он не первый, кто отважился совершить кругосветное путешествие пешком, — до него были еще двое. Но он первый, кто проложит свой маршрут через Россию, решившись пройти ее с северо-запада на восток, притом далеко не в самые благоприятные для странствий времена года — осенью, зимой, весной... и снова осенью.

Том Стоун, бодрый, жизнерадостный молодой американец, живет в Берлингтоне, штат Вермонт; по профессии он военный инструктор — преподает науку выживания в экстремальных условиях, одним словом, это прекрасно подготовленный, технически и психологически, спортсмен, которому, как говорится, сам черт не брат и не страшны сибирские морозы: ведь через Сибирь он пойдет как раз зимой. Сопроводять Тома будет его соотечественник альпинист Гэри Хансен, которого, по его собственным словам, «Том буквально заразил своей смелой, дерзкой идеей». С американцами будет следовать и русская группа сопровождения — М.Афанасьев, действительный член Русского географического общества, В.Журавлев, В.Феоктистов, В.Козловский, московские инженеры, и фотокорреспондент В.Мочаговский.

В это долгое и нелегкое путешествие — а оно действительно долгое, потому как продлится, предположительно, до 1995 года, и в самом деле нелегкое, поскольку маршрут выбран нетрадиционный — Том Стоун отправится в апреле девятност второго из родного Вермонта; он уже прошел Америку, Канаду, Исландию, Скандинавию... и 25 августа нынешнего года успешно стартовал из Выборга в глубь России.

Путешествие по нашей стране, которое будет проходить в рамках российско-американской акции «Пешком по России», подразделяется на два этапа — маршрут

по Европейской части России и далее по Сибири и Дальнему Востоку. Когда на пресс-конференции, любезно устроенной Русским географическим обществом для российских и американских журналистов, я спросил Тома, отчего он вдруг решил отклониться от «нахоженного» пути — к примеру, через Бирму и Китай — и предпочел сделать крюк через Россию, американец с присущей ему обаятельной улыбкой сказал:

«Мой выбор вовсе не дань нынешней моде на Россию, просто меня с детства интересовала история вашего государства и народа. И вот теперь я получил прекрасную возможность увидеть вашу страну и ее народ собственными глазами. А что касается Бирмы и Китая, боюсь, наша экспедиция там бы безуспешно и закончилась, Бог весть на какое время увязнув в бюрократических хлябях, ведь в этих странах всевозможные препоны и преграды со стороны местных чиновников подстерегают тебя буквально на каждом шагу. Зато в России мы нашли не только радушное гостеприимство, но и надежную поддержку в лице Русского географического общества, Комитета по физической культуре и спорту и многих других организаций — без их помощи наша многоцелевая экспедиция, думаю, вряд ли бы состоялась».

А целей и задач у экспедиции и правда много. Главная из них — спортивно-познавательная. Так, впервые Россия будет пересечена с запада на восток без применения каких бы то ни было моторных и колесных средств. Даже через водные преграды, а их на маршруте предостаточно, путешественники будут переправляться на гребных плавсредствах, за исключением разве что одной — Татарского пролива, который они пройдут скорее всего на пароме. Это будет непрерывный маршрут — при средней скорости движения 25 — 30 километров в сутки, то есть 200 километров в неделю — во все времена года и по всем природным зонам России. Потом — пропаганда здорового и открытого образа жизни и бережного отношения к природе. А кроме того — развитие дружественных связей между народами Америки и России и установление контактов на уровне простых людей, а также пропаганда культурной и социальной жизни русской глубинки, что должно способствовать возрождению российского провинциального самосознания.

Будут у экспедиции и чисто прикладные задачи: оценка состояния памятников культуры и природы по всему маршруту, проверка психологического состояния и поведения группы людей в экстремальных условиях, испытание некоторых продуктов питания и медицинских препаратов, фотодокументирование памятников русской культуры и природы, съемка фильма и, конечно же, подготовка материалов для книги об этой удивительной кругосветной экспедиции, с отрывками из которой мы в дальнейшем надеемся познакомиться наших читателей, потому как она действительно обещает быть очень увлекательной: ведь мысль описать путешествие вокруг света пешком не могла прийти в голову даже Жюлю Верну.

И. АЛЧЕЕВ

ОДИНОКАЯ КИБИТКА

В 4-м номере (1993 г.) журнала мы писали о необычной экспедиции — конной кругосветке, которую осуществляют два ивановских геолога — Николай Шабуров и Петр Плонин. И вот письмо с маршрута.

Дорога по России кажется уже бесконечной, а кони, повозка, фургон, наш экипаж — родным домом. Особенно после сибирской зимы и морозца, так градусур под сорок. Теперь мы преодолеваем Хабаровский край. Весна! 12-й месяц пути...

Вспоминается, как мы уехали из Иванова летом прошлого года, от церкви Белой, где отец Сергей дал молебен для нас и окропил святой водой и коней, и повозку. Нижегородская область — жаркий в то лето июнь, рой мух, слепней, комарья тучи, сильное, очень сильное беспокойство наших владимирских тяжеловозов — порой кони рвали даже недоуздки...

Безразличных к коням мы не видели. Крестьяне, сельчане — встречаются! Водители автомобилей приветствуют, гудят, останавливаются часто, завязываются беседы, расспросы. Удивление... Цыгане приветствуют — и сразу за коня, рассматривают подковы, копыта, зубы коней, гривы, крупы... Восторгается народ, восторгаются коневоды, работники ипподромов... Восторгаются и здесь, на Дальнем Востоке. Теперь мы идем несколько на юг — на Владивосток. Затем море. Сахалин, Япония... По крайней мере таков курс нашего экипажа. Хотя все зависит от спонсоров. Кругосветка? А почему бы и нет!

Возвращаюсь к воспоминаниям. После нижегородских земель были Удмуртия, Урал, Сибирь-матушка... В Пермской области, например, после не менее пяти подъемов кибитка уходила в облака! Обзор — 360 градусов! Россия! Неповторимая... Голубые дали и туманы над тайгой, над долинами и горизонтами. Это не расскажешь, нужно увидеть. Узкие дороги, тряска под проливным дождем — как на старом глинистом «московском» тракте Омск — Новосибирск. Лед на дорогах, поземка. Сибирские заснеженные пейзажи, тайга в белой-белой шали... Отчего-то мутное бледно-желтое там солнце, особенно в Иркутской области. Забайкалье. Сам Байкал и высокие снега у дороги — автотрасса идет по берегу зимнего моря. Торосы. Смог над Байкалом. Зловонные, удушливые запахи целлюлозно-бумажных комбинатов. С этими гигантами химии еще предстоит борьба жителей, экологов, «зеленых»...

Гудки и грохот частых поездов вдоль Байкала, рядом с ним. И опять снега, снега. Притулиться на конях и повозке почти негде — заносит...

А потом пошла земля Бурятии.

Голубые сопки, снежные шапки гор, широкие долины рек... Плывет кибитка. Она одна в этом мире. Дни и ночи напролет... Бездорожье в районе станции Сквородино. Грузимся в теплушку и едем в длинном-предлинном грузовом составе. Читинский мороз до —30 градусов, теплушка, которую никак не нагреешь (все выдувает на ходу), дикие толчки вагона, стук, грохот, ночь без света, без свечей — но почему-то только теперь ненавидишь этот товарняк.

В районе станции Зиловка погибла наша красавица кобыла Почта. Не смогла разродиться. Почта прошла около 7000 километров, это наш главный «двигатель», прекрасная лошадь — гибкая, резвая, с характером принцессы. Мы дали слово, даст нам Бог дойти, поставить на Сахалине, на мысе Терпения или в заливе Терпения стелу нашим владимирским тяжеловозам — вообще российским коням. И чтобы конь был на Руси! Как подспорье технике. Как символ. До революции лошадей в России было около 38 миллионов, сегодня около трех. А в Америке, например, около 15 миллионов лошадей. Любых — и рабочих, и скаковых, и мировых призеров. Однако США занимают лишь третье место по поголовью лошадей. Россия сегодня без коня, без главного спутника сельчанина, спортсмена, россиянина вообще. Вот что написал в нашем гостевом журнале Юрий Прытов из Благовещенска: «Пусть ваш конный путь станет великим российским путем возрождения исконно славянского транспорта».

Погибшую кобылу Почту заменил в Благовещенске пятилеток — мерин Амур. У нас снова две лошади. А купил Амура на свои деньги коневод, теперь бизнесмен из Благовещенска Сергей Селин. Наш спонсор.

Встречи! Встречи! Сколько их было в дороге... В Иркутске, например, с Леонидом Лапшаковым — коневодом, в Улан-Удэ с бурятом Чардоновым Дембрилом Жергаловичем, как раз в бурятский праздник «Саагалган» — праздник Белого месяца. В городе Белогорске на ТВ и в Доме прессы. В селе Солнечном — по трассе, в семье Лузгановых, в Благовещенске — в семье путешественника и моряка Сергея Шпагина и с Виталием Тюлкиным — классным коневодом, в Биробиджане с гостеприимной семьей Невмержицких, в Хабаровске с семьей Циберняк и Сергеем Кочуровским в спортивном клубе «Мустанг», в селе Могилевка с коневодами на ферме...

Калейдоскоп встреч, пейзажей — вся Россия с облучка...

Завтра снова дорога. К краю российской земли.

Николай ШАБУРОВ,
село Могилевна
Хабаровского края

P.S. Мы с Петром Плониним будем благодарны читателям «Вокруг света», если они помогут продолжить конную кругосветку. Наши координаты:

Конная экспедиция «Иваново — Сахалин»

Расчетный счет 208003 в Комбанке промышленности

строительного отдела г. Иваново, МФО 123006, РКЦ 047161700.

Контактные телефоны в Иванове: 32-42-89,

32-34-10, в Москве: 257-25-85, 257-25-90.

ХОЖДЕНИЕ ЗА ТРИ МОРЯ

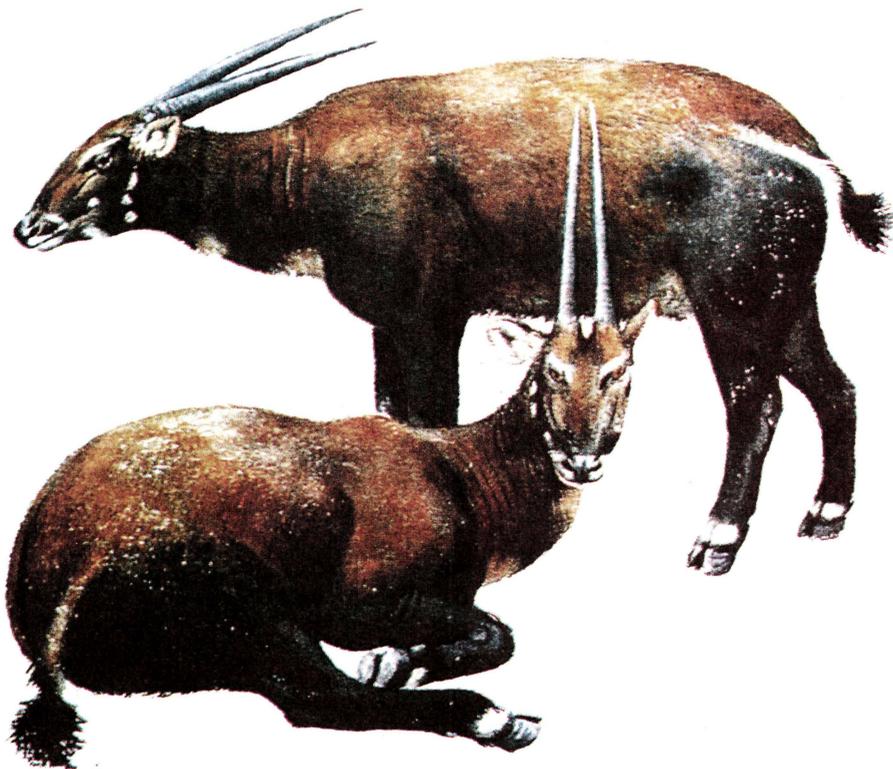
Первая российская кругосветная экспедиция на гребной лодке «МАХ-4» журнала «Вокруг света» стартовала 4 июня этого года из Мурманска. Ей предстояло преодолеть три моря — Баренцево, Норвежское и Северное, добраться для начала до берегов Англии. Точнее, начало кругосветке было положено еще в прошлом году, когда мореплаватели прошли арктическими морями от Тикси до Мурманска (об этом наш журнал рассказывал в номере 9/93). Путь до Лондона был ее продолжением.

И вот — факс от координатора экспедиции Василия Галенко, вылетевшего в Лондон для вс речи отважных мореплавателей — Евгения и Александра Смургисов, отца и сына.

Переход гребной лодки по маршруту Мурманск — Тромсе — Ставангер — Эсбьерг — Санкт-Петербург — Гаага — Роттердам — Лондон завершен. За 88 суток пройдено 4000 км. Плавание было сложным: встречные течения, дождь, ветер, сильнейший шторм. Штормом смыло одну гребную тележку и плавающий якорь еще в Баренцевом море. Обстановка вынудила идти лишь на одной паре весел. Но все-таки в целом плавание прошло нормально. Все здоровы, где-то в морях Евгений и сын потеряли 15 кг собственного веса и сейчас пытаются наверстать потерянное. Живем в одном из лондонских яхт-клубов на Темзе, в 20 км выше от моста Тауэр, где нас снимало российское телевидение.

Задержка в «идеальном» графике похода продолжается: требуется ремонт; кроме того, экспедиции предложили принять участие в престижной международной гонке по Темзе, 35 км, на «народных» лодках. Испанские визы получены. Выход в Кадис назначен на 26 сентября.

Всей редакции, всем болельщикам, всем настоящим и будущим спонсорам — привет!

НЕУЛОВИМЫЙ СОН ДУОНГ

Несколько дней металась по джунглям двое датских журналистов — репортер Фредди Вулф и фотограф Блид Алсбирк вместе с проводником и охранниками из местных жителей, прежде чем им удалось получить интересующую их информацию: кре-

Шнура, рога и нопыта, которые удалось сохранить в деревне Ким Тхо.

стьянин по имени Три недавно убил то самое животное... Крупное копытное, неизвестное науке и именуемое здесь «сон дуонг» (горная козочка), «сунг дай» (длинный рог) или «сао ла» (закрученный рог). А обитает оно в непроходимых влажных лесах Ву Куанг в северовьетнамской провинции Ха Тинь.

Наутро журналисты уже прибыли в деревню Тим Тхо, и их подвели прямо к хижине Три. И действительно, у кострища висела, распяленная на доске,

Реконструкция таинственного сон дуонга из вьетнамских джунглей.

шкура — характерная морда, рожки, копыта, хвост... Первая мысль Вулфа — метис домашней козы и африканской антилопы. Рога длинные, тонкие, круглые в сечении, блестяще-черные. Морда удлиненная. Хвост похож на козий. Больше всего поразили датчан два довольно крупных отверстия между глазом и носом — как у некоторых видов антилоп.

Остальное тело сон дуонга, к сожалению, исчезло в котле: жена Три приготовила из него целебный напиток. Журналистам удалось выудить из варева несколько костей — лопатку, обломки верхней и половину нижней челюстей с зубами. И отвезти эликсир, хотя они предпочли бы увидеть животное, что называется, в натуральном виде. Но для этого им надо было приехать четыре дня назад, когда оно попало в сети...

Вулф и Алсбирк отправлялись во Вьетнам уже второй раз в поисках таинственного зверя. А началось все в июле 1992 года, когда американский еженедельник «Тайм» опубликовал сообщение о неведомом существе. Джон Маккиннот из Всемирного фонда охраны дикой природы (WWF) сделал несколько нечетких фотографий в резервате Ву Куанг и добыл у местных жителей три пары рогов. По мнению Маккиннотона, речь шла о копытном, ускользнувшем от внимания зоологов. Это была явно научная сенсация, поскольку в нашем столетии открыты всего две дюжины новых видов крупных млекопитающих.

Взбуржденные этим сообщением, журналисты ринулись во Вьетнам. Из первой экспедиции они привезли пару рожок и кусочек кожи, который был передан крупному датскому микробиологу Петеру Арктандеру из Зоологического института в Копенгагене. По его мнению, сон дуонг находится на генеалогическом древе копытных где-то рядом с ориксом, но относится к неизвестному роду. Это очень древнее, появившееся 10 — 15 миллионов лет назад парнокопытное, связанное родственными узами больше с домашним скотом, чем с дикими антилопами. Животные эти очень пугливые, держатся группами по 2 — 3 особи, образуют стада максимум в 6 — 7 голов. Питаются листьями фигового дерева и молодыми побегами бамбука. Сон дуонги очень редки: местные жители добывали их сетями всего пару раз за всю жизнь.

В поисках живого раритета Вулф и Алсбирк провели много дней в джунглях. Нашли пучки шерсти, экскременты и множество следов, но ни одного живого экземпляра. Возможно, потому, что вынуждены были быстро выбираться из лесов, где орудовали вооруженные банды. «Нам не хватило одного-двух дней, — с горечью признается Вулф корреспонденту немецкого журнала «Гео», — чтобы добыть живого сон дуонга. Но — увы...»

По материалам журнала «GEO» подготовил Н.НИКОЛАЕВ

Ведет раздел Л.ЧЕШКОВА

A photograph of a sunset over a river. The sun is a bright yellow circle in the upper center, surrounded by a glow of orange and red. The sky transitions to a dark, hazy blue. In the foreground, the dark silhouettes of trees and bushes are visible against the lighter sky. The overall mood is serene and atmospheric.

Валерий ОРЛОВ
Фото автора

РЕЧНАЯ ТРОПА МЕЩЕРЫ

Добиться в изначалье этой тропы несложно. От Рязани ходит по узкоколейке поездов, от Москвы в Спас-Клепики часа за четыре домчит междугородный автобус. Пыхтеть под рюкзаками тоже долго не придется. Шагов сто пройдешь по шпалам узкоколейки меж приземистых пристанционных амбаров, где пахнет свежей стружкой и дегтем, до моста, деревянного, высушенного жарким солнцем и очень чистого, тут и увидишь ее, тропу эту. Неширокую, скромно извивающуюся меж заливных лугов речку с кратким названием — Пра.

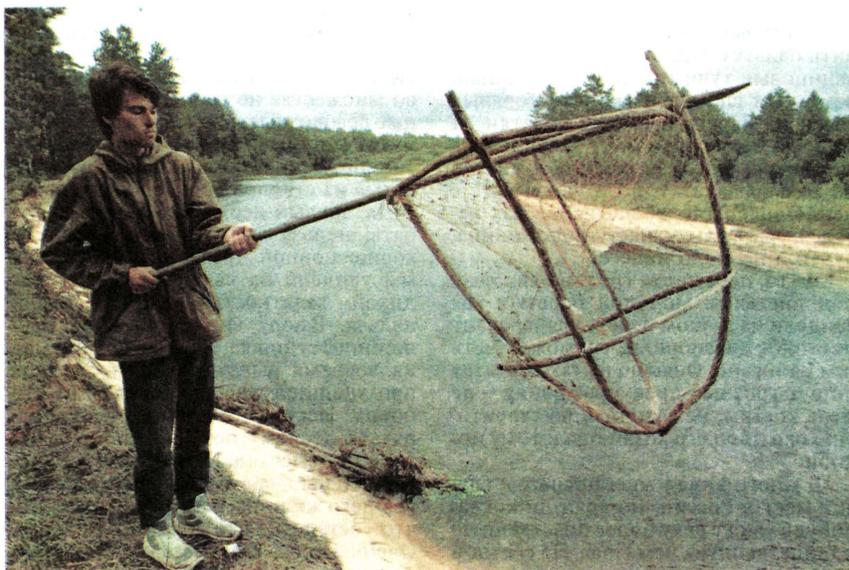
Она вытекает из системы озер, среди которых главное — озеро Великое, его название только и умещается на географических картах. Да и то не на всех. Озера питаются водой бесчисленных болот Мещеры, отчего и вода реки Пра, как подметил еще Паустовский, имеет цвет крепко заваренного чая. Оставаясь при этом удивительно чистой и прозрачной. И нет большего удовольствия, чем в жаркий июльский день окунуться с головой в эту воду и, раскинув руки, долго плыть по течению, ощущая пугливые толчки любопытных рыб. Или пить чай, вскипяченный в котелке на костре. Вместо заварки можно всыпать горсть луговых цветов, и чай получится ароматный, вкусный и, на себе проверено, целебный. Люблю такой «чай». Мне кажется, что он, как корень женьшеня, помогает от всех болезней и продлевает жизнь.

Впервые познакомиться с этой рекой меня, да и всю мою семью, заставило приобретение байдарки. Куплена она была для ребят, чтоб было чем позабавиться в выходной день. Но дети росли, расширялась и география путешествий. Начав с исследования дачной подмосковной речки Клязьмы, захотели посмотреть Истру и Протву, а потом возмечтали о реке, по которой можно было бы плыть и плыть, жить в палатке и лесах, и так проверить и подготовиться для больших путешествий.

«Лучше Пры не найдете!» — сказал мне знакомый доктор. Оказалось, что доктор сам заядлый байдарочник, ходил по этой реке с дочерьми и женой и остался путешествием очень доволен. Привлекла, что скрывать, и дешевизна дороги. В то время билет до Спас-Клепиков на автобусе стоил три рубля!

Пра не очень глубока — в любом месте ее можно перейти вброд. Начинается она, как я говорил, с заливных лугов, где среди густой травы под присмотром пастухов пасутся стада коров. Река петляет по зеленой равнине, время от времени проскальзывает мимо высоких песчаных взгорков, поросших сосняком. Плыть на байдарке — одно удовольствие. Гребешь не напрягаясь. Отложишь весло, а берега продолжают плыть назад: река помогает. Но расставаться с лугами жалко, и здесь делаем первую стоянку.

Ставим палатку, собираем сушняк для костра, заходим в ближайшие деревеньки, где запасаемся в дорогу хле-

бом, яйцами, огурцами и картофелем. Пытаемся поймать красноперку, которая у здешних рыбаков отлично ловится, но к нам на крючки никак не желает попадаться. Наблюдаем за полетом болотных луней, а по ночам слушаем жуткие вопли ушастых сов. Все это — огромная радость для нас, жителей больших городов, долгие месяцы вынужденных «любоваться» лишь серыми стенами каменных зданий.

Незаметно река все глубже и глубже втягивается в леса. Исчезают деревеньки, река бежит как бы под уклон и упирается с разворотом в высокий песчаный обрывистый берег, сплошь усеянный отверстиями — ласточкиными гнездами, а поверх обрыва возвышаются стройные, с золотистыми стволами корабельные сосны.

Сосновые боры — наиглавнейшая ныне достопримечательность мещерских лесов. Сухой, напоенный запахом смолы воздух в одни сутки может излечить от надсадного, два месяца не прекращающегося кашля. (Тоже проверено на старшем сыне.) Тут уж начинается у нас лесная жизнь. Лакомимся малиной, голубикой, земляникой, собираем большеющие белые грибы, делаем из них на костре аппетитное жаркое. И купаемся, купаемся...

Однако уже на второй день хочется плыть дальше. В небе на заостренных крыльях пронеслись соколы, низко над водой перелетают с берега на берег яркие фиолетово-оранжевые зимородки. Немалых трудов стоило мне высмотреть корягу, где птички присаживались, чтобы поохотиться за рыбками. Да еще несколько часов пришлось просидеть в засидке из травы и веток, чтобы заснять их. Но удача всем доставляет радость и гонит дальше, навстречу новым открытиям.

Грозы на Пре — предство красное, внушительное и непредсказуемое. Порой небо долго и мрачно синее над лесом, подчеркивая белизну песчаных кос. Но на этом все и кончается. А иногда почти черная туча в несколько минут закроет небосвод и ударит таким дождем с громом, а то и градом, что в который раз похвалишь расторопность ребят, успевших-таки поставить палатку. Однажды вместо дождя свинцовые тучи принесли ураганный ветер. Он сломал несколько корявых сосен на берегу и стойку палатки. И было жутко в тот момент. Показалось, что вихрь способен сорвать и унести не только палатку, но и нас вместе с ней. Однако так же внезапно, как начался, ураган сник, наступила тишина, будто и не было ничего.

Как-то, пережидая грозу в байдарке, под листьями молодой березки, мы увидели на другом берегу транспарант на столбе и заспорили, что может быть там написано. Обычно на таких щитах пишут грозные предупреждения — не жечь костры, не заходить на территорию охотничьего хозяйства и тому подобное.

«Я много видел живописных и глухих мест в России, но вряд ли когда-нибудь увижу реку более девственной и таинственную, чем Пра». На светлой

жести щита чернели слова Константина Георгиевича Паустовского. И сразу вспомнилось, отчего многое в этих местах мне кажется знакомым, будто уже бывал здесь не раз.

В Спас-Клепиках, старинном русском городке, что стоит у истока Пры, поставлен памятник Сергею Есенину. Поэт провел в этом городке несколько лет, учась в церковной школе, написал первые, всем ныне известные стихи: «Выткался на озере алый свет зари. На бору со звонами плачут глухари...» Помните? Но по-настоящему прославил Пру другой певец русской природы — Паустовский.

Немало поездив по стране в погоне за экзотикой, побывав в горах, в песках пустыни, на берегах морей, писатель уже в зрелые годы познакомился с Мещерой и навсегда полюбил ее. «В Мещерском крае, — писал он, — нет никаких особенных красот и богатств, кроме лесов, лугов и прозрачного воздуха. Но все же край этот обладает большой притягательной силой. Он очень скромен — так же, как картины Левитана. Но в нем, как и этих картинах, заключена вся зрелость и все незаметное на первый взгляд разнообразие русской природы».

На Пре Паустовский побывал в давнем 1948 году. Окончилась тяжелая война, людям хотелось верить, что мир наступил навсегда и впереди непременно будет светлая и спокойная жизнь. Паустовский свои рассказы публиковал в газетах, в журналах. Их читали, как весточки, посланные людям самой матерью-природой, как приглашение побывать в этих местах. Реку Пра Константин Георгиевич описал в рассказе «Кордон 273», и сотни людей, если не тысячи, прошли и проплыли по ней. И до сих пор все лето плывут и плывут по реке байдарки. И транспаранты уже предупреждают, что костры лучше разводите в специально отведенных местах, что не надо замусоривать берега бутылками и консервными банками, что надо беречь и сохранять природу.

В двух километрах от берега когда-то стоял описанный в рассказе кордон лесника Желтова. К нему от реки вела тропа. С одним из сыновей я отправился на его поиски. В лесу появились во множестве не тропы, а прижатые к земле лесовозные дороги. Встретили мы и два мощных «Урала» с прицепами, тяжело тащивших вдоль дороги «пакеты» из стволов корабельных сосен.

Да, зрелый лес нужно вовремя срубать, нельзя же позволять гнить на корню ценной древесине, но то, что мы увидели на вырубках, кроме как дикой халатностью назвать было нельзя. Всюду виднелись кучи брошенного сушняка. Никто и не подумал их вовремя вывезти, убрать. А ведь при здешней жаркой погоде это что порох. Искры достаточно, чтобы заняться лесному пожару. Кордона мы так и не отыскали. На поляне, густо поросшей иван-чаем, увидели следы сторевшего жилища, решили, что это все, что осталось от домика Желтова. Очень берег, как рассказал Паустов-

ский, лесник этот лес, писал на дощечках, чтобы окурки не смели бросать, а оказалось, что лес этот надо беречь не только от пожара...

Следы бесшабашных вырубок мы заметили и на другом берегу, но все-таки Пра еще не потеряла своего очарования. Во многих местах она по-прежнему казалась нам загадочной и таинственной. Особенно же восторгался ребята, впервые увидев золотистую головку переплывающего реку ужа, застывшего на усохшем дубе красавца коршуна, парящего в небе канюка.

За деревней Деулино, до которой доплывают кто за три, а кто за пять дней, пейзаж меняется. Вместо сухих сосновых рош, где земля по шиколотку устлана сосновыми иголками и шишками, где много сушняка для костра, начинаются влажные дубово-осиновые леса. Тут много черной смородины, но ужас, сколько комаров. Собирать ягоды и грибы — суцая пытка. Лучше загорать на продуваемых песчаных косах, рыбачить да купаться. Из реки то тут, то там торчат черные корни упавших стволов. Смотреть при сплаве надо в оба, но все-таки мы пропороли брезентовое днище байдарки.

Какой-то зверек, как чертик, будто специально, устроил возню в высохшей траве позади нас. Выскочил на корягу, и мы, развернувшись, ринулись, чтобы заснять его. И тут же услышали характерный треск, вода в байдарке стала стремительно прибывать. Забыв, что в реке выше, чем по горлышко, глубин нет, думая прежде всего о том, как сохранить фотоаппарат и пленки, я приказал прыгать и вplashь добираться до берега.

Потом смеялись, но приказ был выполнен: плыли. И Вова потерял в воде сапог, из-за чего пришлось выбросить и второй. Я успел подогнать к берегу байдарку, выбросить вещи, сумку с фотоаппаратом, но сумка, оскользнувшись, упала в воду у самого берега...

Хороший урок преподнесла нам Пра. В дороге мы не взяли резинового клея, и если бы не туристы, вставшие лагерем в двух километрах, пришлось бы выбираться нам из мещерских лесов пешком. Но клей нашелся, и мы поплыли дальше, правда, теперь уже не могли фотографировать. И как нарочно, то лисы выбегали на берег, то соколиное семейство спокойно наблюдало за нами с высохших берез. Встречались табуны лошадей, пасшихся на берегу без пастуха, стада коров, у которых на шее вместо колокольчиков были подвешены пустые консервные банки с гвоздями. Вначале, не видя коров, мы долго не могли понять, откуда доносится такая странная музыка.

Зашли мы однажды и в настоящую лесную деревеньку Ювино. Густой лес закрывал избы, с реки их не было видно. Узкая тропинка вела к ним от берега. Послонявшись по пустынной улице в поисках магазина, в котором, как скоро выяснилось, ничего нет, а потому он закрыт, разговорились с пожилым мужчиной, сидевшим на брев-

«Русская сторона» хочет, чтобы наш журнал читали везде

нышке у калитки своего дома. Узнали, что когда-то двадцать четыре избы Ювино полнились семьями колхозников. Но потом деревеньку подогнали к разряду неперспективных, отделение для колхоза сделалось убыточным, и теперь лишь в четырех избах живут коренные старики. Остальные — поразьехали в города. И сам этот дядечка тоже работает в Рязани, наезжает сюда летом, как на дачу. Ягод тут много, грибов. Одних белых сушат к зиме до шести килограммов. А живут теперь здесь дачники. Летом из Москвы приезжают. Недавно какой-то богат купил последний свободный дом — бывший клуб. А зимой деревня пустует. Все старики норовят перебраться к детям в город. Случись что, не выберешься, заболел — врача не найдешь... Пока мы разговаривали, подъехала машина с надписью «Хлеб», начал сходитьсь народ, и водитель по списку стал выдавать каждому «на нос по буханке». На наши три носа буханок не полагаюсь.

Дальнейший путь проходил вдоль границ Окского заповедника. Ночью в этих местах слышно, как шлепают хвостами по воде вышедшие на прогулку бобры...

В Брыкином бору, центральной усадьбе заповедника, есть музей, можно осмотреть вольеры, где содержатся хищные птицы, журавли редчайших пород, зубры, кабаны и пятнистые олени. У многих байдарочников здесь плавание и заканчивается. Но мы не захотели расставаться с Прой. Прошли ее всю, влившись вместе с ее водами в Оку, и несколько дней плыли по Оке до Лашмы. Но это было уже иное плавание. Хотя и Ока была хороша, но до сих пор вспоминаем плавание по Пре, как самой удивительной и прекрасной речке.

С тех пор мы бывали на Пре не раз, места эти стали и для нас родными и всегда желанными. Как о близкой беде волновались, когда узнали из газет, что нашей речке грозит загрязнение. Норильчане решили не только сами поселиться на ее берегах, но и разводить лошадей, поставить свинофермы. Сколько возмущенных писем пришло тогда в газеты, реку отстояли, свинарники договорились строить где-то на берегах Оки. Но все больше и больше появляется на берегах Пры людей, желающих тут обосноваться, извлечь реальную пользу.

Была когда-то идея превратить в национальный парк всю Мещеру — об этом подумывали еще в сороковых годах. Тогда война помешала. Позже хотели сделать национальным парком всю территорию Пры. В последний раз я говорил с директором Окского заповедника в Брыкином бору года два назад. Национальный парк собрались создать уже на разбросанных по побережью Пры клочках земли. Но это, конечно, не выход. И потому по-прежнему тревожно за судьбу реки. Останется ли Пра такой же кристально чистой, сохранятся ли корабельные роши и дубравы по ее берегам?

Живу я на Украине. Журнал «Вокруг света» читаю от корки до корки с двадцатых годов, люблю его и всегда, преодолевая любые трудности, на него подписывался. Теперь же, когда Союза ССР нет, а бывшие союзные республики стали самостоятельными независимыми государствами, строить цивилизованную жизнь для своих граждан, подписаться на любимый журнал почти невозможно. Все это делается в угоду неумной политике нагнетания озлобления между народами-братьями. Нам говорят о дружбе, а сент вражду между украинским и русским народами.

Мне отказали в подписке на последние 3 месяца 1993 года, объяснив этот шаг нежеланием русской стороны осуществлять это дело.

В прошлом я офицер Военно-Морского флота. Служил на разных кораблях, войну отвоювал от начала до конца. Имею 6 ранений и контузий и 25 наград.

Сейчас инвалид. Денег у меня негусто, живу с помощью добрых людей, их у нас еще немало. Но я ни о чем не прошу, кроме возможности произвести подписку на 3 месяца 1993 года и иметь право подписаться на журнал на 1994 год.

*С приветом и уважением
Соколов Михаил Иванович,
г. Мариуполь*

Это письмо пришло в редакцию в конце сентября, когда мне пришлось вести трудные переговоры с Центральным рознично-подписным агентством «Роспечать». Предмет переговоров был тривиален: деньги. По состоянию на конец сентября «Роспечать» задолжала редакции 23 миллиона рублей, собранных за подписку на вторую половину 1993 года, не поступали средства и за текущую подписку (т.е. оформленную не с июля, а с любого другого месяца). В официальном уведомлении, пришедшем из «Роспечати» в редакцию, нам было предложено текущую подписку прекратить, а тиражи журналов сократить, чтобы «наказать» те почтовые ведомства России и ближнего зарубежья, которые не желают перечислять в Москву собранные с подписчиков деньги. Эта акция, не имеющая никакой правовой основы (в договоре «Роспечати» с редакцией подобные санкции не предусмотрены) была осуществлена лишь наполовину: по СНГ полетели телеграммы с требованием прекратить текущую подписку, а выплату долга отложили до лучших времен. То есть до тех, когда руководители стран СНГ подпишут экономическое соглашение.

И вот — о, радость! — экономическое соглашение подписано, президенты жмут друг другу руки, дают ин-

тервью. Но, как мне сообщил ответственный сотрудник «Роспечати» А.А. Райко, ни один уплаченный подписчиками рубль из Украины, Беларуси, Казахстана, Узбекистана и других независимых государств так и не пересек границу России. А ведь за рубежами России у нас более 42 тысяч подписчиков...

Именно в это время мариупольские почтовики «разъяснили» нашему читателю, что «русская сторона» не желает «осуществлять это дело», то есть подписывать на «Вокруг света» и граждан Украины.

Мы привычно говорим, что журнал «Вокруг света» стоит вне политики. Да, это так, если иметь в виду его содержание. Но сейчас редакция оказалась в полном смысле слова ВНУТРИ политики. Ее, а значит, интересы сотен тысяч наших читателей, затрагивают самым непосредственным образом бури, сотрясающие пространство бывшего Союза. В политических играх, как известно, употребляются крапленые карты. Мы не хотим, чтобы одной из них стал неполитический журнал «Вокруг света».

У меня есть предложение к читателям. Сообщайте нам обо всех случаях, когда вам отказывают в подписке или не доставляют журнал, ссылаясь на «нозни Москвы». Давайте вместе выводить глюны на чистую воду.

Еще раз повторю ко всеобщему ведению:

Наш теперешний партнер, АО «Агентство печати и розницы», предложил провести подписку на журнал «Вокруг света» и приложение «Искатель» во всех странах СНГ, где почтовые ведомства согласны рассчитаться с нами рублями или СКВ. Мы заинтересованы в том, чтобы наши издания читали везде, и делаем все, чтобы они дошли до каждого, кто хочет их читать. Не верьте нерадивым почтовикам и лживым политиканам. Знайте: если с вас взяли деньги и вы дали квитанцию, а журнал не доставляют, значит, ваши деньги нам не поступали. Они «крутятся» в пределах вашей области, республики или страны, а вас обманывают, говоря о несостоятельности редакции.

Мы найдем возможность передать Михаилу Ивановичу Соколову те номера журнала, которые он не смог получить. Несмотря на то, что почта не принимает наложенным платежом бандероли с украинскими адресами.

Александр ПОЛЕЩУК,
главный редактор.
10 октября 1993 г.

У. ДЖЕКОБС

английский писатель

ОБЕЗЬЯНЬЯ ЛАПКА

Рассказ

За окном хлестал холодный ливень, но в маленькой гостиной на вилле Лабернум шторы были задернуты и в камине ярко пылал огонь. Сын с отцом склонились над шахматной доской: последний, свято веривший в теорию быстрых разменов, безо всякой необходимости загнал собственного короля в ситуацию столь безнадежную, что даже его жена — седовласая женщина, тихо вязавшая у окна, — не смогла удержаться от замечаний.

— Ты только послушай, какой ветер, — заметил мистер Уайт как бы невзначай; слишком поздно осознав свою роковую ошибку, он теперь пытался отвлечь внимание сына от партии самым наивным из всех возможных способов.

— Слышу, — ответил Герберт, мрачно оглядел доску и потянулся к фигуре. — Шах.

— Наверное, не придет он уже. — Рука отца застыла над доской.

— Мат, — отрезал сын.

— Вот вам все прелести прозябания у черта на куличках! — взревел мистер Уайт с необъяснимой яростью. — Много в мире непролазных, забытых богом дыр, но наша уж точно самая мерзкая. К воротам пойдешь — в болоте увязнешь, выберешься на дорогу — смоеет рекой! И что они там себе думают? Хотя, что им думать-то: всего два дома у дороги осталось — стоит ли беспокоиться?...

— Ну-ну, не переживай так, милый, — ласково вздохнула миссис Уайт. — В следующий раз выиграешь обязательно.

Мистер Уайт поднял глаза и уже раскрыл было рот, чтобы дать достойный отпор, но перехватил понимающий взгляд, каким жена обменялась с сыном, и ничего не сказал, спрятав виноватую усмешку в реденькой бородачке.

— Ну вот и он, наконец, — вздохнул Герберт.

Действительно, во дворе громыхнула калитка, и тут же послышались тяжелые шаги по дорожке.

Старик вскочил с места и поспешно, как подобает радушному хозяину, отправился открывать дверь; несколько се-

кунд спустя он уже встречал гостя, шумно извиняясь перед ним за непогоду. Последний и сам не преминул выразить себе сочувствие, так что миссис Уайт даже причмокнула насмешливо: «Ах, ах, глядите-ка!» — тут же, впрочем, подавив реплику деланным кашлем. В комнату вошел муж; за ним следом ввалился здоровенный детина с глазками-бусинками и рубиново-красной физиономией.

— Старший сержант Харрис, — представил гостя мистер Уайт.

Тот пожал всем руки, сел в придвинутое к огню кресло и стал весьма благосклонно взирать, как хозяин достает бутылку виски с тумблером, а хозяйка ставит на огонь чайник. После третьего стаканчика глаза у гостя разгорелись, и он, расправив широченные плечи, повел рассказ о диких нравах и мужественных поступках, о войнах и эпидемиях, о непереносимой жизни далекого, чужого народа. Семейный кружок внимал рассказчику с живейшим интересом.

— Двадцать один год отдал службе, — кивнул в его сторону мистер Уайт, обращаясь к жене и сыну. — Уезжал от нас, помню — был такой худенький малец со склада, а теперь вы только на него поглядите!

— Что ж, служба ему, похоже, не очень-то повредила, — вежливо заметила миссис Уайт.

— Вот бы и мне в Индию съездить, — мечтательно протянул старик. — Просто так — поглядеть хотя бы, как люди живут.

— Сиди уж лучше, где сидишь, — покачал головой старший сержант и тихо вздохнул, поставив на стол опустевший стакан.

— Посмотреть бы на все эти древние храмы, на факиров с жонглерами... Кстати, что это ты начал рассказывать мне на днях, а, Моррис? Об обезьяньей лапке?

— Ничего, — поспешил ответить солдат, — ничего, во всяком случае, такого, что заслуживало бы внимания.

— Об обезьяньей лапке? — удивилась миссис Уайт.

— Да так, ерунда... То, что у нас называется колдовством, — бросил небрежно Моррис.

Все трое невольно подались вперед. Гость рассеянно поднес к губам пустой стакан и вновь поставил его на стол; хозяин мигом исправил оплошность, наполнив его.

— Посмотришь на нее — так, ничего особенного: самая обычная лапка, только муффицированная. — Порывшись в карманах, сержант достал оттуда талисман и протянул на ладони. Женщина в испуге отпрянула, но сын взял лапку и с любопытством ее осмотрел.

— Ну и что же в ней примечательного? — поинтересовался мистер Уайт после того, как, отобрав лапку у Герберта, сам тщательно изучил ее и положил на стол.

— Она заколдована старым факиром, — ответил Моррис. — Очень, очень был святой человек. Он решил доказать всем, что нашей жизнью управляют законы судьбы и что каждый, кто попытается в них вмешаться, будет наказан. Согласно его заклинанию лапка должна трижды — трем разным людям — исполнить по три желания.

Заключительные слова прозвучали необычайно торжественно; смех хозяев, напротив, — дребезжаще-фальшиво.

— Ну и почему же, вы, сэр, до сих пор не использовали свои три попытки? — первым сообразил Герберт.

Сержант бросил на него такой взгляд, каким лишь умудренный опытом старец может взирать на юного выскочку.

— Я использовал их, — тихо сказал он, и пятнистое лицо его слегка побледнело.

— А кроме вас, кто-нибудь уже это сделал? — поинтересовалась пожилая леди.

— Да, был еще один человек, — вздохнул Моррис. — Не знаю, какими были его первые два желания, но в третий раз он попросил о смерти. Так она ко мне и попала.

Слова эти были произнесены столь серьезно, что в комнате наступило гробовое молчание.

— Ну, раз ты себе желания уже загадал, тебе она ни к чему, — наконец заговорил старик. — Для чего же ты ее у себя держишь, а?

— Просто так, наверное, смеха ради, — покачал головой сержант. — Была у меня мысль продать ее кому-нибудь, да что-то сейчас я засомневался. Слишком много успела она причинить зла. Да и потом, кто ее купит? Любой скажет: пусть она хоть одно желание мне исполнит, а уж деньги потом.

— А если бы тебе предложили загадать еще три желания, ты бы, наверное, не отказался? — старик внимательно взглянул старшему сержанту в глаза.

— Вот уж, право, не знаю, — ответил гость. — Нет, не знаю даже, что на это ответить.

Он взял лапку большим и указательным пальцами, поболтал ею немного в воздухе и вдруг швырнул ее в камин. Слабо вскрикнув, мистер Уайт упал на колени и выхватил талисман из огня.

— Брось ее, пусть сгорит, — произнес сурово солдат.

— Если она, Моррис, тебе не нужна, отдай ее мне.

— Нет, — ответил тот, — я уже бросил ее в огонь. Хочешь — забирай, но только пеняй потом на себя. А лучше послушай меня: брось ее туда, откуда достал.

Старик лишь угрюмо покачал головой и принялся разглядывать приобретение.

— А как это делается? — спросил он наконец.

— Поднимаешь ее вверх в правой руке и произносишь вслух свое желание. Но учти — я предупредил тебя о последствиях.

— У нас тут с вами прямо «Арабские ночи», — заметила миссис Уайт и поднялась, чтобы накрыть на стол. — Попроси для начала у лапки, чтобы к моим двум рукам еще добавилась парочка.

Муж тут же полез за талисманом в карман, и Моррис перехватил его руку с таким испуганным выражением лица, что все трое невольно расхохотались.

— Если уж тебе необходимо придумать желание, — хрипло пробормотал он, — пусть это будет по крайней мере что-нибудь благоразумное.

Мистер Уайт положил талисман обратно в карман, расставил стулья и жестом пригласил друга к столу. За ужином все об обезьяньей лапке совершенно забыли, а после еды переклочились на Морриса, приступившего ко второй части своих индийских воспоминаний.

— Если история об обезьяньей лапке столь же правдива, как и все остальное, что он тут нам рассказывал, вряд ли мы сумеем извлечь из нее много пользы, — заметил Герберт после того, как гость, закрыв за собой дверь, поспешил на последний поезд.

— Ты ему, конечно, за нее еще и заплатил? — Миссис Уайт бросила на мужа испытующий взгляд.

— Так, самую малость, — признался тот и слегка покраснел. — Он-то денег брать не хотел — наоборот, все уговаривал меня избавиться от нее поскорее.

— Ну еще бы: теперь мы, считай, богаты, знамениты и счастливы, — бросил Герберт, изобразив на лице притворный ужас. — Попроси лапку, чтобы она сделала тебя каким-нибудь императором, папа, — это уж точно избавит тебя от придинок, — добавил он и тут же бросился вокруг стола наутек, спасаясь от миссис Уайт, вооружившейся рулоном мебельной обивки. Мистер Уайт вынул лапку из кармана и смерил ее скептическим взглядом.

— А ведь действительно, даже не знаю, чего и пожелать. Все вроде бы есть, — проговорил он медленно.

— Как же, а налог на недвижимость? — Герберт остановился за его креслом и положил ладони отцу на плечи. — Закажи себе фунтов двести — будет совсем уж полный порядок.

Отец поднял талисман и смущенно, словно посмеиваясь над собственным простодушием, улыбнулся. Сын тотчас уселся за фортепиано и, не преминув подмигнуть матери, с самой торжественной миной ударил по клавишам.

— Хочу, чтобы у меня появились двести фунтов, — отчетливо провозгласил пожилой джентльмен под грохот звучных аккордов и... внезапно вскрикнул. Музыка оборвалась. Мать с сыном немедленно к нему подскочили.

— Она шевельнулась! — воскликнул мистер Уайт. — Лишь только я произнес эти слова, как она змеей извернулась в моем кулаке!

— В любом случае, денег я что-то не вижу. — Сын поднял лапку с пола и положил ее на стол. — И готов побиться об заклад, не увижу их никогда.

— Тебе это показалось, отец. — Миссис Уайт бросила на мужа обеспокоенный взгляд. Тот покачал головой.

— Да, в общем-то, какая разница. Ничего страшного не произошло, но уж очень все это было неожиданно.

Все трое снова расселись у огня: мужчины раскурили

трубки. Ветер снаружи неистовствовал пуще прежнего. Где-то наверху хлопнула дверь: старик поднял голову и долго глядел в потолок. В комнате воцарилась непривычная, гнетущая тишина. Наконец старики поднялись, чтобы отправиться спать.

— Готовься найти пару монет в большом мешке посреди кровати,— заметил Герберт, пожелав им спокойной ночи.— И уж, конечно, на шкафу обязательно будет сидеть, скорчившись, нечто ужасное: должен же кто-то понаблюдать за тем, как ты прикарманиваешь несправедным путем нажитое добро...

Некоторое время юноша сидел в темноте один, вглядываясь в последние блики угасающих угольков, где одна за другой у него перед глазами стали возникать вдруг фантастические образы. Последняя омерзительная физиономия была так похожа на обезьянью морду, что он изумленно поднял брови, усмехнулся, нащупал стакан на столе и выплеснул остатки воды в вазин. Ладонь его случайно легла на обезьянью лапку. Он вздрогнул, вытер руку о ночной халат и отправился спать.

На следующее утро, сидя за завтраком и жмурясь от яркого зимнего солнца, старик со смехом вспоминал свои недавние страхи. Чем-то буднично-здоровым дышала комната — чего так не хватало ей предыдущим вечером... Грязная сморщенная лапка, как бы в знак полного недоверия к ее мнимым достоинствам, оказалась заброшенной на буфет.

— Отставники — они, наверное, все одинаковы, — заметила миссис Уайт. — Да и мы хороши — уши развесили. Кто это слыхивал, чтобы в наши дни и вдруг исполнились желания. И потом, скажи-ка, отец, ну как могут тебе повредить лишние двести фунтов?

— Почему же — а ну как упадут с неба, да и прямо ему на голову? — легкомысленно встрял Герберт.

— Моррис говорит, это происходит естественно, как совпадение, — сказал отец.

— Ну хорошо, ты, главное, не находи ничего до моего прихода. — Герберт поднялся из-за стола. — Не то эти деньги превратят тебя в жадного скупердяя, и нам с мамой придется от тебя отказаться.

Миссис Уайт со смехом проводила сына к двери и, проследив взглядом, как он перешел дорогу, вернулась к столу, где долго еще потешалась над легковерностью мужа. Впрочем, это не помешало ей сначала со всех ног поспешить к порогу на стук, а затем недобрый словом помянуть пагубные привычки отставного сержанта: оказалось, что это почтальон принес счет от портного.

— Ну что ж, у Герберта, когда он вернется, будет хороший повод для новых шуток, — сказала она, когда они сели обедать.

— Так-то оно так, — мистер Уайт подлил себе пива. — Но в том, что эта штукавина шевельнулась, могу поклясться.

— Показалось, — мягко возразила жена.

— Говорю тебе — шевельнулась. И ничего мне не казалось. Я просто... Что там такое?

Миссис Уайт не ответила. Она наблюдала за странными маневрами незнакомого мужчины, который, как-то робко поглядывая на дом, похоже, никак не мог решить, входить ему или нет.

Невольно связав появление незнакомца с двумястами фунтов, миссис Уайт тут же отменила про себя, что он хорошо одет, на голове у него обтянутый шелком котелок, сияющий новизной. Трижды человек замедлял шаг у ворот, трижды проходил мимо и лишь на четвертый раз остановился, с неожиданной решимостью толкнул калитку ворот и по дорожке направился к дому. Миссис Уайт быстро развязала фартук, сунула эту не слишком привлекательную деталь своего туалета за подушку кресла и пошла к двери. Несколько секунд спустя она ввела гостя в комнату. Он, казалось, был чем-то очень смущен.

Пока миссис Уайт извинялась за беспорядок в комнате, за халат на муже, приберегаемый обычно для работы в саду, мужчина молчал, как бы занятый своими мыслями, и лишь изредка украдкой на нее поглядывал. После того как она смолкла, гость еще несколько секунд собирался с мыслями.

— Меня попросили зайти к вам... — начал он и тут же

осекся. Затем вынул из кармана бумажный прямоугольник. — Я пришел к вам по поручению «Моу энд Мэггинс». Женщина вздрогнула.

— Что-то случилось с Гербертом? — проговорила она едва слышно. — Что?

— Ну-ну, мать, перестань сейчас же, — поспешно перебил ее муж, — сядь лучше и не торопись. Вы ведь не принесли нам дурных вестей, сэр? — Он заискивающе взглянул гостью в глаза.

— Мне очень жаль... — вновь начал тот.

— Произошло несчастье?! — воскликнула мать.

— Да, большое несчастье, — кивнул мужчина. — Но... ему не было больно.

— О, слава богу! — всплеснула руками старушка. — Слава... — Она осеклась на полуслове, осознав внезапно злоебый смысл этих слов. Подтверждение своей страшной догадке она прочла на лице незнакомца: тот попытался спрятать глаза.

Миссис Уайт обернулась, положила ладони на руки мужу — он, кажется, так до сих пор и не понял, о чем идет речь. Наступило продолжительное молчание.

— Его... затянуло в станок, — тихо произнес гость.

— Затянуло в станок, — автоматически повторил мистер Уайт. Некоторое время старик сидел, пусто глядя в окно, и сжимал пальцы жены — совсем как в годы юности сорок лет назад...

— У нас больше никого не осталось, — выговорил он наконец, медленно поворачиваясь к гостю. — Это... так тяжело.

Мужчина откашлялся, поднялся с места и подошел к окну.

— Руководство компании просило меня выразить вам искреннее соболезнование, — заговорил он, не поворачивая головы. — И... прошу вас, поимите: я — их служащий и всего лишь выполняю приказы.

Ответа не последовало: старая женщина сидела с побелевшим лицом и, затаив дыхание, широко раскрытыми глазами смотрела прямо перед собой. Странно выглядел и муж ее в ту минуту: наверное, с таким выражением на лице его друг, старший сержант, шел когда-то в свой первый бой...

— Должен сказать вам, что «Моу энд Мэггинс» снимают с себя всякую ответственность за случившееся, — продолжал гость. — Они не признают за собой вины, однако, учитывая все, что сделал для нашего предприятия ваш сын, хотели бы предложить вам определенную сумму в качестве денежной компенсации.

Мистер Уайт выпустил из рук ладонь жены, поднялся на ноги и с ужасом воззрился на собеседника.

— Сколько же? — спросил он, с трудом шевельнув пересохшими губами.

— Двести фунтов.

Старик не слышал, как вскрикнула жена: он слабо улыбнулся, выбросил вперед руки, словно слепец, и всем телом рухнул на пол.

Похоронив сына на огромном новом кладбище примерно в двух милях от Виллы, старые родители вернулись к себе под крышу — в дом, погрузившийся в безмолвие и полумрак. Первое время здесь стояла странная тишина: не в силах до конца осознать смысл происшедшего, родители, казалось, все еще ждали, что произойдет какое-то чудо и хотя бы чуть облегчит груз страшной утраты, непосильный для их изношенных старых сердец. Но прошло несколько дней, и ожидание уступило место отчаянию — тихому и безнадежному отчаянию старых людей, которое иногда по ошибке принимают за безразличие. Изнуряюще долгими стали дневные часы: были дни, когда мистер и миссис Уайт не находили в себе сил обменяться парой слов — да и о чем было говорить им теперь?

Неделю спустя, проснувшись среди ночи, старик протянул руку и обнаружил, что лежит в кровати один. В комнате было темно, но со стороны окна доносились приглушенные всхлипывания. Мистер Уайт приподнялся с кровати, прислушался.

— Иди сюда, — нежно позвал он. — Иди же, простудишься.

— Сыну сейчас холоднее, чем мне, — ответила старая женщина и разразилась слезами.

Несколько минут спустя, когда старик почти уже провалился в сон, раздался пронзительный крик:

— Лапка! Обезьянья лапка!

Он испуганно вскочил с кровати.

— Где? Где она? Что случилось?

Жена брела к нему через всю комнату, натыкаясь на мебель.

— Она мне нужна. Ты ничего с ней не сделал?

— Она на полке в гостиной,— пробормотал мистер Уайт, все еще не понимая, в чем дело.— Да что случилось?

— Только сейчас сообразила! — истерически воскликнула старая женщина.— И почему я не вспомнила о ней раньше? Почему ты не вспомнил?

— Не вспомнил о чем?

— У нас в запасе еще два желания,— бросила она скороговоркой.— Мы использовали пока только одно.

— Неужели тебе этого мало? — вскрикнул муж.

— Да! Мы используем вторую попытку. Сейчас же спустись, найди лапку и попроси у нее, чтобы наш мальчик снова был жив.

Старик сел в постели и скинул простыни с трясущихся ног.

— Боже мой, ты сошла с ума!

— Найди ее! — задыхаясь, кричала жена.— Найди скорее и загадай желание. О, мой мальчик, мой мальчик...

Мистер Уайт чиркнул спичкой и зажег свечу.

— Ложись в постель,— произнес он дрожащим голосом.— Ты не соображаешь, что говоришь.

— Наше первое желание исполнилось,— пробормотала женщина будто в бреду,— почему же не попробовать еще?

— Совпадение,— заикаясь, произнес старик.

— Разыщи ее и скажи, чтобы наш сын ожил! — закричала она, не в силах унять дрожь во всем теле.

Старик обернулся и бросил на жену пристальный взгляд.

— Он мертв уже десять дней,— заговорил он наконец.— Я никогда не стал бы тебе говорить об этом, но... мне удалось опознать его лишь по одежде. Если даже тогда тебе нельзя было видеть Герберта, можешь представить себе, что с ним стало теперь!

— Верни его мне! — завопила старуха и потащила мужа к двери.— Неужели ты думаешь, что я испугаюсь ребенка, которого сама же вырастила?!

Мистер Уайт побрел в темноту, пробрался на ощупь в гостиную и приблизился к камину. Талисман лежал на прежнем месте. Внезапная мысль о том, что, еще прежде чем он успеет унести ноги, невысказанное желание может вернуться в дом изуродованного до неузнаваемости сына, привела старика в неопишимый ужас. Едва переведя дух, он обнаружил, что забыл, в какой стороне находится дверь.

Обливаясь холодным потом, мистер Уайт добрался-таки до стола, пошел вдоль стены и по коридору вернулся к себе в комнату с талисманом в руке. При виде мужа лицо женщины преобразилось. Белое и застывшее, оно несло на себе печать безумного, нечеловеческого ожидания. Старик поймал себя на том, что боится ее.

— Ну, говори! — громко вскрикнула миссис Уайт.

— Это глупо и противно Богу,— запинаясь, пробормотал муж.

— Говори!

— Пусть мой сын снова будет живым.

Несколько секунд старик в ужасе глядел на талисман, каким-то образом оказавшийся на полу, затем рухнул в

кресло. Старая женщина подошла к окну и отдернула шторы: глаза ее горели безумным огнем.

Мистер Уайт сидел немного, время от времени поглядывая в ее сторону, затем почувствовал, что замерзает. Догорающая свеча в фарфоровом подсвечнике, все это время бросавшая на стены и потолок слабые пульсирующие тени, ярко мигнула последним бликом и погасла. С чувством невыразимого облегчения от того, что на этот раз талисман оказался бессилем, старик вернулся в постель: через минуту-другую рядом с ним тихо и вяло опустилась жена.

Мистер Уайт первым не выдержал тяжести мрака: собрав воедино остатки мужества, он потянулся за коробком, чиркнул спичкой и побрел вниз за новой свечой. У подножия лестницы спичка погасла, и в тот самый момент, когда он остановился, чтобы зажечь следующую, послышался ворочать, очень тихий стук в дверь. Коробок выпал у старика из рук, спички рассыпались по полу.

Затаив дыхание, он подождал, пока стук повторится, затем развернулся, бросился по лестнице вверх, вбежал в комнату и закрыл за собой дверь. В третий раз стук разнесся уже по всему дому.

— Что это? — резко привстав с кровати, спросила старая женщина.

— Крыса,— едва выговорил дрожащим голосом муж.— Крыса... Она пробежала мимо меня по лестнице.

Миссис Уайт села и прислушалась. Внезапно стены дома сотряслись от грохота.

— Это Герберт,— вскричала она.— Герберт!

Женщина метнулась было к двери, но муж успел схватить ее за руку.

— Что ты собираешься делать? — хрипло прошептал он.

— Это же мой мальчик, Герберт! — воскликнула жена, вырываясь из его рук.— Я же совсем забыла — ему пришлось идти две мили! Зачем ты держишь меня? Пусти! Я должна открыть ему дверь.

— Ради всего святого, не впускай э т о в дом! — возопил старик.

— Ты испугался своего же сына! Отпусти меня. Я иду, Герберт, иду! — Резким движением женщина вырвалась и побежала к двери. Старик бросился следом, стал звать жену, но тщетно: она уже спешила по лестнице вниз. Загрела цепочка, заскрежетал железный засов.

— Верхняя щеколда! — донесся до него голос жены.— Спустишь, я не достаю до нее!

Но мистер Уайт уже ползал по полу на четвереньках в поисках обезьяньей лапки. Только бы успеть, прежде чем ужасное существо проникнет в дом! Внизу уже грохотала настоящая канонада. Послышался визгливый скрип: это жена тянула по полу стул к двери. В тот самый момент, когда раздался скрежет второй щеколды, старик нашел талисман и яростно выдохнул свое третье и последнее желание. Стук оборвался, хотя эхо его, казалось, все еще бушевало в стенах дома. Скрипнул отодвигаемый стул — дверь отворилась.

Порыв ледяного ветра быстро достиг верхней площадки; в ту же секунду по всему дому разнесся протяжный горестный вой. Крик этот придал старику достаточно храбрости, чтобы сначала сбежать вниз, к жене, затем пройти с ней к калитке.

Мерцающий свет уличного фонаря у дома напротив освещал лишь пустынную дорогу.

Перевел с английского В.ПОЛЯКОВ

Редакция предлагает всем желающим заняться реализацией журнала, а также журнальных и книжных изданий нашей редакции. Тот, кто заключил с нами договор на реализацию печатной продукции, не жалеет об этом. **Звоните по телефонам 285-80-58 и 285-88-85.**

Для того, чтобы разместить в журнале рекламу, достаточно позвонить по телефону 285-88-68. Вашей рекламе суждена долгая жизнь. **Цены умеренные.**

Редакция выполняет заказы на компьютерный набор, изготовление оригинал-макетов книг, журналов, газет, ксерокопирование. *Справки по телефону 285-88-28.* **Цены умеренные.**

Редакция принимает заказы на перевозку внутри Москвы и за ее пределы издательской и иной продукции. Автомобиль ГАЗ-3307 (фургон). *Справки по телефону 285-88-85.*

Редакция реализует мелким оптом и в розницу: журнал «Вокруг света», журнал «Искатель», спецвыпуски журнала, книги из серии «Библиотека «Вокруг света», другие популярные издания. *Справки по тел. 285-88-85, 285-80-58, 285-88-68.*

БРУХО

ПРЕДСКАЗЫВАЕТ БУДУЩЕЕ

Эта страна по-прежнему манит испанцев, хотя они покинули ее не так уж давно — в шестьдесят восьмом. Быть может, происходит это оттого, что в них все еще живо чувство вины перед прошлым? А может, это просто ностальгия?..

Как бы то ни было, теперь Экваториальная Гвинея — страна независимая и самостоятельная. А также единственная в Африке, где государственный язык — испанский.

Население страны, составляющее четверть миллиона человек, неоднородно. В основном здесь проживает два народа, и за каждым закреплена своя территория: на континенте издревле поселились фанг, а на острове Биоко, что в тридцати километрах от побережья, живут буби. С буби сосед-

ствуют так называемые «фернандино» — креолы, ступившие на остров еще при англичанах. Что до немногочисленных испанцев, избравших Гвинею своей второй родиной, их можно встретить здесь повсюду; они преимущественно служат чиновниками.

Фанг пришли давным-давно из далекой области Бар-эль-Газаль, что на юге Судана, там, где Нил разливается на множество рукавов. Следуя вдоль рек, они вышли к Атлантическому океану. Современные фанг прекрасно помнят рассказы о великом «нкукумане», войне Рокобонго, который покорил прибрежные племена и установил власть фанг.

Двух испанских журналистов, путешествовавших по Гвинее, — Рикардо Каравахала и Алехандру Орехас, где бы они ни заговаривали о Рокобонго, повсюду уверяли, будто он был еще и великим колдуном-брухо. И силы его, мол, проявлялись в точности, как и у белых чародеев, но только ночью, да и то совсем недолго.

Вера в колдовство в Экваториальной Гвинее распространена повсеместно. Бытует даже мнение, что ни один человек просто так не умирает — любая смерть есть дело рук злого чародея. И «белым колдунам», то есть врачам, нелегко объяснить аборигенам, что профилактическая медицина — лучшее средство борьбы со сглазом.

Рикардо и Алехандра, прибыв в одну из деревень фанг, где только что умерла дочь вождя, стали свидетелями весьма необычной погребальной церемонии. Тамашные женщины вдруг принялись рвать на себе волосы, их примеру последовали и

дети — так они выражали свою скорбь по поводу потери сородича, тем паче что всеобщее горе усугублялось еще и смертью другой дочери этого же вождя, которая умерла совсем недавно.

Со временем испанские журналисты многое узнали об Экваториальной Гвинее, которую еще называют страной колдунов и чародеев. Среди прочего, к примеру, им стало известно, что древние ритуалы «малан» (белые ритуалы), в которых в качестве главных атрибутов используют черепа предков, содержащие в себе светлые силы чародеев прошлого, под давлением католической церкви стали тайными. Так что отныне эти реликвии хранят в ящичках, украшенных священными фигурами. Ящички почитаются наравне с их содержимым: ведь каждый такой ящичек — своего рода хранилище древней мудрости, передаваемой из поколения в поколение.

Как ни странно, Экваториальная Гвинея словно зависла между прошлым и настоящим. На запястьях современных женщин блестят японские часы, но древние заповеди — в каждой их мысли, в каждом поступке. На смену тяжелым бронзовым кольцам «нгос», с помощью которых бывшие рабыни скрывали синяки на руках — следы от ударов молотка, теперь пришли пластиковые браслеты. Пластиковыми безделушками обвешаны и людоеды — увы, случаи каннибальства отмечены здесь и в наши дни, — а голос певца Хулио Иглесиаса навязчиво вторит мелодии «ндиинг», флейты любви.

Единственное, что, пожалуй,

осталось нетронутым в Экваториальной Гвинее, как, впрочем, и в других африканских странах, так это фольклор, имеющий прямое отношение к черным ритуалам предков, призванным воздействовать на природу. Песни воды, «москуру мандим», достойны того, чтобы их услышали. Для исполнения ритуала собираются девочки, они мчатся к берегу реки, где моются их родители, следом за тем поднимается невероятный шум — плещущейся воды и ладоней. За этим гвалтом внимательный слушатель может различить ритм, гулкий, нереальный, он отражается от поверхности воды, подобно звукам, вырывающимся из барабана «мбенг», обтянутого кожей нутрии. А еще за всем этим — ропот ввергнутых в стыд стариков, которые в дни своей молодости мылись голыми и, прячась от любопытных глаз, вздымали вокруг себя завесу из пены и брызг.

Но традиции, однако, малопомалу предаются забвению. Как, впрочем, и предметы вполне материальные, например — машины, некогда оставленные испанцами. Влажность, наступление джунглей, неопытность и отсутствие ремонтной базы превращают современную технику, даже ту, с помощью которой снимали лучший в мире урожай какао, в металлолом. А из груд металла местные умельцы изготавливают всевозможные поделки.

Даже колдуны не идут по пути своих праотцев — теперь они входят в транс с помощью пива, а то и дешевых духов или одеколona... Но, тем не менее, они по-прежнему способны предсказывать будущее.

Быть может, как раз поэтому испанцы и ощущают свою вину перед прошлым, точнее — перед наследием, что досталось от них жителям Экваториальной Гвинеи, страны, словно застывшей меж двух времен?..

По материалам журнала
«Los Aventureros»
подготовил А.ЛАЗАРЕВ

Однако не думайте, что здесь — земной рай. Края эти опасны и коварны. Незадолго до приезда Харви Ардена одиннадцать аборигенов попали тут в беду: заглох мотор грузовичка. Прямо посреди Большой Песчаной пустыни, в геенне огненной, где температура воздуха не меньше 120° по Фаренгейту, а у самой земли, над красными дюнами, которым нет ни конца ни края, и того выше. Когда подоспела подмога, лишь трое из одиннадцати человек подавали признаки жизни, да и те едва-едва.

Через несколько недель после неистовых грозных штормов в окрестностях Кимберли, где с января по март выпадает по футу осадков в месяц, двое путешественников попытались преодолеть на вездеходе разлившуюся реку. Ехали они по отдаленной заброшенной дороге. Машина, когда ее нашли, была пуста и уже на три четверти исчезла под водой. Сколько ни ныряли добровольцы в бурную реку, незадачливых землепроходцев так и не отыскали. К счастью, вскоре те объявились на близлежащей скотоводческой ферме — полуслепые и полуживые. Прекрасные грезы для них враз обернулись кошмаром.

Но, несмотря на все опасности, душа в этой стране раскрепощается и обретает свободу. Шестьсот тысяч квадратных миль — это больше, чем Калифорния, Орегон, Вашингтон, Айдахо и Невада вместе взятые. А живет тут всего 89 тысяч человек, и 16 тысяч из них — аборигены.

Далеко на севере лежит Кимберли — австралийская Аляска, подлинный рай для географа. Безлюдные берега океана, крутые скалистые горы, почти недоступные плато, глубокие ущелья, дремучие дождевые леса, огромные фермы и привольные пастбища, реки, широко разливающиеся в сезон дождей.

Здесь страна доисторических австралийских животных — крокодилов и динго, кенгуру и эму, варанов и черных змей, едва ли не самых смертоносных на Земле. Но не найти тут ни коала, ни утконосов, этих обитателей восточной Австралии. Здесь, между миниатюрными горными хребтами из термитников, растут сказочные баобабы, не похожие ни на какие другие деревья и почти комичные в этой своей непохожести. То они толсты, как цирковые силачи, то изящны, как балерины. И благодаря им пейзажи Кимберли выглядят еще неповторимее.

Южнее простираются красные дюны двух пустынь — Большой Песчаной и Гибсона. На картах часто обозначают голубые озера, разбросанные по этим бескрайним просторам, но, подобно озеру Дисаппойнтмент с его более чем красноречивым названием, все они — лишь безводные впадины, наполняющиеся влагой только тогда, когда в глубь суши заносит какой-нибудь океанский циклон.

ОПТИМИСТЫ

С ОЗЕРА РАЗОЧАРОВАНИЯ

Американский географ Харви Арден — счастливчик: ему удалось отыскать свою «заповедную дикую страну» на поверхности земного шара. Страна эта, по известному определению, лежит «за тридевять земель» и даже при современных средствах передвижения доступна далеко не всем и не каждому, хотя ее географические координаты определены весьма точно. Это — громадное желтое пятно на северо-западе Зеленого континента. Чтобы попасть туда, надо спуститься чуть южнее тропика Козерога, обогнуть пересохшие берега озера Дисаппойнтмент¹ и, ориентируясь по созвездию Южного Креста, двинуться древними тропами австралийских аборигенов в глубь Большой Песчаной пустыни. «Здесь, — пишет Харви Арден, — вы и найдете задворки нашего мира и, возможно, станете самим собой».

К югу и западу от пустынь возвышаются нагорья Пилбары, едва ли не самые древние на Земле. В их ущельях находят ископаемые останки, которым три с половиной миллиарда лет. Скалы еще на миллиард лет старше. Красные, как ржавчина, горы почти целиком состоят из чистой железной руды. Австралия продает ее в Японию, а потом получает изрядную долю обратно в виде автомобилей, на которых и ездят исследователи этих суровых краев.

Южнее Пилбары страна выглядит более обжитой. Здесь пастбища овец и пшеничные поля, стиснутые между реками Гаскойн и Мерчисон. Эрозия частично разрушила древние скалы, открыв доступ к таким природным богатствам, которые представить-то себе почти невозможно. Железо, цинк, бокситы, золото, уран, алмазы притягивают сюда легионы старателей, они приезжают, мечтая о богатстве, и находят его.

Когда в 1986 году через Кимберли проложили дорогу, а в редких городках, отстоящих друг от друга на полторы сотни миль и больше, построили мотелей, страна эта, прежде совершенно оторванная от мира, стала доступной для обычных туристских легковушек. И все же путешественники, как и раньше, предпочитают автомобили с приводом на все четыре колеса. Именно такую машину выбрал и Харви Арден. Ночами он стоял лагерем у аборигенов-биллабогов вместе с Майком Осборном, своим проводником, который как две капли воды похож на «Крокодила Данди»². Майк много лет был единственным в Кимберли егерем, охотником на охотников до крокодиловой кожи, рыболовов-браконьеров и контрабандных торговцев птицами. Майк объезжал район размером с Калифорнию и получил от местных аборигенов прозвище «Индюшачья лапа» благодаря своему умению появляться и исчезать совершенно незаметно, как это делают дикие индейки.

В этой части света люди, сидящие у костра, неизбежно рано или поздно заводят речь о крокодилах. Майк Осборн отлавливает по контракту рептилий, которые забредают куда не надо. Он беспощадно высмеивает Крокодила Данди, который расправляется с крупным морским крокодилем с помощью одного лишь ножа.

— Чушь собачья, — заявляет Майк. — Да чтобы человек поборол здоровенную гадину — такого еще в жизни не было. Эти крокодилы весят не меньше автомобиля. Когда их длина достигает 12—14 футов, они вдруг раздаются вширь и становятся вдвое толще прежнего. Даже трудно пове-

¹ В переводе с английского — «разочарование». (Здесь и далее примеч. редакции).

² Герой австралийского фильма, вышедшего в отечественном кинопрокате под названием «Данди по прозвищу Крокодил».

ритель, что они могут быть такими тяжелыми.— Тут Майк разводит руки.— Вот какой толщины достигают эти твари. И если уж им приспичит с тобой расправиться, пиши пропало. Как-то раз шел я вброд к браконьерской сети, думал порезать ее и выпустить рыбу, как вдруг откуда ни возьмись появилась такая вот машина. Челюсти щелкнули в каком-нибудь дюйме от меня. Едва успел выскочить на берег. Век не забуду этот жуткий щелчок. Другого такого звука нигде больше не услышишь. Никому, ясное дело, не хочется попадать в брюхо крокодилу. Сперва он запихивает тебя под затопленную корягу и ждет, пока ты не подгниешь. Это потому, что жевать он толком не умеет. А когда дозреешь — сожрет по кускам.

— А тут, в биллабонге, есть крокодилы? — спрашивает Майка Харви Арден, приехавший в Кимберли в поисках мира и покоя.

— Может, найдутся один-два пресноводных. Но у них пасть узкая, да и вообще они не так опасны. Эти могут сожрать собаку или теленка, но, если наступишь такому на хвост, он только фыркнет да челюстями щелкнет для острастки. Впрочем, морские убийцы сюда тоже заплывают — поднимаются вверх по рекам. И ежели тут, как говорят, земля грез, то они — здешний кошмар, все равно как аляскинские гризли или бенгальские тигры. В сезон дождей их заносит сюда приливом, так что надо смотреть в оба.

«Я лежал на своем суоге — австралийской походной постели, состоящей из тонкого тюфяка, обернутого холстиной, и смотрел в даль, — вспоминает Харви Арден.— От биллабонга доносилось заунывное пение бесконечно одинокой птицы, где-то выла бесконечно одинокая динго, и меня тоже охватило уныние. Я смотрел в звездное небо: светила, казалась, манили меня, звали в свой сверкающий горизонт. Все, кто стоял лагерем под австралийским небосводом, отмечали чарующую красоту здешних звезд. Поэтому мне было радостно видеть Южный Крест, ведь он всегда указывает на север и, стало быть, дает какую-то привязку к местности в этих бескрайних просторах. Не будь его, я бы и вовсе чувствовал себя потерянным. Когда падающая звезда, подобно лучу лазера, рассекает небо, до тебя вдруг доходит, откуда взялись легенды аборигенов, поселившихся здесь за 50 тысяч лет до прихода первых белых. Ведь, согласно их мифам, земля: горы, реки и пески — была сотворена небесными героями, сошедшими со звезд в те времена, когда и самого понятия времени еще не существовало».

Исследователи северо-западной Австралии в середине прошлого века, разумеется, и не подозревали о существовании троп, которые аборигены называли «дорогами предков». Экспедиции начинались в Перте, он был основан в 1829 году, и шли на север вдоль Индийского океана к берегам

Тиморского моря. Даже сегодня некоторые участки здешней береговой линии принадлежат к числу красивейших побережий на свете и выглядят нетронутыми, лишь кое-где попадаются разрозненные поселения и городки вроде порта Дампир, где корабли принимают на борт руду и минералы, или Порт-Хендленда в Пилбаре. А дальше к северу лежит Брум — центр торговли жемчугом и мекка современных отпускников.

Первые исследователи пробирались в глубь суши по труднопроходимой местности, какой не найти, пожалуй, больше нигде в мире. Неудивительно, что кочевники-аборигены подняли на копы не один десяток белых. Но первопроходцев было уже не остановить, потому что они пришли сюда жить, а не только изучать.

Один из них, Джеймс Мартин, в 1863 году произвел разведку побережья Кимберли. Увы, этот горе-первопроходец объявил здешние места удобными для лесоводства, богатыми влагой и травостоями. Хлынувшие сюда поселенцы быстро обнаружили, что тропический климат и растительность не подходят овцам. Три первых поселения пришлось покинуть, хотя впоследствии и обнаружилось, что некоторые районы Кимберли хороши не только для овцеводства, но и для выпаса крупного рогатого скота, равно как и для земледелия.

В 70—80-е годы прошлого века вдоль побережий Пилбары и Кимберли стали появляться маленькие городки. Тут запасались всем необходимым пастухи, гнавшие гурты и стада на сотни миль в глубь суши. Это позволяло им безвозмездно получать земельные наделы от правительства, заинтересованного в освоении здешней terra incognita.

В шестидесятых годах нашего столетия началось строительство большой оросительной системы, и, несмотря на колоссальные трудности, северо-восток Кимберли превратился в истинный рай. Рукотворное озеро Аргайл, куда в сезон дождей изливаются воды реки Орд, занимает площадь в девять раз большую, чем гавань Сиднея, но это водохранилище затопляет сотни квадратных миль земли, на ко-

торой прежде размещались скотоводческие фермы...

«Этот бык с диким взглядом, по видимому, невзлюбил меня, — вспоминает Харви Арден.— Казалось, его дрожащие ноздри вот-вот извергнут дым. Бык в ярости тряс изогнутыми рогами в фут длиной. Я предусмотрительно схватился за кронштейн в салоне маленького вездехода «судзуки», а тонна кимберлийской говядины дергалась под бампером, норовя скинуть машину, а вместе с ней и меня, со своей ходившей ходуном спины».

Почему же машина оказалась на спине быка, а Харви Арден — в этой машине? Он приехал на скотоводческую ферму Дрисдейл, чтобы принять участие в ловле быков. В Кимберли скот пасется сам по себе, питаясь скудной растительностью, и говядина тут получается жесткая, но вкусная. Большую часть ее продают за границу, мясо идет на гамбургеры. Раз в год фермеры устраивают смотр своему скоту, а для этого надо отловить как можно больше голов. Причем, сколько их, точно не знают даже владельцы скота.

Джон Койерс раньше жил в Порт-Хендленде и зарабатывал большие деньги, возводя заборы и ограды. Все было хорошо, только скука смертная. И вот он с женой, поднакопив денег, приобрел скотоводческую ферму. В Австралии принято покупать скот и инвентарь одновременно, а землю и постройки правительство сдает вам внаем.

— Жизнь требует делать все своими руками, — рассказывает Джон, — водопровод, орошение, электричество. Это непростое, но мы любим работать. В этом году продали голов шестьсот, наверное. У нас 680 тысяч акров земли, мы можем держать десять тысяч голов. Но как пригнать их на ферму? В былые времена нам помогали лошади, а нынче приходится нанимать вертолеты. Что до отбившихся от стада, то их мы отлавливаем на таких вот джипах. Садитесь, — приглашает он, и американский географ занимает место пассажира в изрядно побитом вездеходе. «Садитесь» — громко

сказано, поскольку сиденья тут нет. Вместо него на полу — тонкий поролоновый коврик. Джип быстро набирает скорость, сминая бампером высокий тростник. Вот водитель замечает одинокого быка, который стоит под камедным деревом и разглядывает машину. И тут начинается гонка. Джон давит на клаксон, бык бросается наутек, машина мчится за ним сквозь тростник, подсакивая на термитниках; водитель и пассажир с головы до ног осыпаны растревоженными муравьями. Бампер «судзуки» ломает акации и камедные деревья. Бык выписывает головокружительные зигзаги, но машина не отстает. Наконец автомобиль догоняет животное. Ужасный толчок — и тишина... Машина замирает на месте, будто врезавшись в скалу. А где же бык?

— Готов! — орет Джон. — Иди взгляни.

Отдуваясь и тряся пыльной шевелюрой, Харви Арден выбирается из машины и заглядывает в горящие от ярости глаза быка, который лежит под бампером. Джон подступает к нему с веревкой, намеваясь стреножить, но в страхе шарахается прочь, чтобы избежать неожиданного удара рогом, хотя и знает, что бык из-под машины не выберется. И вдруг...

— Берегись! — кричит Джон. Бык все-таки вырвался из свободу. Он стоит перед людьми, и глаза его мечут молнии. Джон проворно ныряет за термитник.

«Пригнув голову, бык вонзает рога в борт маленького «судзуки», — рассказывает Харви Арден. — Атака следует за атакой, рога скрежещут по металлу, джип раскачивается. Джон уже успел разозлиться. В гневе он сжимает руки меча стбли тростника и кричит:

— Эй, ты, зверюга чертова, прекрати калечить машину! — Голос его звучит уверенно и настойчиво — бык стоит и растерянно моргает. — Иди сюда, ты! — Джон приближается к оторопевшему животному и презрительно швыряет пучок тростника ему в морду. У быка вмиг отпала всякая охота драться, и он вперевалку трусит прочь, бросив на мена напоследок злобный взгляд.

— Ладно, потом его заберем, — говорит Джон.

Мы едем обратно на ферму и всю дорогу снимаем с одежды ошметки тростника, желтые цветы акации и, конечно, муравьев. Лицо Джона сияет.

— Люблю такую жизнь! — радостно восклицает он. — Люблю, черт возьми!

— Тут начинается вода, — говорит Майк Осборн, сбрасывая сандалии. — Снимай башмаки, иначе намокнут.

Двое путешественников спускаются по каменистому ущелью к Танл-Крик¹, где в последнее десятилетие прошлого века легендарный герой аборигенов, по прозвищу Голубь, объявленный вне закона, скрывался от

преследователей и совершал набеги на жилища поселенцев, отобравших у его народа Страну грез.

— Тут ему было где спрятаться, — замечает Майк. — Поди отыщи.

«Бледные лучи наших фонариков обшаривают подземную пещеру, пол ее усеян известковыми валунами, остатками тропического рифа, насчитывающего 360 миллионов лет и не уступавшего размерами известному Большому Барьерному рифу у восточного побережья Австралии. Тектонические процессы вознесли его на сотни футов над уровнем моря. Громадный известковый массив, находящийся ныне далеко в глубине суши, образовал мощные горные хребты Нейпир и Оскар, которые будто стеной отгораживают Кимберли с юга. Тысячелетиями дожди и водные потоки прорезали тут удивительные, красивые ущелья, такие, как, к примеру, Гейки и Уиндьяна, или Танл-Крик, вымытый в толще известняка пещеру длиной 2500 футов, по которой я сейчас и иду, босой, по колену в воде, — вспоминает Харви Арден. — Нога наступает на острый камень, и ее пронзает острая боль. Камню 360 миллионов лет, однако это как-то не утешает. Я уже решаю вернуться за башмаками, но потом передумываю: страшновато бродить одному в темноте. Мы подходим к месту, где свод пещеры обвалился и в мрачное подземелье просачивается дневной свет. По местной легенде, могучий Радужный змей воспользовался именно этим лазом, чтобы удалиться в недра Земли после того, как помог остальным небесным героям сотворить этот мир. Совсем рядом на стене — тысячелетние рисунки аборигенов: белые следы подошв, выписанные рыжей охрой крокодилы. Почему тут нарисованы следы — понятно: видимо, древний художник, как и я, крепко приложился ступней к острому камню. Я не стал спрашивать Майка, водятся ли тут крокодилы. В Кимберли на все один ответ: «Может, и водятся, приятель».

Нетрудно представить себе, как Голубь со своей ватагой прятался здесь от преследователей, питаясь бараниной, украденной с фермы белого поселенца. Белые могли спокойно охотиться в этих местах на любую дичь, но стоило аборигену зарезать теленка или овцу, он объявлялся вне закона. Сам Голубь работал проводником у полицейских, пока не убил констебля и не ударился в бега, скрывшись в буше. Потом он поднял аборигенов на восстание, вошедшее в историю под названием «Голубиная война». Голубю нравилось красться по следу своих преследователей, а потом дразнить их, стоя на высокой скале и потрясая копьем или ружьем. Он продержался три года, с 1894-го по 1897-й. В конце концов Голубь угодил в засаду близ устья Танл-Крик, и его застрелили соплеменники, аборигены-следопыты. Возможно, именно Голубь и обновил древние рисунки в пещере, поскольку он слыл «мудрым челове-

ком», посвященным в тайны Страны грез. Обновляя изображения, люди заручились поддержкой Радужного змея и братьев молнии, которые каждый год приносили в страну обильные дожди.

В племени бунуба, откуда был родом сам Голубь, рассказы о его подвигах передаются из поколения в поколение. Эта задача возложена на так называемых хранителей памяти. Нынешний хранитель, Банджо Вурунмара, любит сидеть на веранде своего дома, построенного на каменный счет в поселении аборигенов Дерби, и рассказывать о Голубе всем желающим.

«Он был хороший человек, — утверждает Банджо. — Работал себе проводником у полицейских, но в конце концов ему надоело убивать своих соплеменников. Свобода — вот чего он жаждал больше всего на свете. Констебль Ричардсон убил дядьку Голубя выстрелом в спину, и Голубь застрелил Ричардсона. Это Ричардсон был плохой, а не Голубь. Голубь был волшебником, он умел исчезать без следа. Полицейские думали, что убили его, а не так. Они говорят, что отвезли его голову в Дерби, только неправда это. Его дух и сегодня там, в Танл-Крик. С белыми он разговаривать не станет, но с нашими поговорит. Я много раз беседовал с ним. Белые приходили за его головой. Не знаю, зачем она им понадобилась. Я им еще сказал: «Голубь сделал для своего народа доброе дело, оставьте его в покое».

Сейчас Банджо далеко за семьдесят, и он готовит себе смену, заставляя своего правнука зубрить историю Голубя.

— После моей смерти Сэмми станет хранителем истины. Голубя не забудут, парень, никогда.

Так говорит Банджо Вурунмара, хранитель грез.

Рик Стил, пасечник, вывозит свои ульи за 2200 миль из Перта в Кунунарру, где пчелы собирают нектар и опыляют подсолнухи в бассейне реки Орд. Рик не останавливается на ночлег, он с ревом несет на север со скоростью 75 миль в час, преодолевая обширные безлюдные пространства между городками. Зайдите в любой придорожный ресторанчик, и вы увидите там Рика или его спутника. Они сидят в барах, привалившись животом к стойкам, сжимают в ладонях пивные кружки и рассказывают о своих злоключениях.

У Рика сильные тяжелые руки, твердые как камень, не раз сокрушавшие челюсти недругов. Разговаривая с таким человеком, весьма полезно побольше улыбаться.

А вот брат Джон — разнорабочий из католической миссии в Калумбукуру, на крайнем севере Кимберли. Он вечно снует туда-сюда на потрепанном пикапе, изрыгающем черный дым. Он торгует с аборигенами, а между делом возится на огороде, выращивая огромные арбузы и капусту.

¹ Подземный ручей (англ.)

Брат Джон даже выкраивает время, чтобы сварить чудесное пиво, благодаря которому обеды в миссии превращаются в веселые застолья.

Хельмут Шмидт, бывший пилот люфтваффе, живет в железном сараичке в буше. Он ловит рыбу (кое-кто называет это браконьерством) и, продавая ее, получает скромный доход, которого хватает на пиво и сигареты. На стенах его каморки, под самым потолком, видна грязная полоса. Это отпечаток, оставшаяся после недавнего наводнения.

— Ну и дела тут творились,— говорит Хельмут.— Ни войти, ни выйти. Приходилось ютиться на втором этаже вместе с собаками и цыплятами. В пору свихнуться, хоть сам с собой разговаривай. Но у меня и в мыслях нет уехать отсюда. Черт возьми, я живу в краю, куда другие приезжают на отдых. Я свободен, понятно?

Уиттенум — целый город, населенный хранителями грез. Он притаился среди живописных ущелий в горах Хамерсли в Пилбаре. Во времена своего расцвета, в 50-е годы, этот центр добычи синего асбеста насчитывал 1500 жителей. Сейчас там едва ли наберется 45 человек, да и тех правительство норовит спровадить, а городок снести, как источник заразы.

Увы, Уиттенум вместе с расположенными в ущелье асбестовыми карьерами являет собой печальное зрелище. Нигде в Австралии окружающая среда не доведена до такого плачевного состояния, как здесь. По оценкам ученых, к концу нынешнего столетия не менее двух тысяч бывших здешних рабочих умрут от мезотелиомы, заболевания, вызванного вдыханием асбестовой пыли,— ее тяжелые тучи и сейчас висят над карьером. Несмотря на то, что некоторые участки тут покрыты слоем черноты, а дороги — асфальтом, в воздухе витают микроскопические частицы синего асбеста, еще более вредного для здоровья, чем белый. Казалось бы, все до единого обитатели этого «Города смерти», как он значится в путеводителях, должны стремиться покинуть его. Но не тут-то было.

«В пивнушке при гостинице кипит жизнь,— рассказывает Харви Арден.— Сорокалетний местный уроженец Руби Фрэнсис сжимает в здоровенном кулаке стакан белого вина и насмешливо смотрит на меня.

— Уехать? — переспрашивает он.— Да ни за что, парень!»

Почему же люди остаются здесь?

— Да потому, что это самый прекрасный город на свете,— считает Ли Хэйр, американец, управляющий местной гостиницей.

В год здесь бывает до шестидесяти тысяч туристов. Ущелья — одна из красивейших достопримечательностей Австралии, но не только в них дело: у этого края есть своя душа. И местные жители полны решимости не дать городу умереть.

Венгр Фрэнк Сотер попал в Австралию из лагеря для перемещенных лиц во времена второй мировой войны. Он

работал в карьере, потом стал начальником почтового отделения, а теперь берется за сохранение Уиттенума.

— Я буду драться, пока есть силы,— клянется Фрэнк.— Уиттенум еще меня переживет. Тут только не надо слишком глубоко дышать, а так грязи у нас не больше, чем в Перте. У меня легкие вырезали почти подчистую, но я все равно не уеду. Правительство считает нас сумасшедшими, но если они вырубят нам ток и водопровод, мы сами все восстановим. Тут хорошие места. Где еще горстка людей способна обуздать власти, которые только и думают — где бы что разрушить?

Воистину, все они — хранители грез.

«Майк решил, что ребята из Ягга-Ягга возьмут нас поохотиться на кенгуру,— вспоминает Харви Арден,— но их старейшина, Марк Мура, только покачал головой в ответ на нашу просьбу.

— Мы уже запаслись мясом,— объяснил он, кивнув в сторону холодильника на солнечных батарейках. Власти установили его в этой деревушке посреди Большой Песчаной пустыни специально для нужд аборигенов.— Теперь до конца сезона на кенгуру можно ходить только с фотоаппаратом. Могу предложить охоту на индеек».

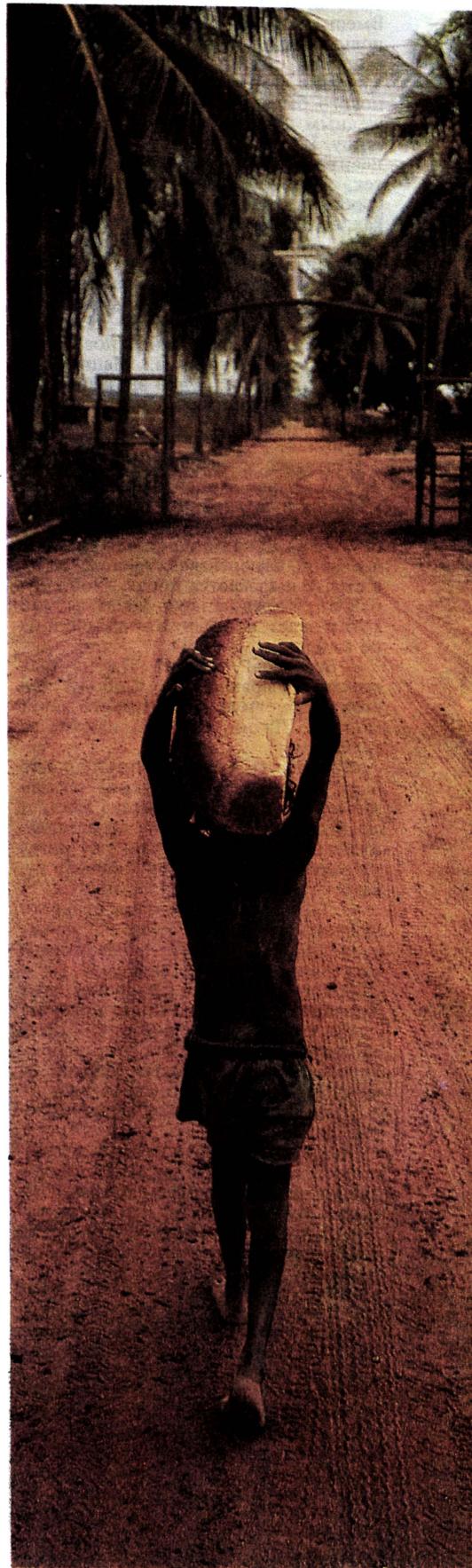
Ягга-Ягга — крошечный оазис в море красных песчаных дюн и черных каменистых плато. Деревушка — горстка лагуч и потертых палаток. Койки стоят под открытым небом, простыни прогреваются на солнце. Здешние аборигены спят под бдительным оком небесных героев.

«Мы возвращаемся к прежней жизни,— заявляет Марк Мура, коренастый сорокалетний туземец.— Пришлось покинуть Балго. Это в пятидесяти милях к северу отсюда. Там слишком неспокойно, высокая преступность среди своих же, перенаселенность, шум, суета. Вот я и собрал десятка три желающих и приехал сюда. Мы назвали свой поселок Ягга-Ягга, это значит «тише, тише». Так аборигены успокаивают расшумевшихся детей».

Два старика, сидя на корточках у костра, жарят на красных угольях тушу кенгуру. Старыми сломанными напильниками они перепиливают передние ноги животного и с явным наслаждением высасывают еще теплый костный мозг. Потом один из стариков бросает на уголья тушку варана.

Двое белых путников садятся в машину и отправляются на поиски индейки, чтобы разнообразить трапезу. Путь пролегает среди черно-серых конических холмов, похожих на змеиные головы. Кажется, что в любую минуту откуда-то может появиться какое-нибудь доисторическое животное. С верхушек холмов, куда ни глянь, взору открывается бескрайний неземной пейзаж. Цепочка пирамидальных скал, будто волшебная стрела, нацелена в глубь необозримых просторов. Что там, за горизонтом? Какие еще красоты? Какие новые загадки?..

По материалам журнала
«National Geographic»
подготовил Андрей ШАПОВ

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА на первое полугодие 1994 года

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Подписаться на журнал «Вокруг света» и приложение «Искатель» вы можете в любом почтовом отделении. За полугодие выйдут 6 номеров «Вокруг света» прежним форматом и объемом (64 стр.). Каталожная цена одного номера – 510 рублей, индекс издания – 70142. За этот же период выйдут три номера приложения фантастики и приключений «Искатель» прежним форматом, объемом 160 страниц (а не 128, как было много лет). Каталожная цена одного номера «Искателя» – 480 рублей. Индекс – 70424. Как и раньше, к объявляемой редакцией каталожной цене местные почтовые ведомства прибавят стоимость доставки журналов подписчикам на дом.

Распространением журнала и приложения будет заниматься АО «Агентство печати и розницы» (телефон (095) 200-69-51). В связи с этим не удивляйтесь, не найдя наши издания в каталоге «Роспечати».

Ищите нас в каталоге
издательства «ИЗВЕСТИЯ»
(IV раздел).

«ВОКРУГ СВЕТА» И «ИСКАТЕЛЬ» ОСТАЮТСЯ С ВАМИ.

Вольный ветер

Газета для любителей странствий и приключений

Это газета для тех, кого манит дорога, кто не может прожить без походов и экспедиций, без песен у костра – для альпинистов, самодельных туристов и всех других любителей странствий и приключений.

«Вольный ветер» выходит один раз в два месяца тиражом 50 тысяч экземпляров, на его страницах формата «Аргументов и фантов» читатели найдут материалы о необычных путешествиях и слетах, рассказы об экстремальных ситуациях на маршрутах, информацию о новостях туризма и альпинизма, сведения о деятельности различных объединений любителей путешествий, рекламу нового снаряжения и много другой полезной информации. В каждом номере – подборка частных объявлений (они печатаются бесплатно), кроссворд, юмористические заметки, две-три песни с нотами и аккордами.

Редакция принимает подписку на газету и рассылает ее по заказам. Стоимость газет 1993 года (с доставкой) – 20 рублей за экземпляр. Ранее вышедших – 15 рублей. При оптовых покупках – скидка. Оплата в любой форме. Условия подписки на 1994 год можно выяснить в редакции по тел. 360-55-73 или письменно по адресу: 111020, Москва, а/я 30.

Распространением журнала «Вокруг света» и «Искатель» в зарубежных странах занимается акционерное общество «Международная книга» через своих контрагентов в соответствующих странах. Адреса фирм-агентов вы можете узнать в АО «Международная книга»:

117049, Россия, Москва,
ул. Большая Якиманка,
39

Факс (095) 238-46-34
Телефон (095)
238-46-34
Телекс: 411160

Цена подписки на год,
включая стоимость авиа-
доставки:

«Вокруг света»: –
44 доллара США,
«Искатель» –
24 доллара США.

Ален ДЕКО,
французский историк

АНАСТАСИЯ

Главы из книги

Театр рожден Историей. Но сколько сама История обязана театру! Загадочная судьба великой княжны Анастасии служит тому подтверждением.

Перед минувшей войной газеты взахлеб обсуждали эту сенсацию: странная бесприютная женщина отчаянно кричала на весь свет со своей госпитальной койки, словно из царских покоев, что она — единственная, кто уцелел в кровавой резне в Екатеринбурге. А потом... Потом мало кто вспоминал о «так называемой Анастасии».

Была, правда, Марсель Морет. Ее пьеса обошла подмостки всех известных театров. Фильм, снятый незабываемой Ингрид Бергман, видели даже

самые отдаленные провинции. И вот интерес к забытой теме неожиданно возродился. Толпы репортеров хлынули в небольшую деревушку, где под именем фрау Андерсон укрылась та, что еще недавно называла себя госпожой Чайковской.

Мне надолго запомнится поездка в Черный лес на исходе зимы 1957 года. Мир опять заговорил об этой нищенке, претендующей на имя великой княжны Анастасии, дочери последнего русского царя.

Вместе с Стеллио Лоренци и Андре Кастело мы решили тогда сделать сюжет для нашей программы. Андре отправился в Швейцарию разыскивать Пьера Жийяра, бывшего воспитателя

наследника цесаревича, а я тем временем выехал в Германию...

Дороги были занесены снегом. По обеим сторонам высились белые пихты. До деревушки Унтерленгенхарт мы добирались битых два часа. Было прохладно. Низкое небо и тишина, словно уши заложены ватой...

Женщина, удивленная нашим появлением, выглянула из дома и указала нам дорогу:

— Фрау Андерсон? Да, это там, на краю дороги, вон та черная крыша, над которой поднимается струйка дыма.

Семья императора Николая II. Великая княгиня Анастасия — крайняя справа.

Вместе с сопровождавшими меня немцами мы подошли ближе и остановились, изумленно переглядываясь. Это трудно было назвать домом — скорее хижина, вросшая в землю и замаскированная снегом. Стены из плохо пригнанных досок. Крыша из просмоленного рубероида. Барак был окружен едва не четырехметровой изгородью из проволоочной сетки, за которой прыгали огромные волкодавы...

Никакого намека на звонок. Я позвал. Немцы прокричали несколько раз хором: «Фрау Андерсон! Фрау Андерсон!» Ответа не последовало.

Дверь лачуги неожиданно приотворилась. На пороге показалась старуха в мужском пальто и ботинках наподобе тех, в которых работают землекопы. Уже потом я узнал, что это была баронесса фон Гейдебрант, бывшая фрейлина последней немецкой императрицы, принимавшая деятельное участие в деле Анастасии и поселившаяся вместе с ней в этих трущобах.

Она подозрительно оглядела нас и, не говоря ни слова, снова закрыла дверь...

Недалеке остановился «фольксваген», из него вылезли двое полицейских и подошли к нам.

— Так это вы беспокоите фрау Андерсон?

Мы объяснили, зачем прибыли. Мои немецкие коллеги предъявили свои удостоверения. Стражи порядка рассмеялись:

— Фрау Андерсон, — поведали они нам, — сообщила в полицию, что на ее жилище совершено нападение.

В этом бараке, оказывается, есть телефон...

Весь следующий день я пытался увидеть фрау Андерсон. Увы, тщетно. Та, чье имя наделало столько шума, воздвигла стену молчания между собою и миром...

Несколько недель эта лачуга занимала мое воображение. Я потерял всякий покой. Я перерыл целую грудку литературы, появившейся прежде. Я сделал потрясающие открытия: я выяснил, например, что многие авторы без особых колебаний смело романтизировали и без того весьма романтический сюжет...

Что же можно сказать о большинстве работ, выходявших то здесь, то там? Все они преследовали одну цель: доказать, что госпожа Андерсон действительно Анастасия...

И все же! В одном из самых загадочных дел XX века есть и правдивые свидетели. Те, что уже ушли из жизни, к счастью, оставили после себя подлинные документы. За это время завершилось множество процессов, в ходе которых эти показания были собраны воедино. Отныне историографу есть на что опереться...

ДЕВОЧКА И ВОСПИТАТЕЛЬ

Юное грациозное создание с привлекательными чертами лица. Темные локоны спадают на плечи, черные, немного печальные глаза: такой запечатлена Анастасия Николаевна на тех

редких фотографиях, которые дошли до нас.

В нашем расследовании важнее всего, пожалуй, воссоздать внешний облик и психологический портрет персонажа: нам часто предстоит на них ссылаться.

Предоставим же слово человеку, много лет прожившему рядом с детьми Николая II. Он сопровождал их до Царского Села. Только жестокому запрету сопровождать своих подопечных в Екатеринбург обязан он жизнью; в противном случае его ожидала бы трагическая участь доктора Боткина. Человек этот — воспитатель цесаревича Пьер Жийяр. Его воспоминания поистине драгоценны. Сейчас он живет в Лозанне. Во время последнего процесса, несмотря на преклонный возраст, он приехал в Германию, чтобы выступить на суде. В 1957 году он появился в нашей программе на Французском телевидении.

Впрочем, я, как и обещал, уступаю место Пьеру Жийяру.

«Классная комната в Царском Селе. Я только что закончил урок с Ольгой Николаевной и в одиночестве ожидал свою вторую ученицу, Татьяну Николаевну, когда отворилась дверь и вошла девочка с преогромной книжкой в руках, совсем еще дитя. Она не без усилия водрузила свою ношу на стол и затем, подав мне руку, сказала по-русски: «Я тоже хочу учить французский». Не ожидая моего ответа, она вскарабкалась на стул, устроилась там на коленах, раскрыла свою книжку и, ткнув мизинчиком в огромного слона, нарисованного на странице, спросила: «Как это будет по-французски?» Лев, тигр... короче, все твари Ноева ковчега, чистые и нечистые, предстали передо мной. Я включился в игру, очарованный той невозмутимой серьезностью, которую она внесла в этот свой «первый урок». Снова открылась дверь, и на сей раз появилась уже Татьяна Николаевна. Моя маленькая посетительница резко захлопнула книгу на боа констрикторе и спрыгнула на пол. Протянув мне прохладную ладошку, она сказала совсем тихо: «Я завтра приду опять», и исчезла, прижимая к груди свой альбом.

Так я познакомился с Анастасией Николаевной. Ей было тогда четыре с половиной года. Правда, на другой день урок наш так и не состоялся...

Прошло несколько лет, и в 1910 году Анастасия стала моей ученицей. Ей минуло тогда восемь лет, и я редко встречал у кого-нибудь в этом возрасте такую тягу к знаниям. Она прекрасно запоминала со слуха, и успехи ее были замечательны. Она играла заучивала все, прозу и стихи, и, поскольку произношение у нее было безукоризненное, говорила она блестяще...

Осенью 1913 года я был назначен воспитателем к цесаревичу и перебрался во дворец. С этого времени я стал замечать, что прилежание Анастасии Николаевны начало исчезать, мало-помалу она сделалась очень ленива. Я был в отчаянии, мои коллеги тоже: а ведь до сих пор занятия с ней

приносили нам только радость... Она была ненамного старше своего брата и поэтому общалась с ним и со мною гораздо больше, чем со старшими детьми. Она часто прибегала в мой рабочий кабинет с каким-нибудь пустяковым вопросом; иногда она врывалась с горящими щеками, дрожа от возмущения, и пересказывала мне на своем милом французском все маленькие драмы своей детской жизни: иногда ей необходим был кто-нибудь, кто сумел бы разделить ее радость, которую она не в силах была держать в себе ни секундой более.

Самыми характерными чертами ее были естественность и необыкновенная простота. Она была весьма шаловливым ребенком. Она очень любила подмечать в людях смешные черты и изображала их затем с удивительным комизмом, но с возрастом стала серьезнее.

Я никогда не замечал в ней ни малейшей сентиментальности, склонности к меланхолической мечтательности, даже в том возрасте, когда девушки так легко заражаются этим недугом. Она была душой большого дома, и даже самые угрюмые лица прояснялись при ее появлении, не в силах сопротивляться ее неподвижным шуткам и неизменному веселью. Она была очень шумной, иногда даже утомительно шумной. Любое впечатление, каждое чувство она выражала немедленно; вся она была в движении и в действии. Даже в 16 лет она походила скорее на резвого ребенка, сбжавшего от хозяев и опьяненного радостью жизни... И ее любили, невзирая на недостатки, а может быть, и благодаря им, ибо в этом ребенке чувствовалось неуловимое очарование непредсказуемости, свежести, жизненного веселья, естественности и простоты...

Вот письмо, которое она написала моей жене 4 августа 1915 г.; это маленькая хроника дворцовых событий: «Ну вот! Фотографии готовы; я посылаю вам, а вашей матери — ту, где вы пьете чай. Здесь все время идет дождь, просто ужас какой-то! Ужасно холодно, ветер, и погода самая отвратительная. Да к тому же вчера и сегодня приходил господин Кострицкий /зубной врач.— А.Д./, мне, правда, не было больно, но все же... Сегодня был всего один урок, потому что господин Жийяр должен был ехать в город; я, разумеется, была ужасно рада. В воскресенье были крестины Екатерины Ивановны /дочери князя Иоанна Константиновича.— А.Д./; она вопила не переставая, это кошмар. Папа и наша старая тетя Ольга /королева Греции.— А.Д./ были крестными.

Вчера тетушка Ольга /великая княгиня Ольга, сестра Николая II.— А.Д./, душка, приезжала к нам, но ненадолго всего с 3-х до 6-ти часов; она рассказала много интересного; она очень загорела и немного поуходела. Вернулась Татьяна Андреевна, не к нам, а в Стрельну, тетя Юльга.— А.Д./ сказала нам, что она очень устала.

Вот я и пересказала вам все новости.

Ах, да, вчера господин Жийяр и Владимир Николаевич Юд-р Деревянко. — А.Д./показывали нам всякие тени, было очень красиво и интересно.

Крепко вас обнимаю. Кланяйтесь вашей матери. Всего хорошего.

Любящая вас Анастасия.

Это письмо датировано 4 августа 1915 г. Анастасии было тогда 14 лет.

Что может быть естественнее и проще этого письма. Невозможно поверить, что написано оно дочерью императора!

Больше всего на свете (исключая, конечно, родителей, брата и сестер) она любила великую княгиню Ольгу, ту, которую в письме она называет «душкой». Великие княжны разделяли ее чувства; не менее Анастасии Николаевны они были привязаны к младшей сестре их отца, и Ольга была для них почти что старшей сестрой. Каждый ее визит во дворец был праздником; едва дети замечали ее, как бросались навстречу, окружали ее и готовы были, казалось, задушить ее в объятиях, но все же мне представляется, что Анастасия Николаевна любила ее больше всех прочих и, может быть, любовь эта усиливалась тем, что и великая княгиня выделяла ее из своих милых племянниц!..

Императорская фамилия жила уединенно; великие княжны виделись в основном с родственниками. Часто появлялись во дворце дети великого князя Александра¹, особенно княжна Ирина Александровна, наверное, их единственная близкая подруга.

Самые теплые отношения с учителями из всех великих княжон сложились у Анастасии Николаевны. Она очень любила своего старого учителя русского языка П.В.Петрова — на его коленах она сидела, еще будучи совсем малышкой, — затем господина Конрада, преподавателя музыки и нашего начальника, и, наконец, господина Гиббса.

Назову и прочих своих коллег: о.Васильев преподавал Закон Божий, господин Кляйненберг учил немецкому языку, историю же и естественные науки читали господин Иванов и господин Цитович; все четверо были приняты позднее в наш уютный царскоесельский мир².

Анастасии Николаевне было 16, когда во время революции царская фамилия была сослана в Сибирь...»

Прошло чуть больше года со времени уничтожения царской семьи. Советское правительство публиковало лишь отрывочные и прихотливо измененные сведения об убийстве. Расследование, на которое ссылаются и поньше, — увидело свет только 7 лет спустя за границей.

¹ Великий князь Александр Михайлович, женат на великой княгине Ксении Александровне.

² Господину Кляйненбергу и мне весьма затрудняло преподавание то, что, помимо наших уроков, великим княжнам совершенно негде было попрактиковаться в языках. Они никогда не говорили по-немецки, а на французском выражали свои мысли с большим трудом (прим. П.Жийяра).

Эта нехватка информации и породила легенды и истории столь же соблазнительные, сколь и невероятные. Не нами подмечено: ложные идеи распространяются быстрее истинных.

Уже в середине 1919 года где-то в Сибири появился мальчуган лет 15—16, чрезвычайно похожий с виду на великого князя наследника цесаревича Алексея.

Бывший председатель петроградского суда присяжных Константин Савич рассказывал нам, что «народ принимал его с воодушевлением: в школах даже собирали деньги в его пользу». Адмиралу Колчаку, главе «белого» правительства, была срочно послана телеграмма с этой сногшибательной новостью. По его приказу юношу доставили в Омск. Господин Жийяр, приехавший, чтобы проверить истинность его показаний, задал ему несколько вопросов по-французски. Тот не смог ответить. Он объяснил, что прекрасно понимает, о чем его спрашивают, но не желает отвечать, и заявил, что разговаривать будет только с адмиралом Колчаком.

«Князь Алексей» довольно скоро сознался в обмане...

Несколькими месяцами позже появился еще один Алексей, на сей раз в Польше...

Через некоторое время, опять в Польше, появилась великая княжна Ольга. Она рассказывала, что она потеряла память из-за ужасного удара прикладом, полученного в Екатеринбург, и была спасена каким-то солдатом. Следствию стали известны еще многие персонажи из числа так называемых царских детей: то Анастасия, то Татьяна, то Ольга появлялись в России, в Польше, в Литве, во Франции, в Германии и даже в Америке.

Даже много лет спустя все новые «открытия» будоражили мир. Газеты довольно долго занимала судьба великой княжны Ольги, которая на юге Франции сумела выудить из своих «клонников» около миллиона франков на то, чтобы «выкупить» заложенные в ломбард драгоценности императорской семьи»!

«Слухи о том, что кто-то из великих княжон смог спастись, были чрезвычайно сильны, — замечает Константин Савич. — Источник их следует искать, конечно же, в России. В Европу они проникают оттуда. Великая княгиня Елена Петровна сама рассказывала графине Орловой-Давыдовой, как однажды, когда она сидела в тюрьме в Перми, начальник тюрьмы ввел к ней в камеру девушку, настоящее имя которой было Анастасия Романова; Елена Петровна должна была установить, действительно ли подозреваемая — великая княжна Анастасия, ибо поговаривали о том, что она и впрямь могла остаться в живых. Потом выяснилось, что задержанная — дочь начальника вокзала какой-то небольшой железнодорожной станции».

Все это было несерьезно. Появление очередного самозванца занимало публику в течение нескольких дней, самое большее — нескольких недель. Обман

раскрывался всякий раз очень скоро, до тех пор, пока однажды...

ЗИМНИЙ ВЕЧЕР В БЕРЛИНЕ

В феврале в Берлине бывает холодно. Полицейский, дежуривший 17 февраля 1920 года возле канала Ландвер, зябко поеживался, безуспешно пытаясь согреться, когда со стороны Бендлерского моста до него донесся крик и следом — характерный звук падающего в воду тела. Полицейский бросился туда, где в черной воде отчаянно барахталась женщина. Прошло несколько мгновений, пока ему наконец удалось схватить ее и вытащить на берег...

Ее, казалось, мало заботила собственная участь.

Определенно славянский тип лица, миловидна, одета бедно — это из того, что бросается в глаза. В полицейском рапорте будут педантично указаны «черные чулки, черные высокие ботинки, черная юбка, грубое белье без инициалов, блуза и большой платок».

В участке, куда ее доставили, от нее не добились ни слова. Она смотрела прямо перед собой и не отвечала ни на один из вопросов. Ее обыскали в надежде найти хоть какие-то бумаги или документы, но безрезультатно. Ее странное поведение можно было объяснить только сумасшествием. Женщину отвезли в берлинский Елизаветинский госпиталь.

27 марта ее осматривали врачи. В медицинском заключении было сказано, что больная «склонна к сильным приступам меланхолии», и указывалось на необходимость помещения ее в психиатрическую клинику в Дальдорфе...

Первые слова, которые она произнесла, были совершенно случайны. Когда ее спросили, не желает ли она, чтобы о ее местонахождении сообщили ее жениху, она вдруг ответила по-немецки: «Nichts, von alledem» (Нет, не надо).

Когда она поступила в клинику, она весила 110 фунтов¹.

Неизвестная прожила в Дальдорфе полтора года. Поведение ее не беспокоило врачей. Она могла часами сидеть, не проронив ни слова, чаще же просто «лежала на кровати, уткнувшись лицом в покрывало». Иногда «она вдруг оживлялась, особенно по вечерам, и разговаривала с больными и с сестрами».

Весьма странным было поведение больной, когда ее несколько раз пытались сфотографировать: «Она выказывала сильнейшее нежелание и волновалась до того, что приходилось силой усаживать ее перед камерой».

Она много читала «в основном, газеты, — реже — книги» из библиотеки клиники, конечно, по-немецки. «Сестры говорили, что она производит впечатление хорошо образованной женщины».

Однажды сиделка принесла в палату номер «Berliner Illustrierte Zeitung» за

¹ Около 54 килограммов (прим. пер.)

23 октября 1921 года. На первой полосе — фотография трех дочерей Николая II и броский заголовок: «ОДНА ИЗ ЦАРСКИХ ДОЧЕРЕЙ ЖИВА? Последняя фотография великих княжон, сделанная после их ареста. Слева — великая княжна Анастасия, избежавшая страшной участи императорской фамилии и находящаяся сейчас, по слухам, в Париже».

Неизвестная делила комнату с Марией Колар Пойтерт, женщиной лет сорока пяти, бывшей прачкой, оказавшейся в этом печальном заведении «из-за происков недоброжелателей». Константин Савич, бывший председатель петроградского суда присяжных, которому волею судеб довелось участвовать в этом деле, рассказывает о ней следующее:

«В январе 1926 года мне пришлось расспрашивать госпожу Пойтерт, которой в ту пору минуло пятьдесят лет. О себе она говорила, что когда-то раньше жила в России и, будучи портнихой, поставляла платья дамам императорского двора. Поразившись сходству между царскими дочерьми на фотографии из «Берлинской иллюстрированной газеты» и своей загадочной соседкой, она сказала ей однажды: «Я знаю, кто ты». Неизвестная вместо ответа приложила палец к губам и затем шепнула с таинственным видом: «Молчи». Госпожа Пойтерт принесла незнакомке «Готский альманах»¹ с членами русской императорской фамилии и семьей Гессе...»

Госпожа Пойтерт покинула клинику 20 января 1922 года, занятая размышлениями о незнакомке. Она была совершенно убеждена, что речь идет об одной из царских дочерей, хотя больная почти ничего ей не открыла. Исполнившись этой уверенности, она начала действовать, и нам следует не без удивления констатировать, что, не появившись на сцене госпожа Пойтерт, не исключено, что и не было бы никакого дела Анастасии!

5 марта 1922 года госпожа Пойтерт встречается во дворе берлинской православной церкви бывшего капитана кирасирского полка вдовствующей императрицы господина Швабе и рассказывает ему о «больной из Дальдорфа», заметив в скобках, что «и впрямь считает ее одной из дочерей императора». Она упрощает господина Швабе отправиться в госпиталь, и капитан, поразмыслив, соглашается выполнить ее просьбу.

8 марта 1922 года господин Швабе вместе со своим другом, инженером Айнике, отправился навестить неизвестную. Он задал ей несколько вопросов по-русски, но она ответила, что не знает этого языка. Тогда капитан протянул ей фотографию вдовствующей императрицы. Реакция молодой женщины изложена в двух вариантах легенды. Господин Швабе утверждает, что больная «ответила, что эта дама ей не знакома». Сама же его собеседница вспомнит много позже: «Кто-то из

русских эмигрантов принес мне портрет бабушки. Это был первый раз, когда я позабыла всякую осторожность; увидев фотографию, я вскричала: «Это моя бабушка!»

Как бы там ни было, господин Швабе покинул больницу в чрезвычайном волнении. Выйдя из клиники, он тотчас же направился к председателю верховного совета русских монархистов в Берлине и употребил все свое красноречие, чтобы убедить его послать к больной «кого-нибудь из людей, близко знавших раньше детей императора».

Встреча, которой так добивался господин Швабе, состоялась два дня спустя. Вот что он сам вспоминает об этом.

«Дня через два я снова отправился в госпиталь, на сей раз в компании капитана кавалерийского полка С. Андреевского, госпожи Зинаиды Толстой, ее дочери и хирурга Винеке. Больная не пожелала спуститься вниз, и, поднявшись в сопровождении сиделки в палату, мы увидели, что она лежит, закрыв лицо покрывалом. Госпожа Толстая и ее дочь очень мягко разговаривали с ней, со слезами на глазах показывая незнакомке маленькие иконки, фотографии и шепча ей на ухо какие-то имена. Больная ничего не отвечала; она была до крайности взволнована и часто плакала. Андреевский называл ее «ваша светлость», это, кажется, подействовало на нее более всего. Винеке не стал осматривать больную, но добился у госпитального начальства дозволения оставить ее здесь. По мнению госпожи Толстой и ее дочери, это была великая княжна Татьяна Николаевна».

Великая княжна Татьяна! Итак, появились новые свидетели — госпожа Толстая была близка в последние годы к императорской фамилии, — утверждавшие, как прежде госпожа Пойтерт, что в глаза бросается «определенное сходство» между Незнакомкой и царскими дочерьми. Они, правда, назвали Татьяну...

В течение следующих дней поразительная новость облетела круги русских эмигрантов, осевших в Берлине. Среди тех, кто был особенно потрясен, была баронесса Иза Буксгевден. Царская семья всегда была для нее чем-то большим, чем просто факт политической жизни или аристократических сантиментов: это была отчасти и ее семья. С 1904 года она «проводила много времени при дворе», а с 1913 и до самого 1918 года, став фрейлиной, находилась во дворце почти неотлучно. Если кто и мог узнать в Незнакомке одну из великих княжон, то только она, зная их лучше, чем кто бы то ни было, и расставшаяся с ними только в Екатеринбурге, всего за полтора месяца до трагедии.

Баронесса тотчас же согласилась приехать. Вот как она вспоминает свой визит (мы позволим себе привести полностью текст ее записки).

«12 марта 1922 года мы вместе с госпожой Толстой, моим отцом, бароном Шарлем фон Буксгевденом, лейтена-

нтом Андреевским и господином Швабе отправились в госпиталь. Директор клиники, видимо, знал о нашем предстоящем появлении, потому что, несмотря на раннее время — было только 8 часов утра, — встретившая нас сиделка сразу провела нас в общую женскую палату, где находилась больная. Она лежала в кровати возле стены, неотрывно глядя в залитое светом окно. Услышав, как мы вошли, она укрылась одеялом, не желая, чтобы мы ее разглядывали, и больше уже невозможно было уговорить ее открыть лицо. Госпожа Толстая объяснила мне, что Незнакомка делает так всегда, когда кто-нибудь приходит к ней, но медсестра добавила, что она разговаривает иногда с госпожой Пойтерт, которая раньше тоже лежала в клинике, и что это единственный человек, которому она явно доверяет. Госпожа Пойтерт была здесь же. Они говорили по-немецки. Большую часть времени больная лежала и, хотя врачи разрешали ей вставать, она все равно предпочитала оставаться в постели.

Она была в ночной рубашке и белом жакете. Высокий лоб, волосы забраны назад и уложены совсем просто. Я решила заговорить с ней и попросила моих спутников отойти от кровати. Глядя ее по голове, я обратилась к ней по-английски с той же осторожностью, с какой стала бы беседовать с великой княжной, называя ее, впрочем, вполне нейтральным «darling». Она не отвечала ни слова, видимо, не понимая ничего из того, что я говорила ей: когда она на мгновение откинула одеяло, так что я смогла рассмотреть ее лицо, глаза ее не выражали ничего, что показало бы мне, что меня узнали. Лоб и глаза ее напомнили мне великую княжну Татьяну Николаевну, но стоило увидеть все лицо, чтобы сходство перестало казаться столь разительным.

Я постаралась оживить ее воспоминания всеми возможными способами. Я показала ей одну из иконок с датами правления Романовых, подаренных императором некоторым людям из свиты; потом перстень, принадлежавший некогда императрице (она часто носила его и подарила его мне в присутствии великой княжны Татьяны). Но эти вещи не вызвали в ее памяти ни малейшего отклика. Она без интереса рассматривала эти предметы и только прошептала на ухо госпоже Пойтерт несколько слов.

Хотя верхней частью лица Незнакомка — а вернее, ныне госпожа Чайковская — отчасти похожа на великую княжну Татьяну, я все-таки уверена, что это не она. Позже я узнала, что она выдает себя за Анастасию, но в ней нет абсолютно никакого внешнего сходства с великой княжной, никаких особых черт, которые позволили бы всякому, близко знавшему Анастасию, убедиться в истинности ее слов.

Когда госпожа Пойтерт увидела, что Незнакомка не отвечает и никак не об-

¹ Издавался в г. Готе с 1763 г.

¹ Дорогая (англ.).

наруживает, что узнает меня, она, видимо, желая «помочь» ей, зашептала что-то по-немецки и принялась показывать фотографии императорской семьи, тыча при этом пальцем в империатрицу и спрашивая у больной: «Эта мама, правда?» (или что-то в этом роде). Наконец, она вложила ей в руки Новый Завет на русском языке, переплетенный русскими лентами. Но все эти попытки потерпели крах: больная продолжала молчать и лишь старалась спрятать лицо, закрываясь одеялом и руками. Кстати, замечу, что великая княжна Анастасия едва ли знала с десятком немецких слов и выговаривала их с неимоверным русским акцентом».

Документ на первый взгляд убеждает. Заметим, тем не менее, что баронесса преследовала совершенно иную цель: определить, Татьяна это или нет. Ответ оказался отрицательным, что, впрочем, подтвердит позже и сама Незнакомка.

Кстати, вот как она опишет потом свои впечатления от визита баронессы.

«...Если бы вы знали, как невыносимо тяжело мне стало, когда вдруг появилось несколько русских, и среди них женщина¹, бывавшая раньше у нас, при Дворе. Они хотели меня видеть! Я стыдилась перед ними своего жалкого состояния. Я накрывалась одеялом с головой и решила не говорить с ними...»

Заметим важный факт: до сих пор Незнакомка не сказала ни слова: события развиваются без ее участия, можно даже сказать, вопреки ее желаниям.

Мнение баронессы Буксгевден, кажется, не слишком впечатлило первых приверженцев Незнакомки. Что же до нее самой, она замечает, что «с этих пор стали часто бывать русские эмигранты; я даже не всегда знала, кто они такие».

Одной из самых близких была баронесса Кляйст, супруга бывшего полицмейстера одного из округов. Сердце ее обливалось кровью при виде молодой женщины (которая была, быть может, дочерью ее государя!), влачащей безрадостное существование в клинике для душевнобольных. 22 марта 1922 года она добилась у начальства разрешения забрать ее из Дальдорфа к себе. Сделать это было тем легче, что репутация и положение госпожи Кляйст были выше всякой критики.

Каково же было ее удивление, когда, придя за больной, она обнаружила, что та вырывает себе волосы спереди и что у нее уже не хватает многих зубов! Позже Незнакомка объяснила, что «она принуждена была это сделать, поскольку ее передние зубы шатались из-за удара прикладом, полученного в Екатеринбурге».

«Я АНАСТАСИЯ»

Небольшая квартира на пятом этаже дома № 9 по Неттельбекштрассе в Берлине. Здесь живет барон Кляйст с женою и дочерью. 30 мая 1922 года в

доме появилась новая жилища: молодая женщина, никогда не выходящая из своей комнаты и о существовании которой соседи, быть может, и не подозревали бы, если бы не бесконечный поток посетителей, которых она принимала...

Одна из проблем, вставших перед Кляйстами, — как следует называть эту неизвестную женщину, лишенную всякого гражданского состояния? Они сошлись на имени «Анни». Что можно сказать о ее душевном состоянии? В первые дни после переезда к Кляйстам последовало явное улучшение, чего, увы, нельзя сказать о ее здоровье. Глазам растерянных визитеров представало довольно жалкое зрелище. Анни была больна чахоткой и туберкулезом костей. Ее бил озноб. Приглашенные доктора — особенно доктор Грэфе — делали все, что могли, но тогда, в 1922 году, туберкулез был еще неизлечим и медицина могла лишь признать собственное бессилие.

Анни — робкая, недоверчивая Анни — кажется, постепенно прониклась уважением к своему врачу. Именно ему она рассказала однажды с таинственным видом, что у нее есть где-то сын и что «ребенка всегда можно будет узнать по белую с императорскими коронами и золотому медальону».

Квартира барона Кляйста понемногу превратилась в подобие небольшого двора. Русские эмигранты считали своим долгом появиться здесь, принося «фотографии и книги об императорской фамилии». Незнакомку показывали гостям, словно ярмарочную диковинку.

Барон Кляйст, как мы уже сказали, был некогда полицмейстером: знаменательный для нас факт, ибо его наблюдения над загадочной протеей отличает и впрямь сугубо юридическая точность. Нам удалось познакомиться с отчетами об этих «допросах». Вот они.

«20 июня 1922 года женщина, которую я забрал из сумасшедшего дома, пригласила меня к себе в комнату и в присутствии моей супруги, баронессы Марии Карловны Кляйст, попросила у меня защиты и помощи в отстаивании своих прав. Я заверил ее в том, что готов находиться в полном ее распоряжении, но только при условии, что она откровенно ответит на все мои вопросы. Она поспешила уверить меня в этом, и я начал с того, что спросил, кто она на самом деле. Ответ был категорический: великая княжна Анастасия, младшая дочь императора Николая II. Затем я спросил ее, каким образом ей удалось спастись во время расстрела царской семьи и была ли она вместе со всеми. Ответ ее я привожу полностью.

«Да, я была вместе со всеми в ночь убийства, и, когда начался резня, я спряталась за спиной моей сестры Татьяны, которая была убита выстрелом. Я же потеряла сознание от нескольких ударов. Когда я пришла в себя, то обнаружила, что нахожусь в доме какого-то солдата, спасшего меня. Кстати, в Румынию я отправилась с его женой, и, когда она умерла, решила пробираться в Германию в одиночку. Я опасалась преследования и потому решила не открываться никому и самой зарабатывать на жизнь. У

меня совершенно не было денег, но были кое-какие драгоценности. Мне удалось их продать, и с этими деньгами я смогла приехать сюда.

Все эти испытания настолько глубоко потрясли меня, что иногда я теряю всякую надежду на то, что придут когда-нибудь иные времена. Я знаю русский язык, но не могу говорить на нем: он пробуждает во мне крайне мучительные воспоминания. Русские причинили нам слишком много зла, даже мне, не говоря уж о моих родных».

«4 августа 1922 года Зинаида Сергеевна Толстая сообщила мне, Артуру Густавовичу Кляйсту, следующее.

2 августа нынешнего года женщина, называющая себя великой княжной Анастасией, рассказала ей, что ее спас от смерти русский солдат Александр Чайковский. С его семьей (его мать Мария, восемнадцатилетняя сестра Верунечка и младший брат Сергей) Анастасия Николаевна приехала в Бухарест и оставалась там до 1920 года. От Чайковского она родила ребенка, мальчика, которому сейчас должно быть около трех лет. У него, как и у отца, черные волосы, а глаза того же цвета, что у матери. Семья Чайковских жила где-то недалеко от вокзала, кажется, ул. Swienti Voevosi; номер дома Анастасия Николаевна не запомнила. В 1920 году, когда Чайковский был убит в уличной перестрелке, она, не сказав никому, бежала из Бухареста и добралась до Берлина. Здесь она сняла комнату в небольшом пансионе — названия она не знает — на Фридрихштрассе, неподалеку от станции. Ребенок, по ее словам, остался у Чайковских, и она умоляла помочь ей найти его».

Ну что же, первый шаг сделан. «Анни» во всеуслышание объявила себя Анастасией.

Два дня спустя она покинула дом почтенного юриста!

Почему? Нам не известно.

Спустя три дня инженер Айнике, тот самый, что появился 8 марта прошлого года в Дальдорфе вместе с капитаном Швабе, встретил Анни на Шуманштрассе возле дома, где жила Мария Пойтерт. Он засыпал ее целым градом вопросов. Напрасно. Она замкнулась в себе и упрямо не желала отвечать, где провела эти три дня. Кляйсты заметили, что она успела сменить одежду. Где? Каким образом? Это осталось загадкой.

Кляйсты были чрезвычайно обижены — их легко понять — этим неожиданным бегством и не горели желанием снова поселить Анни у себя. Ей пришлось во время воспользоваться гостеприимством инженера Айнике, которое, впрочем, не могло длиться бесконечно. К счастью, здесь она встретила с советником Гэбелем, служащим Бреслауской префектуры. Его глубоко тронуло бедственное положение молодой женщины, и он сумел уговорить одного из своих друзей, доктора Грунберга, инспектора полиции, поселить у себя загадочную Анни. Человек сострадательный, доктор Грунберг пришел в ужас, увидев Незнакомку и услышав ее рассказы. Впрочем, предоставим слово ему самому.

¹ Баронесса Иза фон Буксгевден.

«Я решил отвезти Анни (это было 6 августа 1922 года) в наше поместье в Нойхоф-Тельгоф: отдых в деревне благотворно сказался бы на ее здоровье. Два года, проведенные в Дальдорфе, совершенно расстроили ее нервы. Рассудок временами ей не подчиняется: результат ранения головы, вернее, ужасного удара прикладом. Но об этом чуть позже. Кроме того, у нее не лучшая — по части здоровья — наследственность».

Когда она жила у меня, я решил, согласовав это с правительственным советником, которому я рассказал всю историю, предпринять, наконец, какие-то шаги для того, чтобы официально удостоверить ее личность. Мы смогли уговорить прусскую принцессу приехать к нам под вымышленным именем. Во время ужина мы усадили Анастасию напротив ее высочества с тем, чтобы принцесса могла хорошенько рассмотреть ее. (Следует, правда, отметить, что принцесса в последний раз видела императорскую фамилию около десяти лет назад.)

После ужина Анастасия удалилась в свою комнату; принцесса последовала за ней в надежде побеседовать с нею наедине и отметить какую-нибудь характерную черту. Но Анастасия в этот вечер чувствовала себя очень плохо и была — не более, впрочем, чем обычно — не расположена к разговорам: она повернулась спиной к вошедшей принцессе и не отвечала ей ни слова. Поведение ее тем более необъяснимо, что она узнала принцессу с первого взгляда: на следующее утро она сказала нам, что вчерашняя посетительница была ее тетя Ирен»...

Итак, отметим важный факт: в конце августа 1922 года Анни впервые увидела человека, когда-то близко знавшего семью Анастасии. Перейдем теперь от версии доктора Грунберга к собственным запискам прусской принцессы Ирен, сестры императрицы Александры.

«В конце августа 1922 года по просьбе советника Гэбеля и инспектора полиции доктора Грунберга я согласилась приехать в Берлин, чтобы повидать загадочную женщину, называющую себя моей племянницей Анастасией. Доктор Грунберг доставил меня и госпожу Эрцен в свой деревенский дом под Берлином, где Незнакомка жила под именем «Мадемуазель Энни». Мой приезд был неожиданным, она не могла знать заранее, кто я, и потому не была смущена моим появлением».

Я убедилась тотчас же, что это не могла быть одна из моих племянниц: хотя я не видела их в течение девяти лет, но что-то характерное в чертах лица (расположение глаз, форма ушей и т.д.) не могло измениться настолько. На первый взгляд Незнакомка была немного похожа на великую княжну Татьяну...

К великому разочарованию четы Грунберг, столь расположенной к Неизвестной, я покинула их дом в твердом убеждении, что это не моя племянница; я не питала ни малейших иллюзий на сей счет.

До всех печальных событий мы прожили долгое время в такой близости, что довольно было бы малейшего знака, подсознательного движения, чтобы разбудить во мне родственные чувства и рассеять мои подозрения».

Анни прожила у Грунберга некоторое время. Записи доктора чрезвычайно интересны для нас: они изобилуют бесчисленными подробностями из жизни нашей героини.

«Анастасия покинула нас, отправившись в госпиталь Вестенд, где ей сделали рентгенограммы поврежденной головы. Потом она поселилась у барона фон К., но это место ей не понравилось — можно только гадать, почему, — и она сбежала к госпоже Пойтерт. В декабре 1924 года в «Lokal Anzeiger» появилась заметка под названием «Легенды дома Рамановых»: речь шла о ней. Они повздорили с госпожой П. из-за этой статьи, и Анастасия оказалась за дверью. Укрылась она у соседки по лестничной клетке, где я, наконец, и отыскал ее. В конце января она переехала ко мне...»

По правде сказать, любезный доктор Грунберг был уже до крайности измучен пребыванием у себя таинственной больной с отнюдь не ангельским характером и решился наконец просить совета у католического священника профессора Берга. Записка, написанная им для профессора, содержит изложение всей истории Анастасии, начиная с ее поступления в клинику. К ней мало что добавилось со времени дневниковых записей барона Кляйста. Что же сам доктор думал об Анни после трех лет близкого знакомства? Профессору Бергу он написал очень просто: «В своих размышлениях я дошел до мертвой точки. Анастасия ни в коем случае не авантюристка. Мне представляется, что бедняжка просто сошла с ума и вообразила себя дочерью русского императора...»

Она очень надеется, что ей поверят, когда найдут ее одежду, бывшую на ней в ту ужасную ночь; она оставила ее, как я уже говорил, у Чайковских, в Бухаресте...

Вот уже несколько дней, как здоровье Анастасии ухудшается. На левом локте появился свищ. К этому еще добавился плеврит».

Профессор Берг посоветовал доверить Анни заботам госпожи фон Ратлеф. Та выглядела весьма удивленной, когда один из знакомых вдруг спросил ее:

— Вы слышали? Говорят, одна из дочерей русского императора жива?

— Нет, никогда!

С не меньшим изумлением она прочла записку доктора Грунберга и, крайне взволнованная — да это и не удивительно, — отправилась навесить больную... Обратимся теперь к ее собственным воспоминаниям.

«Меня провели к гостиницу. Через несколько минут открылась дверь и вошла молодая женщина — та, ради которой я приехала. Она была невысокого роста, чрезвычайно худа и выглядела ослабевшей. Одета она была бедно, словно старушка. Когда она подошла поздороваться со мною, я заметила, что у нее недостает многих верхних зубов: это еще больше старило ее.

Движения ее, осанка, манеры выдавали в ней даму высшего света. Таковы мои первые впечатления. Но что поразило меня более всего, так это

сходство молодой женщины с вдовствующей императрицей. Говорила она по-немецки, но с явственным русским акцентом, и, когда я обращалась к ней по-русски, она понимала меня совершенно, и бо, хотя она и отвечала на немецком языке, но реплики были абсолютно точны. У нее болел нарыв на руке, и я посоветовала ей лечь в госпиталь».

Благодаря заботам господина С. нам удалось найти место в Мариинском госпитале...

Поскольку я постоянно была при ней, через некоторое время она начала доверять мне; может быть, этому способствовала и обстановка, совершенно ей чуждая.

Любой прямой вопрос ее пугал; она замыкалась в себе. Ее нелегко было вызвать на разговор, но затем уже следовало стараться не помешать ей, прерывая замечаниями. Если предмет беседы был ей интересен, она говорила вполне охотно. Так было почти всегда, когда речь заходила о ее детских годах: жизнь вместе с родителями, братом и сестрами, кажется, единственное, что ее интересовало, воспоминания переполняли ее в эти моменты... Она умела быть признательной за доброту и дружбу, которую ей выказывали. От всей ее натуры веяло благородством и достоинством, которые притягивали всех, кто знакомился с ней¹.

Сколько раз она повторяла мне: — Я не знаю, чего Бог хочет от меня! Почему я одна осталась в живых? Почему не дано мне было умереть вместе со всеми? И ведь я умираю уже не раз, но люди зачем-то заставляли меня жить!»

Среди частых посетителей — отметим этот факт — госпожа фон Ратлеф упоминает посла Дании. Странное на первый взгляд присутствие объясняется вполне очевидным образом. Именно в Копенгагене доживала свой век вдовствующая русская императрица или, изъясняясь в терминах родства, бабушка Анастасии. Слухи о том, что в Берлине объявилась женщина, претендующая на высокий титул великой княжны, докатились и до Дании. Императрица была взволнована: пусть даже один шанс из тысячи, что вся эта история окажется правдой, разве можно им пренебречь?

Так, господин Зале, датский посланник в Берлине, неожиданно для себя сделался «разведчиком» по приказу брата вдовствующей императрицы. Дипломат стал частым гостем в Мариинском госпитале.

А тем временем в Копенгагене без нетерпения и даже с некоторой долей скептицизма ожидали его первых доносений. Каковы они будут, было известно заранее. Но ответ удивил всех.

Окончание следует

Перевел с французского А.ЕНДОВИН

¹ Помимо меня, много внимания ей уделяли посол Дании и его супруга (*примечание госпожи фон Ратлеф*).

ЧТОБЫ СПОКОЙНЫ БЫЛИ ПРЕДКИ

В Восточной Азии — это относится ко всем ее странам и народам — глубоко почитают предков. А также заботятся о потомках. Предки, которых уже нет, и потомки, которые еще только будут, — это два звена единой цепи, соединенной теми, кто живет на Земле. Предкам оказывают почести, присваивают (посмертно) почетные звания. В Северной Корее великий вождь, учитель и отец Ким Ир Сен открыл такое количество подвигов

своих дедушек, прадедушек и прочих прапра-, что всем стала ясной законность предстоящего правления его сына, любимого руководителя Ким Чен Ира.

На юге Кореи тоже предков чтут и в их честь устраивают в начале сентября праздник: в старинных одеждах идут люди по улицам древнего города Кьонгчжу к храму Неба. Обряд повторяется много сот лет каждый год, одинаковый в мельчайших подробностях, чтобы, видя это, умиротворились души предков и стали благосклонными к живущим. И спокойно появлялись на свет потомки.

ВЕЧНАЯ ЖИЗНЬ СТАРЫХ ЛЕСОК

Что делать со старыми лесками, когда со временем они «сгорают»? Обычно рыболовы их выбрасывают, причем часто в реку или в море, и тем создают опасность для животных. Фирма «Беркли», занимающаяся в США производством лесок, обратилась к рыболовам страны с просьбой сдавать ненужные лески во вторичную переработку. С этой целью по магазинам спортивных товаров и универсамгам страны были разосланы специальные ящики для сбора старых лесок. После соответствующей обработки они превращаются в нейлоновые шарики, используемые для изготовления различных предметов: ручек для походных печей и фонарей, колья для палаток, рукояток для спиннинговых катушек и других.

А когда все эти вещи придут в негодность, умная фирма «Беркли» что-нибудь придумает, соберет их. Переработает.

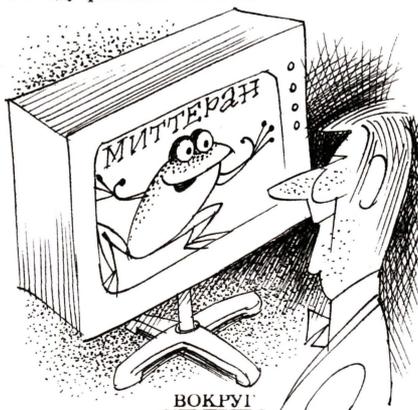
И делает из них леску.

МЕДВЕДЬ-ВОЕВОДА

Каждый вечер на первой программе Французского телевидения появляется «Бebetшоу» — специальный юмористический выпуск. В нем комментируют важнейшие поли-

тические события дня. Но не просто комментируют. Президент страны Миттеран, например, появляется на экране в образе лягушки, его предшественник на этом посту Жискард д'Эстен предстает обезьяной, Жак Ширак — ястребом. Причем, как выяснилось, эти животные передают характерные интонации и мимику соответствующего ему политика. А также, кажется, взгляды.

Если бы эту привычку переняло Российское телевидение... Впрочем, мы прекращаем наши рассуждения, оставляя полную свободу фантазии читателя.

ВОКРУГ
СВЕТА

ЛУЧШИЙ ДРУГ МОНАХА

Благочестие, скажете вы. Не только. Впрочем, по порядку.

Королевский институт естественных наук Бельгии объявил о начале кампании в защиту летучих мышей. Все восемнадцать видов летучих мышей, встречающихся в стране, находятся под угрозой исчезновения.

Сокращается природная среда обитания, широко применяются пестициды, да и люди не всегда дружелюбны.

Участники кампании убеждают крестьян и просто домовладельцев в безобидности летучих мышей, осматривают чердачные помещения, голубятни, сеновалы, амбары и убеждают людей сделать в крыше отверстие: вход и выход для летучих мышей.

Примером в деле защиты оных может служить аббатство монашеского ордена трапистов в Орвале, известное в течение столетий своей пивоварней. Монахи-пивовары любят мышек. Они уложили на чердачном полу пластиковое съёмное покрытие, позволяющее легко очищать его от помета. Монашеская любовь небескормытна: летучая мышь вида серая ночница уничтожает насекомых, вредных пиву.

Поскольку Бельгия — страна католическая, примеру монахов, может быть, последуют многие.

ВОЙНА ЦВЕТОВ

пока на словах едва не разразилась между европейскими и североамериканскими фермерами в прошлом году. Причина: кому производить маслячную культуру — рапс.

Американские производители соевых бобов утверждали, что потеряли два миллиарда долларов из-за того, что европейцы получили дотации на выращивание рапса. Это растение — мощный источник масла, которое идет на изготовление очищающих средств, смазочных материалов и особенно привлекательного отсутствием вредных примесей горючего. На нем работают автобусы, такси, тракторы в Британии, Франции, Германии.

Оно, правда, несколько дороже, зато надежнее, ибо не зависит от политической ситуации. И все чаще и чаще его предпочитают для отопления зданий.

На рапсовом масле работает, например, отопительная система знаменитой миланской оперы Ла-Скала. Певцы утверждают, что так легче поется.

И этому аргументу нечего противопоставить.

«НОСТРАДАМУС ПРЕДВИДЕЛ ВСЕ»

Так дружно утверждают его многочисленными почитателями. Известный среди них миланский интеллектуал Карло Патриан недавно выпустил книгу «Пророчества Нострадамуса». Он анализирует строки 65-го стиха: «О Великий Рим, приближается твое падение — не стен твоих, но крови и духа. Суровый с письмом произведет огромные опустошения, шпагу во всех воткнет по самый эфес». Начало пророчества, по мнению Патриана, предсказывает падение крупнейших политических партий Италии («римских»), разведенных коррупцией. «Суровый» — это, безусловно, судья Ди Пьетро, занимающийся скандалами в высших кругах итальянского общества. Последняя строка будто бы возвещает победу оппозиционной Ломбардской лиги, фигурально «проткнувшей шпагой» коррумпированные верхи. В другом стихе обнаружены намеки на факты политической биографии лидера правительственной коалиции Джулио Андреотти. Древние пророчества доставят еще массу материалов для толкователей, по крайней мере до 1999 года. А дальше не понадобится. На этот год Нострадамус назначил ядерную катастрофу.

СКОТЛАНД-КОТ ШАГАЕТ ПО ГОРАМ

На Британских островах, а точнее, в Шотландии, лишь один представитель рода диких кошачьих. Он так и называется — шотландский дикий кот. В 1988 году его поголовье в природе было тщательно подсчитано — всего оказалось несколько тысяч — и взято под охрану. Но то ли дикари слишком осмелели, то ли домашние полюбили хинповать — в итоге угрожающее количество местисов. Ученые-котоведы испытывают затруднения: куда определить отпрысков мезальянса? К диким котам или к одичавшим? Потому что домашних пород не уступают в размерах чистокровным дикарям, да и окрасом от них не отличаются. Владельцы фазаньих хозяйств несут убытки от хищников, им не до выяснения его родословной: фермер сначала пристрелит, а потом уже подумает. Так что никого пока не удалось општафовать ни за истребление охраняемого животного, ни за умышленное уничтожение соседского шкоды.

Общество охраны животных предлагает, а Музей природы Шотландии выработывает новое постановление: взять под охрану и диких, и их отпрысков от смешанных браков на одинаковых условиях. Потому что животных на этих островах очень любят...

БАНК ЖЕНЩИН

В Камеруне и некоторых других странах Гвинейского залива создают особые «женские банки». Дело в том, что обычные банки часто отказывают представительницам слабого пола в кредите, поскольку у многих из них просто нет юридических имущественных прав.

Тогда дамы решили образовать неформальные финансовые структуры, по нашему — «черные кассы». Группа подруг ежемесячно скидывается и по жребию передает деньги одной из участниц. «Банки» действуют без документации, на полном взаимном доверии «учредительниц». Пока обходятся без мошенничества и скандалов.

— Это потому, что мы не допускаем в свою среду мужчин! Они-то уж все давно бы испортили. — говорят камерунские «банкириши».

САМЫЕ-САМЫЕ

... из собак. К наступающему Году Собаки мы продолжаем список собачьих достижений.

Рекордное время для ежегодных Айдитародских гонок (организуются с 1973 г.) показала в 1987 году упряжка, принадлежащая Сьюзен Бутчер. Ее ездовые собаки прошли дистанцию в 1688 км от Анкориджа до Номы (Аляска) за 11 дней 2 часа 5 минут 13 секунд.

Редчайшая порода — чинук. Первоначально его вывели в Нью-Хэмпшире в начале XX века как чисто ездовую собаку. Даже на пике популярности численность собак этой породы составляла менее 300 особей, а к 1966 году сократилась до 125. 12 лет спустя их оставалось уже 28, но затем благодаря усилиям Ассоциации владельцев чинуков количество собак возросло более чем вдвое. В сентябре 1985 года в Нью-Йорке родилось шесть щенят, и порода эта стала насчитывать 76 особей.

Ну а как с плодовитостью? Величайшим производителем всех времен и народов признан чемпион породы грейхаунд по кличке Низкое Давление, родившийся в сентябре 1957 года и принадлежавший англичанке Бруне Амхерст. С декабря 1961 года до смерти (прожил 12 лет) он, невзирая на кличку, стал отцом... 2414 зарегистрированных щенков и, по меньшей мере, 600 незаконных.

Рекордная высота, которую собака может преодолеть в прыжке или взбираясь по гладкой деревянной стенке (без перекладин и других вспомогательных средств), равна 348 м. Через стенку такой высоты перескочила 18 марта 1980 года в школе для тюремных собак, неподалеку от Хараре, Зимбабве, немецкая овчарка по кличке Макс. Дрессировщик — старший офицер тюремной охраны Алек Мани. Трехлетняя немецкая овчарка по кличке Дюк, принадлежащая капралу английских военно-воздушных сил Грэму Урри, вскарабкалась по стене с перекладинами высотой 3,58 м 11 ноября 1986 года в ходе телевизионной передачи Би-би-си «Новые рекордсмены». В 1949 году собака породы грейхаунд по кличке Бэнг, преследуя зайца, установила рекорд прыжков в длину — 9,14 м. Бэнг перепрыгнул через ворота высотой 1,4 м и приземлился на твердый грунт.

ДОГОНИ ГЕПАРДА!

Да ведь это невозможно! А это смотря кому. Как известно, гепард — самый быстрый зверь. Он развивает скорость более 112 километров в час. Но... больше двух минут за своей жертвой не бежит. Не выдерживает. Обычно он подкрадывается к газели или к другой своей жертве на расстояние до 60 метров, затем следует резкий бросок и короткая погоня.

При такой большой скорости, казалось бы, гепарду довольно легко уйти от человека. Но вот бушмены — природные охотники — все же его догоняют. Они бегут за кошкой медленно, но упорно. Конечно, гепард может оторваться от бушмена. Однако ненадолго. Животное быстро устает и в конце концов уже не в силах бежать. Тогда охотник просто хватается гепарда за хвост и останавливает его. Вот и вся охота. Видите, как просто?

Только нужно быть бушменом.

В ГАРЕМЕ ТОЛЬКО МУЖЧИНЫ

Гаремы — даже в некрещеных странах — могут позволить себе лишь богатые люди. Большой гарем — вопрос престижа. Бедному придется перебиваться с двумя-тремя супругами. Но это среди людей. А вот среди птиц совсем иначе. Только в гаремах содержат не дам, а господ. ПERNЯТЫХ, естественно. Самки милых птичек — панамских яканов содержат все, как одна, гаремы мужей. При чем это не дело престижа, а необходимость. За сезон самки делают 7—10 кладок. А насиживают яйца и ухаживают за многочисленным потомством у яканов самцы. Самки крупнее самцов, поэтому, пока самцы сидят на яйцах, они стерегут и защищают гнездо.

Зато у самцов развиваются так называемые «инкубационные пятна»: участки тела на груди с усиленной циркуляцией крови, так можно лучше согреть яйца. Яканам нужно обильное потомство, ибо окружающий мир просто кишит любителями полакомиться их яйцами. Летучий отряд из самки с ее гаремом длительно охраняет и стойко обороняет вверенное им гнездо. Птенцы рождаются хорошо приспособленными для самообслуживания и не страдают от отсутствия материнского ухода. Им хватает отеческого...

Сам себе Робинзон

Все овощи, о хранении которых мы уже писали, в хозяйстве необходимы. Однако набор их был бы неполным без тыквы, лука и чеснока.

ТЫКВА

«Желтая курица под плетнем дуется» — такая в народе ходит загадка. Ответ: тыква.

Однако крутолобый желтокожий тыквенный плод можно найти не только под забором. Свои плети тыква может разбросать и между грядок, и в саду, и на выгоне. Тыква порою так неприглядно плодовита, так буднична, что, возможно, потому сельяне определили ее в некоторые отрицательные символы. Так, на Украине, где тыкву называют гарбузом, выражение «поднести гарбуза» означает отказ сватам, которые пришли к родителям девушки. Такое вот ироничное отношение к этому овощу. Оно, конечно же, незаслуженное — многие даже не подзревают, насколько полезна и выгодна во всех отношениях тыква.

О сохранности тыквенных плодов сельяне заботятся тогда, когда они еще в огороде. Под созревшие овощи подкладывают дощечки, черепицу, куски пленки. А то еще устраивают для них специальные шпалеры: делают подпорки или плетут сетки для подвешивания. «Тыковником», кстати, раньше называлась беседка, обвитая тыквенной ботвой. Перед тем как тыкву убирают в хранилище, ее дозаривают на солнце — на какое-то время оставляют на огороде. Некоторые овощеводы советуют у тыкв, предназначенных для зимнего хранения, срезать острым ножом черешки. Места срезов стоит сильно натереть сухой негашеной известью.

«Толста и желтокожа, всю жизнь проводит лежа». Догадаться, о каком овоще идет речь, нетрудно. Что ж, тыква — лежебока известная. Из всех бахчевых культур тыква без порчи мо-

жет пережить и зиму, и весну. Ее хорошо хранить в подвалах, погребах, сухих, проветриваемых и защищенных от холода помещениях. Тыквы нередко закатывают под кровать, и там они лежат-полеживают преспокойно до следующего лета. Если во время хранения хвостик у тыквы начинает «мокнуть», его нужно вырезать до непораженных тканей и место среза подсушить — обжечь на горячей свече или спичке. Тыквенная мякоть надежно защищена толстым желтым панцирем, и ее в любой момент можно использовать для изготовления самых различных блюд.

Тыквенная каша с пшеном издавна входила в повседневное меню сельянина. «Пшено и не в тыкве родится, да с тыквой естся», — говорили в народе. На Украине по воскресным дням любили готовить тыквенную кашу, запеченную с яйцами — «гарбузову бабку». Зимой в любое, подходящее для хозяйки время можно приготовить впрок и тыквенную икру — мелкие кусочки тыквы тушат с томатной пастой, пережаренным на масле луком и специями. Свежую тыкву добавляют в различные салаты, из нее еще делают мармелад, варенье, повидло, лепешки. Короче говоря, тыква почти на все годится.

Примерно то же самое — только слегка видоизменив — можно сказать и о луке.

ЛУК

Без него любая готовка — не готовка. «Кто ест лук, того Бог избавит от мук». Держа в памяти эту поговорку, даже самый беспечный хозяин позаботится о запасах лука. Это, пожалуй, единственный овощ, который употребляется в том или ином виде в пищу е ж е д н е в о . За много тысячелетий до нашей эры лук был известен египтянам, которые приписывали ему божественные свойства. Лук распространялся по всему свету — в кухне многих народов он занимает свое прочное, достойное и не заменимое другими овощами место. Тем более, что многочисленные одежки надежно сохраняют луковичку от порчи и позволяют хозяйке в любое время «раздеть» ее и употребить в дело.

Некоторые утверждают, что для ускорения созревания лукович надо пригнуть и притоптать ботву. Однако опытные огородники не советуют делать этого. Лучше до подсыхания ботвы луковички чуть приподнять вместе с землей и так оставить.

Как подготовить луковички к длительному хранению? Как они должны выглядеть? Начнем с советов, которые дает М.Ошанин в книге «Огородничество для крестьян»: «Правила для хранения лука, как мелкого, так и крупного, одинаковы и заключаются в следующем:

луковича, из которой выросла семейная стрелка, для хранения не годится, она непременно сгниет;

луковича сырая, у которой два-три верхних слоя не просохли и не превра-

тились в сухое желтое (или красное) перо, не может сохраняться и гниет; луковича, попавшая под слабый мороз и не сгнившая к весне, после посадки всегда дает семейную стрелку.

При зимнем хранении чем сырее в помещении, тем легче лук загнивает, чем суше и теплее, тем больше его усыхает».

У лука обычно оставляют «шейку» — часть засохшего пера. С ее помощью луковички сплетают в венки или вязанки. Раньше почти в каждой избе вывешивали такие луковые вязанки. Да и сейчас многие хозяйки любят размещать в кухне такие косицы — и красиво, и удобно. Однако в очень уж теплых и сухих помещениях вязки лука следует завешивать тонким покрывалом.

Хранят лук и в небольших корзинах или ящиках, можно рассыпать его по стеллажам не очень толстым слоем. При этом следует помнить, что лук не любит резких колебаний температуры и влажности. Лук можно хорошо сбересть на чердаке. После наступления морозов его укрывают рогожами, а на них насыпают слой сухих листьев. В середине луковой кучи ставят сноп соломы, который вытягивает из кучи лишнюю влагу.

А вот строчки из книги А.Мудрова «Доходное сельское хозяйство», изданной в 1907 году: «После уборки с гряд лук хорошо просушивается, складывается в мешки, подвешивается в сухом подвале и там вторично просушивается и окуривается дымом (коптится). Просушенный и окуриваемый дымом не подвергается гниению и прорастанию в течение всей зимы».

Об обработке лука дымом расскажем подробнее. В тех местах, где выращивали много лука, строили специальные овны для его хранения. Вот описание такого сооружения: «Вырывают яму в полтора аршина глубины, 5 аршин ширины и 6 аршин длины. Яму роют с пологими стенками, с откосами книзу.

На этой яме устанавливают сруб в 4 аршина вышины, 7 аршин ширины и 8 аршин длины.

Сруб хорошо проконопачивается. На сруб намазывается потолок, на который насыпают сухой лист и землю. Устраивается крыша. Внутри овина устраиваются трое полатей из нетолстых жердей, уложенных вплотную. В середине полатей оставляют отверстие для прохода дыма...

На верхних полатях насыпают севок, на средних и нижних — луковички средней величины. По насыпке лука его начинают коптить. В яму кладут два кругляша на какой-нибудь пенек, и дрова зажигают. Когда начнутся морозы, такую слабую топку повторяют два раза в сутки».

В Ростове на берегу озера Неро жили опытные луководы. Они знали немало секретов хранения лука. Если лук-севок загнивал, его после переборки подвергали снегованию. Под навес насыпали снег и хорошо его утрамбовывали. Лук укладывали на эту площадку в один слой и засыпали снегом. Потом

КРОКОДИЛУ НЕ ПОНРАВИЛОСЬ...

Австралийские биологи установили, вскрывая тела погибших в междуусобицах крокодилов, что нередко в их кишечниках содержится неестественно большое количество свинца. Наблюдения в национальном парке Какаду (Северная территория Австралии) показали, что этот ядовитый металл может попадать в организм хищника, когда он поедает птиц или кабанов, раненных охотниками. Населяющие эту местность аборигены употребляют мясо крокодилов в пищу и могут также страдать от свинцового отравления.

Загрязненных тяжелыми металлами моллюсков и черепах изучает возглавляемая Россом Джеффри группа сотрудников Австралийской организации по ядерной науке и технике в Сиднее. Их методика состоит в исследовании слоев карбоната кальция, отлагающихся в раковинах и панцирях этих животных.

Для анализа понадобились образцы. Но получить их — дело непростое. И крайне опасное.

Служащий заповедника, подплыв на лодке к крокодилу, мечет в его шейные мягкие ткани гарпун и подтягивает животное поближе. Вдвоем с помощником они заматывают смертоносные чешуи ремнем и переваливают крокодила в лодку. Затем следует обезболивающий укол, и из тела подопытного хищника вырезают небольшой кусок ткани. Это место и то, откуда выдернули головку гарпуна, набивают антибиотиками — без этого сторонники охраны и «прав» животного мира затащали бы ученых по судам. Наконец, крокодила спускают в родную стихию, а ремни на его морде успешно обрубают.

Все это недавно пытался проделать в очередной раз опытный объездчик парка Какаду Оливер Шибе на реке Саут-Аллигейтор. Но трехметрового морского крокодила, зашедшего в реку, оказалось, взять не так-то легко. Хищник умудрился поломать человеку бедро и распороть живот. Лишь после двух хирургических операций Оливер Шибе вернулся в «строй», но и сейчас его используют только на легких работах. Официальные органы, следящие за безопасностью труда в Австралии, вообще рекомендуют отныне «на гарпун» крокодилов не брать. Пока исследования пришлось прервать.

Вне зависимости от изучения «свинцовой» проблемы, объездчики в парке Какаду должны уметь отлавливать крокодилов. Ведь некоторые из них становятся опасными, и таких приходится если не пристреливать, то перемещать в удаленные места парка. А этому в классной комнате не обучишься... Правда, к такой работе обычно привлекают лишь добровольцев, сообщает английский журнал «New scientist».

Б.СИЛКИН

опять сыпали лук. Получался конус до полутора метров высоты, к краям которого приваливали слой снега до одного метра толщины. Верх бурта засыпали опилками или соломой. Таким образом лук хранили всю зиму до начала весенних посадочных работ.

Послушаем еще «писателя по хозяйственной части» (так о нем отозвался А.Пушкин) Василия Левшина. «Впрочем, и у нас в Севере, по моему мнению (что, однако, испытать мне не удалось), можно зимою до весны лук сберегать в глубоких ямах, накапываемых на таких местах, в которые вода от случающихся талей дотекать бы не могла», — писал он в «Огороднике».

В заключение несколько дельных советов хозяйке.

Замерзший лук можно употреблять в пищу, не размораживая, вкус его от этого не изменится.

Лук при чистке не будет раздражать глаза, если положить его на несколько минут в холодную воду или чаще смачивать водой нож.

Репчатый лук можно начистить сразу на неделю. Очищенные луковички нужно надрезать крест-накрест, послать, положить на противень и запечь в духовке. Затем переложить их в банку или коробку с крышечкой и убрать в холодильник. Половинка луковички не потеряет своих качеств, если на срезе ее смазать маргарином. Для удаления горечи репчатый лук, нарезанный кольцами, или смешивают с солью и заливают на 5—10 минут холодной водой, или выкладывают в дуршлаг, ошпаривают кипятком, а затем обдают холодной водой. Репчатый лук при обжаривании не подгорит, а станет золотисто-желтым, если его перед тем, как положить в жир, обвалять в муке.

ЧЕСНОК

Овощ, который не все уважают. Некоторые на дух его не переносят.

Как и лук, он известен очень давно. Его возделывали еще скифы, хорошо знали славяне. Он издавна желанный гость в блюдах разных народов. Трудно представить себе квартиру горожанина, а тем более дом сельянина, в которых бы бережно не сохранялись круглый год зубки чеснока. (Хотя, повторяем, такие дома есть.)

Обычно чеснок, который при росте пускает цветоносный стебель-стрелку (это, как правило, озимый чеснок), убирают при пожелтении листьев, а нестрелкующийся яровой — при полегании пера. При этом необходимо не передержать чеснок в почве, так как тогда луковички могут растрескаться и их нельзя будет вязать в косы и венки. Перед выдергиванием из земли луковички стоит подкопать, иначе можно повредить донце и они быстро загниют. После сбора чеснок сразу сушат. В сухую солнечную погоду его раскладывают прямо на участке, а в дождливую рассыпают под навесом. После этого у чеснока обрезают листья, оставляя «шейку», и снова просушивают, но

уже в помещении при сквозном проветривании.

Хранить чеснок следует в сухом и прохладном месте в деревянных ящиках или в сетчатых мешках. Можно сплести чеснок в плети. Однако не стоит и лук и чеснок хранить рядом с другими овощами: они могут повышать влажность в помещении.

Дагестанские огородники при хранении чеснока поступают следующим образом. После сбора головки подсушивают, как обычно, стебли обрезают, а корни обжигают на огне свечи.

С древнейших времен и чеснок, и лук широко использовали и в народной медицине, и в быту. В Египте рабов, строящих пирамиды, кормили луком и чесноком, чтобы избавить их от недугов и поддержать силы. Древние римляне считали, что и лук и чеснок придают человеку не только силу, но и храбрость. «Как многочисленные сухие чешуйки лука хранят нежный зеленый росток, так и воина луковичка оберегает от невзгод на войне», — гласило предание.

Из поколения в поколение передавались рецепты целительного применения лука и чеснока. «И к пище — приправа, и на микробов — управа», — говорил о них народ (очевидно, повысив свой культурный уровень при всеобщем образовании). Использовали эти овощные культуры повсеместно и для различных хозяйственных надобностей, и для сбережения продуктовых запасов. О способностях лука и чеснока ограждать человека от многих неприятностей и облегчать его заботы по сохранению выращенного и накопленного мы еще расскажем.

Сейчас же настоятельно посоветуем и в дороге, и дома иметь всегда под рукой луковичку и зубок чеснока. Они вам могут пригодиться в любой момент.

В.СУПРУНЕНКО

Рис. А.ШТЫХИНА

Пьер БУЛЬ,
французский писатель

ЭНЕРГИЯ ОТЧАЯНИЯ

Главы из романа

Часть третья

КОРПУСА Д и М

I

— Сейчас, — сказал профессор Трувер, — ты все увидишь как на ладони.

В лифте мы поднялись на площадку, возвышающуюся над двориком, разделявшим корпус. Площадка находилась чуть выше последних этажей, и отсюда действительно все было видно как на ладони.

— Вот, что я называю сердцем, — продолжал он, обводя взглядом два огромных здания. — А сердце называется камера активной зоны реактора атомной станции. В моей же психоэнергетической станции здесь вырабатываются пучки энергетических зарядов, как их окрестили психиатры, — единственный мой источник энергии. Слева — корпус Д, там живут девочки, а справа — корпус М, он отведен для мальчиков. Это — два предсердия сердца.

— Поэт, — проговорил я, — проклятый поэт!

— Как видишь, корпуса разделяет двор. Тем не менее мы позаботились, чтобы обитатели могли видеть друг друга, общаться с помощью жестов и даже переключаться. Порой, правда, они стонут и жалобно всхлипывают, как ты слышал. Но энергопотери от этого небольшие.

Сказать по правде, меня до глубины души возмутила изощренная жестокость, с которой было продумано расположение зданий. Это в точности напоминало тюрьму с внутренним двором, шириной метров пятнадцать.

— Палаты девочек, — пояснил хозяин этих жутких владений, указывая на корпус Д, — выходят в коридор — видишь, вон, за решетками на окнах; пациенткам позволено гулять там сколько душе угодно. Точно так же и у мальчиков.

Продолжение. Начало см. в № 10/93.

Рис. В.ХОМЯКОВА

То-то и оно, за решетками! Они казались довольно частыми — но сквозь них можно было более или менее ясно разглядеть головы, маячившие за такими же решетками в другом корпусе, и даже, просунув руку между прутьев, помахать ею. Трувер, следивший за моим взглядом, согласно кивнул.

— Да-да, это задумано специально. Здесь ничего не делается просто так.

— Наверное,— предположил я, силясь подавить возмущение,— наверное, такое хитроумное расположение «способствует» успешной работе, усугубляя психические расстройства?

— Ты это верно подметил. Они не должны общаться между собой, или близко видеть друг друга, только издали — это помогает развивать воображение. В нашем деле важна любая мелочь. Все это — результат наших с Мартой кропотливых исследований.

— А на страдания детей, с без того повышенной возбудимостью, вам наплевать?

— Иной раз они действительно перевозбуждаются, но от этого отдача только увеличивается. Цель в том, чтобы сохранить у них состояние повышенной возбудимости как можно дольше. Многие ученые отмечали, что у обычных полтергейстов их способности сохраняются недолго. Меня это не устраивало. У нас и так уходит уйма времени, чтобы направить их дар в нужное русло, а менять детей слишком часто мы не можем. К счастью, строгая система психической гигиены помогает сохранять способности в течение нескольких месяцев, а то и лет.

— Книги для библиотеки ты тоже подбирал с особой тщательностью,— сдержанно-сурово продолжал я.— А чтение опусов Сада и разглядывание кошмарных картинок к рассказам По, наверно, лучше всего помогают детям достичь нужного психического состояния?

Профессор, похоже, понял, что я осуждаю его методы.

— Да уясни ты себе наконец: разум — штука тонкая, особенная, тут нужен совершенно новый подход. Доктор Марта — крупный специалист, и я полностью ей доверяю. Она тщательно осматривает всех вновь прибывших детей и каждому назначает индивидуальный курс лечения. Она делает подборку книг и фильмов, так тебя взволновавших. Это не только огромный труд, но и вопрос профессиональной совести.

— Профессиональной совести, неужели?

— Конечно. На некоторых, скажем, описанные или изображенные на картинках жестокости просто не действуют или действуют отрицательно, и это мешает достижению цели. Весь вопрос в дозировке и в индивидуальных особенностях психики... И ты не думай, будто мы какие-то палачи! — с жаром продолжал Трувер.— Они получают превосходное лечение. За редким исключением, у всех прекрасное физическое здоровье.

— Физическое,— горько усмехнулся я.— А как насчет психического?

— У нас было только несколько попыток самоубийства,— заметил он равнодушным голосом.— Но мы их быстро пресекли.

От жестоких откровений профессора я долго не мог вымолвить ни слова.

— Твои глаза, наверно, уже привыкли к нашему освещению,— заметил он.— Что ты думаешь об этой игре света и тени?

Я был настолько потрясен объяснениями Трувера, что мне было совсем не до фокусов с освещением, которым он гордился. Оно и вправду менялось: полумрак, постепенно сгущавшийся в крошечную мглу, мало-помалу растворялся в потоках довольно яркого света невидимых прожекторов.

— Сейчас яркость максимальная,— произнес он.— Ты можешь разглядеть все до мельчайших подробностей.

Я внимательно огляделся. За решетками обоих корпусов я заметил зыбкие тени детей, пытавшихся просунуть руки сквозь прутья.

— Ты, наверно, уже привык к зрелищу шевелящихся рук?

— О, это еще пустяки! Сегодня они ведут себя тихо. И, кроме редких вздохов, ты ничего не услышишь. Наши подопечные уже спят. Правда, не все. Видишь тени в коридо-

рах? И так каждую ночь. Даже у тех, кто спит, сознание обычно отключается не полностью.

— Как это — не полностью?

— А так. Чаще всего они спят беспокойно — им постоянно снятся кошмары, и мы даже иногда их провоцируем: то сирену включим, то еще что-нибудь эдакое... Потому что ночью, во сне, они иной раз вырабатывают энергии больше, чем днем. Правда, к подобным методам мы прибегаем, лишь когда падает полезная мощность. А сейчас все в норме... Но наблюдать за ними приходится круглые сутки.

Я уже его не слушал. Освещение медленно гасло, но было еще довольно светло, и на последнем этаже корпуса Д, в правом — по выражению Трувера — предсердии, я заметил одинокую тень, и это зрелище тронуло меня до глубины души. Тень просматривалась отчетливо, девочка так плотно прижалась к железной решетке, словно вросла в нее всем своим существом.

— Это Аликс,— взволнованно проговорил Трувер.— В ней вся моя надежда.

Вскоре свет погас совершенно, и тень растворилась в наступившем мраке. Следом послышался слабый гул множества вздохов, доносившихся, как мне показалось, из мальчишечьего корпуса; потом странный шум, точно эхо, прокатился по корпусу девочек. Но рук, только что протянутых в пустоту, видно не было — их поглотила тьма.

И тут прямо над двором, чуть выше корпусов, я вдруг увидел огромный сверкающий циферблат, подсветка которого не совпадала с циклом освещения корпусов: по мере того как циферблат озарялся все более ярким светом, корпус медленно погружался в ночь. Теперь он напоминал гигантскую луну, высветившую мрачные зарешеченные здания.

— Ваттметр,— объяснил Трувер.— Указатель мощности.

Прибор закрепили на такой высоте, чтобы он был виден отовсюду. Он приковывал к себе взгляд, точно зеркальная ловушка для птиц, особенно когда сверкал. Я живо представил гипнотическое действие, оказываемое им на детей, разбуженных среди ночи его ярким сиянием. От подобных приборов, используемых на электростанциях, он отличался лишь периодически меняющейся подсветкой да непривычными размерами. Стрелка на ваттметре показывала мощность в девятнадцать мегаватт; время от времени она чуть вздрагивала, едва заметно отклоняясь от этой отметки то вправо, то влево.

— Приличная мощность,— пояснил научный советник ЭДФ.— Даже несмотря на легкий спад — из-за успокаивающего для Аликс. И к тому же довольно постоянная. КПД тоже. Как видишь, бодрствует ли сознание большинства или же им снятся кошмары — энергия вырабатывается и ночью.

— Значит, ты используешь эту фантастическую машину, чтобы сосредоточить их мысли на электрической энергии?

— Верно. Это один из способов. Но есть и другие. Наша задача — заставить их концентрировать свою энергию на электричестве. И об этом приходится напоминать ежедневно: некоторые порой забываются. Например, Аликс. Во время обеда она растрчивает свои феноменальные способности попусту: стучит в стены, нагревает их. Это приводит к потерям энергии, а значит, снижается и КПД. Ты заметил еще один прибор?

Он заставил меня повернуться. Чуть поодаль, прямо напротив ваттметра, я увидел другой циферблат, размерами поменьше, он тоже вспыхивал одновременно с ваттметром. И тоже показывал мощность в мегаваттах.

— Этот указывает в мегаваттах мощность, преобразованную — по моей формуле — из психической энергии всех наших подопечных. Сверяя их показания, я слежу за изменениями КПД. Сейчас они просто превосходные. Единственно, стрелка на одном из них отклонилась самую малость, даже незаметно. Так что потерь у нас почти не бывает.

Решив, наверно, что самое главное я уже увидел, Трувер дал понять, что экскурсия закончена и пора покинуть площадку. Но я попросил его ненадолго задержаться.

Мало-помалу оба ваттметра погасли, а в зарешеченных коридорах корпусов забрезжил свет. Этого-то я и ждал. За

решетками вновь замаячили тени, и опять руки детей судорожно зашевелились в пустоте — некоторые были явно перевозбуждены и никак не могли заснуть. Я поднял глаза, туда, где стояла Аликс, и ждал, когда освещение станет наиболее ярким, чтобы лучше рассмотреть девочку. Она была единственной из тысячи, кого называли по имени. Быть может, именно поэтому она привлекала мое внимание.

На сей раз ее было видно гораздо лучше: девочка стояла все так же неподвижно, как бы слившись с решеткой. Я увидел бледное лицо, широко раскрытые глаза, напряженно, точно от нестерпимой боли, и вместе с тем решительно сжатые губы. Аликс не шевелила руками, как другие. Она сжимала в кулачках железные прутья, словно силась их раздвинуть.

А бесконечный световой цикл шел своим чередом. Вскоре в корпусах опять стало темно. И снова тень Аликс растворилась в ночи, тогда как гигантский ваттметр засиял, подобно чудовищному глазу циклопа.

— Я вижу, тебя больше всего интересует Аликс, — заметил Трувер, проследивший за моим взглядом. — Ты прав. Она не похожа на остальных полтергейстеров. Она совсем другая. Поэтому я не жалею сил и даже прощаю ей маленькие шалости. Но, клянусь, скоро она станет у меня шелковой. Я укрошу ее нором. Укрошу! — повторил он, привычно потирая руки, отчего у меня защемило сердце.

Мы покинули площадку, и я последовал за профессором в помещение персонала, где нас уже ожидала Марта. Трувер выдал мне пижаму. Меня проводили в отдельную комнату, оставив наедине со своими мыслями.

Я с облегчением обнаружил, что стены в комнате звуко-непропускаемые. Улегся в постель, но сон никак не шел ко мне. В конце концов я все же уснул, медленно погружаясь в мир ужасов и кошмаров.

Временами мне виделось, как вспыхивали глаза маленькой Аликс и дико округлялись до размеров огромного ваттметра, превращаясь затем в два гигантских циферблата. Потом, затаившись в углу, я следил за тремя руководителями ЭДФ, собравшимися на тайное заседание. Они сидели молча, и все трое потирали руки, как это любил делать Трувер.

А чуть позже меня стало засасывать в бездну математических расчетов некоей пси-мощности с коэффициентом соответствия, который я вывожу греческими буквами. И тут я вступаю в горячий спор с профессором Трувером, доказывая, что причина большой потери энергии в этих столах, вздохах, вскриках и судорожных движениях рук. А профессор отвечает, что все это, мол, пустяки и приводит лишь к незначительному снижению КПД.

II

Утром мы завтракали с профессором вдвоем. Я еще раз убедился: все, что мне довелось увидеть вчера, происходило не во сне, а наяву. Психическая станция действительно существовала. Профессор попросил меня остаться на несколько дней. И я согласился.

Устранив мнимую неполадку в двигателе, я вернулся в деревню. Расплатившись по счету, отнес вещи в машину. Хозяину мое поведение показалось странным, и его мнение на мой счет резко изменилось к худшему. Я живо представил, как крестьяне, собравшись вечером в кабачке, примутся перемывать мне кости.

Подъехав к неприветливой ограде, я увидел у решетчатых ворот маленький красный автобус. Из него вышли мальчики, человек десять. Они построились в затылок друг другу, как школьники, и Трувер с доктором Мартой принялись их внимательно осматривать.

— Новая партия, — сказал мне профессор. — Теперь у нас полный комплект.

Я тоже изучающе оглядел ребятшек. Все они показались мне довольно маленькими. Самому старшему, на мой взгляд, было не больше четырнадцати лет.

— Значит, теперь ты забираешь их прямо из колыбели, — проговорил я почти шепотом. — Смотри, вон тому, похоже, еще нет и двенадцати.

— Да, мы отбираем самых юных — конечно, при условии, если они уже достаточно развиты и имеют ярко выраженные способности к полтергейсту. Мы сможем их держать довольно долго.

Двое или трое ребятшек немного нервничали: они были еще слишком малы, а их оторвали от родителей и забрали в совершенно неведомый мир. Все они выглядели вполне нормальными, и я тщетно пытался разглядеть в них признаки невероятных способностей.

— Прекрасная партия, — подтвердил Трувер. — Но один просто чудо, под стать Аликс. Я давно за ним наблюдаю. У меня на него целое досье.

— Досье?! — Я никак не мог привыкнуть к словечкам профессора.

— Ну, пожалуйста, биография, с полным перечислением его фокусов, а они впечатляют, — вдруг таинственно заговорил профессор. — Я обратил на него внимание, когда он был еще совсем дитя. В нем вся моя надежда. Но об этом пока рано говорить. Главное — то, что у нас теперь есть два чуда: он и Аликс. Когда он войдет в норму, я дам такую мощность!

— Покажи его, — тихонько попросил я.

Это был мальчуган лет тринадцати. Мне показалось, что в отличие от остальных он держится довольно смело.

— Ну, Марк, — обратился к нему Трувер, — ты доволен, что попал к нам? Мы постараемся, чтобы тебе не было скучно. Так что ничего не бойся.

— А я и не боюсь, — гордо возразил Марк. — Я хочу повидать Аликс. Мне сказали — она тоже тут.

— Повидаешь, когда немного пообвыкнешь, но только издали. Это все, что я пока могу тебе обещать. Согласно нашим правилам мальчики у нас живут отдельно от девочек.

— Каким правилам?

Профессор нахмурился и уже более строго сказал:

— То есть законам. Ты пока еще мал, чтобы в это вникать.

— А почему вы все время говорите «пока»? Что это означает? Когда мне можно увидеться с ней и поговорить?

— А вот этого я тебе сказать не могу, — уклончиво ответил профессор. — Поживем — увидим. Если, разумеется, ты будешь беспресловенно следовать нашему распорядку.

Когда Трувер отвернулся, Марк пробубнил что-то вроде «я не люблю, когда мне тыкают». Он было собрался еще о чем-то спросить профессора, но Марта с помощником поволокли ребят за ограду и направились к зданию, стоявшему чуть поодаль. По поведению Марка я, к своему удивлению, понял, что этот мальчик еще покажет здешнему хозяину.

— Выходит, он знаком с Аликс? — удивился я.

— Знаком. Аликс — сирота, ее взяли к себе муж с женой из той же деревни, где жил Марк. Правда, она пробыла у них недолго — через несколько месяцев у нее начали проявляться способности к полтергейсту, и мы забрали девочку сюда, договорившись с приемными родителями. Какое-то время Аликс и Марк вместе играли. И, наверно, успели подружиться. Но Марк — это совсем другое. Способности к полтергейсту проявились у него лишь недавно. Они оба очень одаренные.

— Он отправится в корпус М прямо сегодня?

— Марк, как и остальные новички, сначала пройдет тщательное обследование у доктора Марты. Потом их отведут в изолятор.

— Изолятор?

Профессор, похоже, на мгновение смутился:

— Нужна предварительная обработка. На это обычно уходит два-три дня. А уж после мы включим их в цепь. Ближе к вечеру, если пожелаешь, мы сходим и осмотрим корпуса Д и М, ведь ты видел их только снаружи.

Я с готовностью согласился. Я был не прочь побыть один — привести в порядок разрозненные мысли и впечатления прошедшей ночи — до сих пор у меня на это просто не было времени. Я вернулся в отведенную мне комнату и принялся раскладывать свои нехитрые пожитки. Потом сел за стол и кратко записал все, что мне довелось увидеть и услышать. Я попробовал обобщить свои впечатления, но они казались мне настолько невероятными, что я решил излагать одни только факты, сухие и объективные.

— Если хочешь, можем начать с корпуса для девочек, — предложил Трувер.

Мы опять завтракали вдвоем. Марта была занята пополнением и попросила принести ей какой-нибудь сэндвич в лабораторию. После обеда мы вышли с профессором во

двор, виденный прошлой ночью с высоты смотровой площадки. Нам пришлось миновать несколько решетчатых дверей, и каждую из них профессор тщательно запирает за собой на ключ.

— А твои подопечные и вправду живут как в тюрьме, — укоризненно оборонил я.

— Мы даем им погулять несколько часов в неделю в парке, — уклончиво ответил он. — Делаем все возможное. Разбиваем по группам — ведь они не должны общаться друг с другом.

— Только в парке?

— Разнообразие им только во вред. Сначала я отпускал их под присмотром в деревню. Но пошли сбои. Пришлось запретить.

— Тем не менее Марта нарушает твоё правило о разделении полов. Она же часто общается с мальчиками?

— Марта? Доктор Марта! Неужели ты действительно думаешь, что доктор Марта может травмировать психику детей?

Возразить мне было нечем. Меж тем мы подошли к корпусу Д и остановились перед дверью. Массивная, обитая железом, она больше напоминала дверь в подвал с несгораемыми сейфами в каком-нибудь банке.

— Ты что, ждешь нападения Кинг-Конга или шайки вооруженных до зубов гангстеров?

— Предосторожность — штука, далеко не лишняя, — загадочно ответил профессор.

— Но это же смешно! Да будь эта дверь раз в десять тоньше, твоим девчонкам ничем не сдвинуть ее с места, даже если они навалются на нее все разом!

— Конечно, физически это им не удастся. А как насчет психических усилий? Не забывая, каждая из них полтергейстер и при желании может разрушить что угодно — например, расплавить металлический брусок в несколько сантиметров толщиной.

Пришлось оставить этот разговор. Прежде чем войти внутрь, профессор с математической точностью описал мне корпус.

— Здесь двенадцать этажей. В каждом по сорок две палаты, всего — пятьсот четыре. Каждая палата выходит в коридор с видом на двор и противоположный корпус. Такое расположение самое рациональное. Палаты не очень большие, чуть меньше трех метров в ширину, — но, как видишь, здесь довольно просторно. Расширяться мы пока не думаем — не хватает obsługi, смотрителей, есть и другие причины. Да и в слишком большом здании пришлось бы полностью менять внутреннее расположение — я просчитал.

— Итак, мы находимся в правом предсердии сердца, отделенном от левого двором; в левом живут мальчики — видишь, они ходят за решеткой.

— За двойной решеткой.

— Совершенно верно. Но заметь — девочки могут общаться между собой свободно, и не только на своем этаже.

Мы прошли коридором и по лестнице поднялись на второй этаж. Обстановка на всех этажах одинакова: перед каждой палатой — узкая веранда с креслами, доходящая до середины коридора. Профессор гордился таким расположением и считал его на редкость удобным.

— Как видишь, днем они могут дышать свежим воздухом сколько угодно, а если захотят, то и ночью.

Свежим воздухом? Да, двор действительно был открытым, но, стиснутый двенадцатизэтажными громадинами, он казался совсем крохотным, так что воздух, особенно для обитателей нижних этажей, никак нельзя было назвать свежим. Хотя искусственное освещение поддерживалось круглосуточно, днем оно было не столь жутким, как ночью, тем более что на верхних этажах оно как бы растворялось в свете дня. Трувер, заметив тоску на моем лице, попытался оправдать такое расположение:

— Лучшие палаты, конечно, находятся наверху. Поэтому мы установили смены. И каждую неделю девочки с нижних этажей переселяются на верхние, а жившие наверху перемещаются вниз. Права у всех одинаковы. И так всегда. — И, немало помолчав, он прибавил: — За исключением особо серьезных случаев.

— Что значит — серьезных?

— Да все тех же сбоев. Они результат неблагоприятного воздействия извне.

— И тогда, — воскликнул я, — их, наверно, неделями держат на первом этаже, где темно, как в погребе! А может, тут и карцер есть — для самых непокорных?

— Напрасно кипятиться, — усмехнулся профессор. — Провинившиеся остаются на несколько недель на первом этаже, и только. Но чтоб карцер или там «каменный мешок»! Тут уж, брат, ты хватил через край. А самых упрямых мы просто переводим в отдельное помещение, где первое время содержатся новички.

— В изолятор?

— А у тебя неплохая память.

— Ты мне покажешь его?

Профессор смутился и даже как будто расстроился.

— Во всяком случае, не сегодня. Тебе еще много чего предстоит увидеть. Сначала по привычке, а там поглядим.

— Но, может, девочкам не нравятся эти еженедельные переезды с этажа на этаж?

— Желания пациентов в расчет не принимаются, — резко возразил профессор. — Во всяком случае, серьезных неудобств им это не причиняет. Обстановка и палаты на всех этажах почти одинаковы.

Мы бегло осмотрели две-три палаты, их обитательницы сидели в креслах на веранде и, по выражению профессора, дышали свежим воздухом. Ни у одной из девочек я не обнаружил ни малейшего признака беспокойства. Не видно было и рук, протиснутых сквозь решетку.

— Обычная картина в первые часы после полудня, — вздохнул Трувер. — Тут уже ничего не поделаешь. Мощности, конечно, падает. Правда, неамного. Потом мы восполняем потери.

Это зрелище, похоже, причиняло профессору даже физическую боль, как начальнику электростанции, когда стрелка ваттметра деление за делением ползет вниз. Его беспокойный взгляд был прикован к огромному циферблату, показывающему, что по сравнению с ночью мощностей чуть ослабла. Следом послышался стук в стену, через равные промежутки времени, что еще больше усугубило страдания Трувера.

— Потери, опять потери... полезная мощность...

Я проследил за его взглядом, то и дело перескакивавшим с одного ваттметра на другой.

— Предстоит еще поработать, — вздохнул профессор. — Многие придется доделывать. Сначала главной трудностью было определить, кто из пациентов повинен в сбоях, один или несколько. Пришлось даже придумать специальную детекторную систему на основе электронных схем!

Между тем стук мало-помалу прекратился. Стрелка индикатора полезной энергии медленно стала на прежнее место. Лицо моего Цицерона тут же просветлело, и мы двинулись дальше.

III

Девочка, сидевшая в кресле на веранде, завидев нас, спешно вскочила.

— Лиза, ты позволишь заглянуть к тебе в палату?

Профессор произнес это с нарочитой вежливостью, однако по испуганному, затравленному взгляду Лизы я почувствовал, что искренности в его словах не было ни на грош. Даже при желании девочка просто не могла воспротивиться требованию директора.

— Конечно, господин директор.

Она отвела взгляд в сторону, словно боясь встретиться с глазами профессора, и посмотрела на меня. В глазах Лизы мелькнуло удивление и тревога. Потом они сверкнули, точно молния, — девочка, не смотря на любопытство, сильно смутилась, отчего и у меня на лице выступила краска. Заметив ее смущение, Трувер резким движением толкнул меня в палату и закрыл дверь.

— Контакты с посторонними, особенно с мужчинами, им только во вред. Осмотри-ка лучше палату: наши пациентки не такие уж несчастные.

Палата являла собой нечто среднее между скромным гостиничным номером и монашеской кельей. Из мебели более или менее удобной была только широкая двуспальная кровать, занимавшая почти полкомнаты, едва оставляя место для ночного столика, стула и простого шкафа.

Нехитрая мебель, выкрашенная в серые тона, такого же

цвета стены. На стенах — ничего, что скрашивало бы убогость обстановки, за исключением разве двух-трех гравюр, выполненных в игриво-непристойной манере, да распятие в изголовье кровати, резко выделяющееся на общем уныло-неприглядном фоне.

— Я понял, зачем здесь похабщина, — сказал я. — Это один из твоих пресловутых методов. Но при чем тут распятие?

— А при том, что на некоторых пациенток, в частности, на Лизу, распятие действует весьма благотворно. Но не на всех. Поэтому оно есть не в каждой палате. При переселении на другой этаж пациентки забирают его с собой.

В каждом углу палаты были закреплены светящиеся ваттметры, наподобие тех, что висели во дворе, только размером не больше будильника и расположенные таким образом, что в поле зрения всегда попадал хотя бы один из них, где бы ни находилась пациентка. Они показывали мощность, вырабатываемую каждой пациенткой в отдельности, объяснил Трувер.

— Кроме того, это одна из составных частей моей системы, чтобы они всегда сосредоточивались только на электричестве.

Об этом я тоже догадался. Освещение в палате было очень слабым — казалось, свет исходит только от мерцающих в углах приборов. В дальнем конце палаты — единственное узкое окошечко, выходящее, должно быть, в сад; оно было расположено слишком высоко — чтобы выглянуть наружу, девочке, наверно, приходилось приставлять стул и вставать на цыпочки. Окно, естественно, было забрано решеткой.

Трувер обратил мое внимание на занятный ночник в изголовье кровати. Включив его, я не удивился, что из него струится тускло-сиреневое, почти сумрачное мерцание — лампочка была покрыта тонким слоем синей краски. А в одной из стен зияло отверстие наподобие глазка, откуда, точно из крохотного прожектора, исходил тонкий, достаточно яркий луч света, выхватывающий из полумрака самую непристойную из гравюр, на ней была изображена сцена совоупления нимф и фавнов. Я подошел к кровати и, прислонив голову к подушке, обнаружил, что отсюда взгляд девочки должны приковывать прежде всего две вещи — непристойная картинка и расположенный рядом ваттметр, элемент пресловутой системы профессора Трувера.

— А ваша система и впрямь отработана на славу.

— Вот видишь! И лампа может гореть всю ночь — право выбора остается за ними — либо размышлять, либо спать, либо читать.

Профессор, не переставая, расхваливал преимущества такой обстановки. Еще он сказал, что любая пациентка, если пожелает, может послушать музыку, нажав на кнопку. Как и следовало ожидать, музыка также была тщательно продумана: она представляла собой какофонию, сплетенную из сладострастных напевчиков и мотивов, вызывающих тревогу, страх и даже ужас.

Мы вышли из палаты и отправились дальше — Лиза провела нас долгим пристальным взглядом.

— Как видишь, наши подопечные ни в чем не нуждаются, — самодовольно сказал Трувер.

— Ни в чем или почти ни в чем, — проговорил я.

Тут он спохватился и, опередив меня, поправился:

— Я хочу сказать — из того, что не нарушает принятого здесь распорядка и не мешает нашей работе.

Продолжая осмотр, мы поднимались с этажа на этаж, однако наше восхождение почему-то больше напоминало мне сошествие в Ад, описанное Данте.

Ничего нового я не увидел — изощренные методы, с помощью коих детей принуждали вырабатывать так называемый пучок энергетических зарядов, везде были одни и те же. Трувер позволил мне перебраться лишь несколькими словами с пациентками, — этого было недостаточно, чтобы понять, как они относятся к такому бесчеловечному обхождению. Среди них были и инвалиды: я видел одну слепую девочку, двух или трех глухонемых и еще одну, страдавшую слуховыми галлюцинациями. Однако их было совсем немного. Большинство же выглядели вполне нормальными и здоровыми детьми.

— Среди таких несчастных, — заметил Трувер, — иной раз

попадают настоящие самородки, правда, это случается довольно редко. Поэтому к мнению так называемых экспертов-псевдоромантиков, утверждающих, будто калеки — прирожденные полтергейстеры, мы относимся весьма скептически. Так что, как видишь, большая часть наших пациентов на здоровье не жалуется.

Это было похоже на правду, однако у девочек под глазами синели круги — следы долгих бессонниц, а зрачки были ненормально расширены, как у наркоманов, живущих в мире болезненных грез.

Наконец мы добрались до последнего этажа.

— А вот и знаменитая Аликс, — объявил профессор.

Он произнес это с гордостью музейного зрителя, приготовившегося выставить на обозрение главную жемчужину коллекции.

— Аликс, говорят, ты вчера плохо себя вела, стены в твоей палате опять нагрелись. Почему ты думаешь о постороннем?

— Я думаю о чем хочу, — недовольно отозвалась Аликс. — Иногда мне бывает трудно сдержаться.

Она не сказала «господин директор», как все остальные девочки. Но профессор нисколько не обиделся и даже улынулся.

— Но ведь так нельзя, дорогая моя. Если ты хочешь, чтобы мы оставались друзьями, будь любезна вести себя как полагается.

Когда мы вошли в палату, Аликс лежала на кровати. При виде нас она встала, повернулась к нам спиной и в точности, как вчера ночью, замерла у коридорной решетки. Она действительно была хрупкая и еще совсем маленькая — как Марк. Однако, несмотря на это, чувствовалось, что, как и у Марка, у нее довольно сильный характер — его не сломали даже кошмарные условия. От слащаво-дружеского тона Трувера миловидное личико ее искажилось в презрительном негодовании. Губы девочки беззвучно зашевелились, и мне показалось, что я прочел по ним слова, произнесенные утром Марком: «Я не люблю, когда мне тыкают». И это меня снова обрадовало.

Когда Аликс вышла, я окинул взглядом палату и обнаружил, что здесь нет ни одной книги.

— Аликс не любит читать, — объяснил профессор. — Она и музыку не слушает. Даже ни разу не была в кинозале. И мы ее не неволим — ей это ни к чему. Она просто думает. Понимаешь — думает! И вырабатывает столько энергии, что диву даешься, причём без всяких искусственных стимуляторов! Когда мысли ее работают в нужном направлении, она выдает такое!.. Да она одна стоит доброго десятка полтергейстеров. И это при том, что я еще не успел узнать весь диапазон ее возможностей.

Мы вышли в коридор — Аликс стояла все в той же позе, надменно повернувшись к нам спиной. Трувер похлопал девочку по плечу, мне показалось, что оно пренебрежительно передернулось, однако Аликс мгновенно подавила охватившее ее раздражение.

— Повторяю, дружище, такой экземпляр надо еще поискать. Ведь ты у нас талант, да еще какой, правда, Аликс?

Профессор сказал это с видом барышника, расхваливающего товар. В ответ Аликс только пожалала плечами.

— Скажу тебе по секрету, Аликс, сегодня утром к нам приехал твой друг, самый, пожалуй, лучший друг.

На этот раз Аликс повернула голову и посмотрела прямо на нас. И я смог заглянуть в бездонную глубину ее глаз.

— Знаю, — сухо ответила она. — Марк здесь. Он приехал утром на красном автобусе, а с ним еще десять мальчишек. Я видела.

Я поразился ее безукоризненно точному ответу. Хотя она никак не могла выйти из корпуса, откуда больничные ворота не разглядеть. Не могла она при всем своем желании видеть и дорожку, ведущую к корпусам, даже если бы ей удалось высунуться в узкое оконце палаты.

— Ей разрешают гулять в парке?

— Во время заезда мальчиков это совершенно исключено, — пробормотал Трувер, отводя меня в сторонку. — Но она говорит правду. Кроме способностей к полтергейсту, у Аликс, бесспорно, есть дар ясновидения. Такое встречается, хотя и довольно редко.

— Я видела его, — повторила Аликс. — Когда мне можно с ним поговорить?

— Об этом пока не может быть и речи...

— Вы все время так говорите — «пока», — перебила его Аликс.

И снова ее слова поразили меня. То же самое по приезде сказал Марк. Но Трувер как ни в чем не бывало продолжил:

— Если вы будете умницами, я позабочусь, чтоб вас посетили друг против друга. И вы сможете не только видаться, но и общаться между собой знаками.

Девочка вновь передернула плечами, не сказав, однако, ничего в ответ, и просто отвернулась. Труверу пришлось оставить ее в покое, и он повел меня назад, к выходу.

Не обмолвившись больше ни словом об Аликс, профессор радушно пригласил меня в корпус для мальчиков, как две капли воды похожий на девичий: те же палаты, те же гравюры и книги, вызывавшие отвращение и чувство горькой тоски. Уже успев насмотреться этого вдосталь, я все время молчал и думал об Аликс и о Марке. Когда мы вышли в парк, я спросил профессора:

— Ты сказал — Аликс с Марком давно знакомы. И подружались они еще в детстве, задолго до того, как их сюда упустили...

— Поместили, — поправил меня Трувер.

— Пусть так. А раньше были подобные случаи?

— Никогда. Все дети из разных концов Франции, есть даже иностранцы: ведь я создал отборочные пункты и за границей, поскольку необычные случаи полтергейста время от времени отмечаются и в других странах, и мои подопечные не могли знать друг друга. А случаи с Марком и Аликс просто уникальные.

И он, по своей неизменной привычке, потер руки, отчего мне едва не сделалось дурно.

— И возможность использовать столь необычное сочетание этих двух характеров интересует меня больше, чем работа с каждым в отдельности. По моим расчетам...

— Ты, конечно, и из этого случая умудрился вывести формулу?

— Конечно. Так, по моим расчетам, это не только не вредит, а, напротив, значительно повышает эффективность. Правда, тут наши мнения с доктором Мартой расходятся. Она сомневается — как бы это не обернулось нежелательными последствиями. Поживем — увидим, кто из нас прав. Когда все взвешено, просчитано и обдумано, остается только ждать результатов опыта.

IV

Я гостил у Трувера уже четыре дня, но поговорить с пациентами психушки смог лишь в присутствии профессора и доктора Марты; разговор всегда был коротким, и получить представление о состоянии их психики мне так и не удалось. Остальное же время я делал наброски для будущей статьи, только совсем не такой, как хотелось бы профессору.

Беседы с Трувером стали меня утомлять — его самовосхваление не знало пределов. И я решил, что впредь буду говорить только с Мартой. Хоть она и восхищалась профессором, тем не менее не всегда была согласна с его методами. Я даже предполагал, что в глубине сердца она все-таки жалеет несчастных ребятишек.

— Марта, — обратился я к ней, — разве вы не чувствуете, как страдают эти несчастные? Неужели вам их не жалко? Опомнитесь! Вас-то в детстве, наверно, так не мучили?

Взглянув на меня округлившимися глазами, она с искренним удивлением ответила:

— Меня — никогда!

Дальнейшие упреки и уговоры оказались бессмысленными. И я вдруг понял: наверняка ей знакомо чувство сострадания, но дети ее не интересуют, а значит, она не может понять их страданий. И сколько еще на свете таких психиатров!

О сотрудниках этого психопромышленного комплекса я ничего толком так и не узнал. Злешний персонал подразделялся на две категории. Одни занимались пациентами. Их здесь называли санитарями и санитарками. Но, по сути,

они оказались самыми обыкновенными тюремными надзирателями, следя лишь за неукоснительным соблюдением распорядка, а то, что творилось в этой странной больнице, их совершенно не заботило.

Другая категория состояла из электротехников. Их было человек двенадцать — они работали посменно, на пульте управления станции. Тайна преобразования психической энергии в электрическую их не интересовала, они занимались только техническим процессом, чтобы энергия непрерывно поступала в сеть ЭДФ.

Трувер обстоятельно показал мне электрический узел установки. Он состоял из пункта управления, заставленного всевозможными щитами и пультами, как на обычной электростанции, трансформаторной подстанции по соседству с внешней оградой и отходящими линиями. Ничего примечательного там не было. А вот в главный блок, где находился загадочный преобразователь Трувера, мне позволить заглянуть лишь мельком. Это была запретная зона. Туда не разрешалось входить даже электрикам — разве что отзывать какой-нибудь прибор, и тогда электриков сопровождал профессор. Трувер показал мне этот узел, будучи уверен, что я ничего не пойму, и он оказался прав.

Главный блок был отделен от пункта управления раздвижной перегородкой, которую профессор, покидая блок, тщательно запирает. Мы пробывали там недолго: Трувер молча указал мне на преобразователь и замер подле него, как священник подле алтаря. Преобразователь стоял посреди зала под металлическим кожухом, из которого в разные стороны торчали всевозможные трубки и разноцветные электрокабели, отчего установка больше смахивала на гигантского спрута. Изнутри доносилось легкое гудение. Установки поменьше, вдоль стен, очевидно, обеспечивали жизнь этого чудовища: небольшие генераторы, конденсаторы и стеклянные баки с желтоватой пузырящейся жидкостью. У входа я заметил контрольный щит и пульт — это было рабочее место Трувера, когда требовалось его присутствие.

Дверь в дальнем конце вела в кабинет профессора, одновременно служивший ему лабораторией, туда можно было проникнуть и снаружи. Именно там он однажды принимал старика браконьера, и я понял, почему тот назвал его кабинет берлогой колдуна. Его описание в точности совпадало с тем, что открылось моему взору. Часть кабинета, заставленная ретортами, стеклянными кубами, трубками, пробирками, дистилляторами, действительно напоминала логово средневекового алхимика. В другой половине, собственно кабинете, стоял стол, заваленный книгами и разноцветными папками; стены были завешаны графиками, схемами и диаграммами. Огромная черная доска, занимавшая целиком всю стену, была испещрена бесконечной чередой уравнений, формул, знаков, заимствованных из разных мертвых языков, и математических символов.

Дня через четыре я решил, что все самое интересное — по крайней мере, с точки зрения Трувера — уже посмотрел и мне остается только попрощаться с профессором. Я хотел в тишине и спокойствии просмотреть мои заметки и обдумать план будущей статьи. Однако скоро, должен признаться, к своему стыду, переполнявшие меня гнев и возмущение мало-помалу уступили место странному чувству безропотной жалости. Да, я был настроен написать обо всем без утайки, но при этом то и дело ловил себя на мысли, что сейчас уже больше думаю не о судьбе несчастных детей, а о том впечатлении, какое произведет моя статья.

В таком умонастроении застал меня профессор Трувер.

— Уехать — прямо сейчас! — изумился он. — Да ты что! Погоди хоть несколько дней, а лучше неделю. Скоро новые испытания! Я надеюсь получить такие результаты, каких отродясь не было.

— Какие еще испытания? — насторожился я.

— Марк уже в норме. Завтра включаю его в цепь.

Включение мальчика в цепь, как выразился профессор Трувер, не привнесло особых изменений в привычный распорядок дня психушки. И только вечером случилось то, чего профессор никак не ожидал.

Я прогуливался по парку и думал о том успехе, какой ожидает мою будущую статью, мысленно уже раздутую мною до невообразимых размеров, как вдруг из обоих корпусов донесся оглушительный стук. Я слышал его не в первый раз, однако мне показалось, что теперь, когда Марка включили в цепь, сила и частота ударов заметно увеличились.

Днем мне не удалось поговорить с Трувером: профессор с утра заперся в блоке преобразователя и почти не выходил оттуда, а если выходил, то тут же бежал на смотровую площадку или в палаты к пациентам. Марта была занята не меньше его, но, уловив минуту, я все же спросил ее, что случилось. Она ответила, что эксперимент проходит не так, как было запланировано, но со временем, мол, все образуется.

По правде, на сей раз дело обстоит весьма серьезно. Удары раздавались непрерывно, а их сила все возрастала. Я заметил, что слабое освещение парка, включенное совсем недавно, резко изменилось. Свет то гас вовсе, то вдруг ярко вспыхивал, обдавая ослепительным блеском чахлые кустарники, напоминавшие в эти мгновения охваченные пламенем непроходимые заросли.

Я кинулся к лифту на смотровую площадку, надеясь оттуда все получше разглядеть, и тут же поплатился за свою неосторожность. Лифт, казалось, в буквальном смысле слова взбесился. Он взвился точно смерч — от ускорения у меня подогнулись колени, и я едва не распластался на полу, потом он так же резко затормозил, и я чуть было не угодил головой в потолок кабины. Это повторилось несколько раз. И мне в ужасе стало мерещиться, будто лифт — некое живое существо, охваченное приступом ярости, выражавшейся в беспорядочных рывках то вверх, то вниз.

Тем не менее он кое-как донес меня до смотровой площадки, взбрыкнув в последний раз, словно выпустил остатки злости. Я опростелом выскочил на площадку. И первое, что услышал, — это страшный, оглушительный грохот. Впечатление, будто оба корпуса сотрясали изнутри непрерывные раскаты грома.

Я заткнул уши. И тут заметил, что и с освещением творится что-то неладное. Вместо плавного светового цикла, когда полумрак сменялся ярким свечением, позволявшим различать очертания обоих корпусов, я увидел резкие, точно молнии, частые вспышки, едва не ослепившие меня и следовавшие сразу же за громовыми раскатами.

Шкала гигантского ваттметра, показывающего полезную энергию, тоже вела себя черт знает как. Она вдруг загоралась слепящим огнем, приходилось даже закрывать глаза, и каждый миг я ожидал, что ваттметр вот-вот взорвется. Потом шкала так же внезапно гасла, а через мгновение другое разгоралась снова. Стрелка прибора скакала как бешеная возле отметки двадцать мегаватт, иногда падая до десятки, но чаще всего она рвалась к цифре тридцать, допустимому пределу шкалы. И прежде чем отскочить назад, яростно билась о железный корпус ваттметра. И вновь у меня возникло ощущение, будто передо мной живое существо — неистово мятущееся огненное чудовище.

Я посмотрел на другой ваттметр, показывающий психическую мощность. И он то гас, то загорался, однако стрелка его застыла на одном месте, словно ее пригвоздили к высшей отметке тридцать мегаватт. Хотя я и чувствовал себя растерянным, но сообразил: случился серьезный сбой, значительное отклонение в поведении полтергейстеров — элементарно, дорогой Уотсон.

От ослепительного сверкания приборов у меня нестерпимо болели глаза. Я решил посмотреть, что происходит в больничных палатах, буквально ходивших ходуном, озаряемых мощными вспышками, иной раз настолько яркими, что можно было без труда разглядеть силуэты детей, как будто скрывавшие их решетки вдруг разом растворились. Полтергейстеры, все как один, на всех этажах высыпали в коридоры, казалось, они чрезмерно перевозбуждены. Однако жалобные стоны, сопровождавшие оглушительные удары, больше напоминавшие громовые раскаты, от которых сотрясались корпуса и площадка, переросли в неистовый вой, а руки, тысячи рук, просунутых сквозь решетки, извивались в пустоте, как змеи в поисках незримой жертвы.

Быстро оглядев эту фантастическую картину, я устремил взор туда, где должна была находиться Аликс. Девочка была на самом последнем этаже. Но в отличие от остальных детей она держалась на удивление спокойно. Аликс

стояла перед решеткой в своей обычной позе, точно статуя, и смотрела на корпус М — туда, где находилась палата Марка. Они оба замерли в одном положении и на фоне всеобщего безумства хранили странное, загадочное молчание. Когда очередная яркая вспышка разорвала тьму, я мог разглядеть каждую черточку на лицах детей: в их позах улавливалась напряженность, но при этом они улыбались друг другу.

Я спрашивал себя, к чему может привести этот бесконтрольный выброс энергии, как вдруг за спиной Аликс возникла Марта в сопровождении смотрительницы. Женщины схватили девочку за руки и, несмотря на явное сопротивление, увели от решетки. Одновременно с ними в мальчишечьем корпусе Трувер проделал то же самое с Марком. После этого чудовищная какофония понемногу утихла и вскоре прекратилась вовсе. Световой цикл выровнялся, выйдя на обычную амплитуду и частоту. Стрелки обоих ваттметров застыли чуть ниже отметки двадцать мегаватт.

— Теперь полный порядок, — сказал Трувер.

Поглощенный своими мыслями, я так и остался стоять на смотровой площадке и даже не заметил, как подошел профессор.

— Трувер, — обратился я к нему, все еще не в силах совладать с волнением, — не смей говорить, что все это — наука. Это лежит за ее пределами и отдает колдовством. Никакие заботы о техническом прогрессе не могут оправдать безрассудное вторжение в чуждый нам дьявольский мир. Ни одному человеку не удастся безнаказанно воспользоваться этими зловещими силами. Однажды это неминуемо приведет к катастрофе, и ты не сможешь ее остановить. Умоляю, прекрати свои сатанинские опыты и верни несчастных детей домой.

Я впервые осмелился высказать переполнявшее меня возмущение. Но Трувер лишь пожал плечами:

— Мне жаль тебя. Ты несешь суший вздор. Назвать колдовством величайшую, благороднейшую из наук — науку о разуме! Сегодня ты стал свидетелем действия самых что ни на есть естественных сил — психической энергии, которую я не рассчитал и не смог укротить, и другой, все той же, — энергии сбоев. Но будь уверен, следующий раз все пойдет как по маслу.

— Ты намерен продолжать?!

— Конечно. Правда, по-другому. Уверю тебя, все, что произошло, — нелепая случайность. А сколько экспериментов и раньше заканчивались неудачей? Разве не взлетали на воздух сотни котельных установок на тепловых электростанциях, и это случается с тех пор, как нам пришлось в голову превратить тепловую энергию в электрическую. Но разве у нас от этого опустились руки? Нет. Просто мы принялись искать более прочные материалы. На гидроэлектростанциях иногда рушатся плотины, в результате гибнут сотни людей. Впрочем, ядерные станции тоже не застрахованы от аварий. Но разве после этого мы перестали использовать энергию водных потоков? Ничуть не бывало. Просто инженеры стали глубже изучать теорию сопротивления материалов...

— Вот именно — материалов! — гневно прервал я. — А ты — человеческий разум, сознание!

— Да не испытываю я его на прочность! Я просто использую.

Отказавшись от нравоучительного тона, я снова попытался обратить внимание профессора на жестокость экспериментов. Однако Трувер жил в мире, куда был заказан доступ всякому человеческому чувству, укрывшись за своим гением, как за броней. И как ни в чем не бывало он продолжал:

— И каждая такая авария, какую отрасль ни возьми, обогащает наши знания. А для настоящего исследователя это самое главное. Неудачи оплодотворяют его мозг новыми идеями, помогая усовершенствовать старые. И шаг за шагом он движется вперед.

— Интересно, какой урок ты извлек из сегодняшнего кошмара? Из этой горькой неудачи...

— Неудачи? Ты шутишь, дружище? Готов признать — все случилось не так, как я надеялся. Но успех превзошел

все ожидания. Разве ты не видел — полезная мощность доходила до тридцати мегаватт, даже несмотря на значительные потери?.. Какой урок? Возьмем для начала дух.

— Да,— безрадостно подхватил я,— давай возьмем дух.

— Надеюсь, ты заметил — был лишний шум?

— Шум? Ты хочешь сказать — громовые раскаты, взрывы, адский грохот? Я еще видел блики на стенах, но не от электрического света.

— Верно. Это и были сбои. С помощью тестеров мне удалось определить, что они произошли из-за Аликс и Марка, двух заводил. На них равнялись все остальные.

Что же касается материи, то тут, как говорится, mea culpa¹.

Я не предполагал, что, несмотря на эти растреклятые потери, полезная мощность возрастет. Представляешь, до какой величины она бы дошла, если бы не потери? Но мои приборы на такое не рассчитаны. Поэтому из строя вышла вся цепь. И виной тому — Марк и Аликс. Это и зафиксировали детекторы. Когда они включены в цепь сразу оба, мощность увеличивается не вдвое, а в пять, даже десять раз. И это — несомненный успех. А просчеты, будь уверен, я исправлю.

— Каким образом?

— Есть два способа. Что касается духа, сознания, тут необходима интенсивная терапия в изоляторе. Я поспешил включить Марка в цепь, а вот Аликс придется проучить. Ты видел — мы убрали их от остальных детей? Сейчас ими занимается Марта.

В это мгновение на площадку взошла Марта. Она доложила, что Марк и Аликс уже в изоляторе и лечение началось. Трувер потер руки.

— Итак, с духом все ясно. Второе — перестройка материальной части. Придется значительно увеличить мощность установки, чтобы она могла принять любое количество энергии. И я займусь ею прямо сейчас — тогда уж будь уверен!.. Возможности Аликс и Марка, повторяю, неисчерпаемы.

— И сколько на это понадобится времени?

— Всего несколько дней. Электрики завтра же займутся схемами. А я — преобразователем Трувера. И на все про все — пара-тройка дней. А за это время мы как следует подготовим нашу великолепную парочку — этим активно займется доктор Марта. Правда, Марта?

V

В течение следующих нескольких дней на психознергетической станции кипела работа. Как полнейший профан, я ничего не смыслил в деталях, но главная цель ее была предельно ясна — максимально повесить мощность всего оборудования. И я не удивился, когда обнаружил, что ваттметры, возвышавшиеся над двором, были заменены на еще более крупные, и теперь предел их шкалы составлял сто мегаватт, хотя, считал профессор, стрелка приборов вряд ли достигнет этой отметки даже при самом невероятном выбросе энергии.

Покуда шла лихорадочная подготовка материальной части, в больничных корпусах, после того как Марка и Аликс выключили из цепи, царило относительное спокойствие. Световой цикл протекал плавно, то же самое, но в обратной фазе, происходило и на новых ваттметрах. Уже не видно было, как раньше, протянутых сквозь решетки рук, а стоны и вздохи лишь изредка нарушали тишину.

Палаты Марка и Аликс пустовали. Я знал, что сейчас они подвергаются принудительной обработке в пресловутом изоляторе, и от этой мысли у меня сжималось сердце. Однако из чего состоял этот интенсивный курс, мне не удалось получить ни малейшего разъяснения. Профессор запретил мне даже приблизиться к изолятору, уклончиво отвечая на все вопросы.

— Лечебный курс включает обычные психотерапевтические методы — они общеизвестны и применяются везде; единственно, у нас они более ускоренные и направлены главным образом на стимуляцию воображения: мы заставляем пациентов регулярно повторять так называемые ключевые слова — это происходит днем, а иногда...

— А иногда, как я догадываюсь, и ночью, вместо сна?

— Когда это необходимо. Кроме того, они находятся под постоянным воздействием зрительных стимуляторов, и самое главное, тренируются сосредоточивать свои мысли в определенном направлении. Впрочем, подробности тебя вряд ли заинтересуют. К тому же это в некотором роде служебная тайна, и посторонним знать ее необязательно. Может, я когда-нибудь изложу наши методы в каком-нибудь научном журнале — для специалистов. Твоим же читателям этого не понять. Впрочем, я только разработал систему, всю ответственность за ее осуществление я целиком возложил на Марту.

Когда же я было обратился за разъяснениями к Марте, она наотрез отказалась допустить меня хотя бы на один из лечебных сеансов. Несмотря на мои неоднократные просьбы, Трувер с Мартой и слышать не хотели о том, чтобы показать мне изолятор.

Вряд ли стоит говорить, что их запреты только усугубляли мои тревоги, и я принялся ждать удобного случая, который помог бы мне проникнуть в тайну изолятора. И однажды такой случай подвернулся. В то утро Марту по телефону вызвали в санитарное отделение — успокоить ребенка, пытавшегося покончить с собой. Это была одна из тех редких попыток, о которых Трувер как-то равнодушно упомянул в разговоре со мной. Я в это время тоже оказался в санитарном отделении — зашел смазать царапину.

Я вышел в парк и, затаившись за кустом, подождал, пока Марта направилась к санитарам. То ли от волнения, то ли с досады она забыла запереть изолятор. Я незаметно проник туда и осторожно закрыл за собой тяжелую дверь.

Передо мной был длинный коридор с пронумерованными дверями, как в гостинице. Я тут же застыл на месте: меня поразил неприятный голос, назойливо произносящий нечто вроде заклинания, разносящийся через громкоговорители по всему зданию и отражавшийся от стен и бесчисленных перегородок: «Э-ЛЕК-ТРИ-ЧЕС-ТВО», «Э-ЛЕК-ТРИ-ЧЕС-ТВО». Это, несомненно, был один из методов интенсивного лечебного курса, разработанного Трувером; пациенты подвергались этой мучительной звуковой шоко-терапии непрерывно — день и ночь.

¹ Mea culpa (лат.) — Моя вина; грешен.

Я остановился у первой двери. Она скорее напоминала дверь тюремной камеры, нежели больницы палаты. В дверь был врезан глазок — я заглянул в него.

Палата была переделана под маленький школьный класс с тремя рядами грубо сколоченных парт. За одной сидела девочка, ей было лет двенадцать, не больше. Прямо перед ней на небольшом возвышении стояла учительница, одна из так называемых санитарок. За ее спиной на стене висела доска, где ядовитой фосфорной краской по слогам, главными буквами было написано слово «Э-ЛЕК-ТРИ-ЧЕС-ТВО», одновременно с немолимо-жестоким постоянством извергавшееся из невидимого громкоговорителя.

Указка учительницы двигалась в ритме звучащего голоса и ударяла поочередно по каждому слогу, и девочка неустанно повторяла это слово, едва поспевая за заданным ритмом. Когда она сбивалась, а такое случалось, безжалостная указка отрывалась от доски и ритмично ударяла девочку то по левому плечу, то по правому. Все это происходило при ослепительно ярком освещении. Оторвавшись от глазка, взгляд мой остановился на табличке, висевшей над номером, гласившей: «НОРМАЛЬНЫЙ КУРС», — а ниже буквами помельче: «Назначается самым маленьким детям, особенно поддающимся внушению».

Мне захотелось ворваться в палату и прекратить эту изуверскую пытку, однако я сдержался. Раз уж это называется нормальным курсом, на что же тогда похожа интенсивная терапия? И я направился по коридору дальше.

Во второй палате, как я разглядел в глазок, не было ни души. И под безжалостный скрежет громкоговорителя я двинулся к следующей. Там кто-то был. На дверной табличке, помимо указания на «НОРМАЛЬНЫЙ КУРС», была приписка: «...назначается детям, поддающимся религиозно-мистическому воздействию с помощью молитв».

Припав к глазу, я увидел, что в палате находятся двое. Девочку я узнал сразу. Это была Лиза, чью палату с распятием над изголовьем кровати мне показывал Трувер. Лиза стояла, преклонив колени на скамеечке для молитв. Стены были увешаны образами. Комнату освещали только две свечи. Но это были не восковые свечи, а искусственные, с э-лек-три-чес-ки-ми лампочками.

Лицом к Лизе, так же преклонив колени, стояла другая помощница доктора Марты, облаченная в монашеское платье. Монашка нараспев читала самые обычные молитвы, обращенные к Всевышнему, Сыну его, Богородице и всем святым небесным, однако в каждой фразе, в каждом стихе неизменно звучало заветное слово «Э-ЛЕК-ТРИ-ЧЕС-ТВО», на котором наставница всякий раз повышала голос. Лиза, не сводившая глаз с шевелящихся губ монашки, повторяла следом молитвы и так же чуть ли не выкрикивала это растреклятое слово.

Я не стал задерживаться, мне хотелось узнать, до каких пределов могла дойти чудовищная фантазия Трувера.

Я заглянул в четыре или пять палат по обе стороны коридора, и все они оказались пустыми. В следующей палате кто-то был: я понял это по исходящему изнутри монотонному гулу. Табличка на двери указывала, что и здесь применяется «НОРМАЛЬНЫЙ КУРС», который «...назначается детям, достигшим определенного уровня умственной зрелости и проявляющим интерес к политике».

По внутреннему убранству эта палата являла собой образчик беспредельной творческой фантазии. В палате находилась девочка года на два постарше тех, которых я уже видел; она сидела в кресле, в полном одиночестве, перед телевизором с огромным экраном. На нем происходило какое-то массовое шествие с плакатами и развевающимися на ветру флагами; демонстранты размахивали руками и выкрикивали один и тот же лозунг: «Э-ЛЕК-ТРИ-ЧЕС-ТВО!» Это же слово было начертано на вымпелах и транспарантах, заполнивших все пространство широкого проспекта, напоминаящего бурную, полноводную реку.

Девочка, казалось, была заморожена этим шествием и вторила выкрикам толпы с не меньшим воодушевлением.

Мало-помалу это неистовое зрелище стало захватывать и меня, но я все же оторвался от него и устремился в конец коридора, к еще одной палате.

По обстановке она как две капли воды походила на предыдущую и больше напоминала салон. Там тоже находилась только одна девочка — судя по виду, уже подросток. И здесь применялся «НОРМАЛЬНЫЙ КУРС», который «...назначается девочкам, проявляющим повышенный интерес к рекламе».

Девочка сидела, уткнувшись в телевизор, непрерывно показывавший рекламу самых разнообразных товаров, но все рекламные ролики неизменно заканчивались одним и тем же.

Скажем, ролик, рекламирующий электромассажер — эффективное средство против ожирения. Дикторша в ярком платье обвела рукой вокруг своей тонкой талии и, потрясая в воздухе электромассажером, торжественно провозгласила: «Для сохранения гибкости и стройности тела, здоровья, красоты и хорошего настроения пользуйтесь массажером — Э-ЛЕК-ТРИ-ЧЕС-КИМ!» И девочка так же убежденно и восторженно повторяла следом за нею, чеканя каждый слог: «Э-ЛЕК-ТРИ-ЧЕС-КИЙ!»

Я решил, что нагляделся на все предостаточно. Но еще не успел побывать там, куда поместили Аликс и Марка: ведь из-за них-то я и дерзнул вторгнуться в эту запретную зону.

Толкнув дверь — она оказалась незапертой, — я переступил ее порог, а когда закрыл ее за собой, поразился: скрежет громкоговорителей сюда не доносился. Стены были звуконепропускаемыми, и здесь царил мертвая тишина. Не знаю почему, но после недавнего шума это безмолвие, от которого я поначалу испытывал облегчение, внезапно стало меня угнетать: я понял, что попал в отделение интенсивной терапии, о чем свидетельствовало и надпись, высеченная крупными буквами на громадном табло, висевшем под самым потолком коридора.

Тишина!.. Какая страшная тайна скрывалась за ее покровом? Коридор был не столь длинный, как в соседнем отделении. По обе стороны я насчитал не больше четырех-пяти дверей. И обнаружил, что лишь за одной, самой последней, находилась живая душа. Несмотря на охватившее меня волнение, я приник к отверстию глаза.

V

И подскочил от ужаса.

Там, внутри, была Аликс, она сидела в кресле. Нет, ничего подобного... Чувствуя, что вот-вот лишусь рассудка, я забормотал бессвязную молитву: «Хоть бы бесы, живущие в преисподней, ангелы добра и зла, все боги и полубоги собрали воедино свои силы и разнесли эту проклятую богадельню к чертовой матери!..» Кресло? Ничуть не бывало. Это был, да-да, настоящий электрический стул. Безжалостное орудие пытки, придуманное безумцами, чтобы превратить страдания обреченного на смерть в самую жестокую муку.

Оказывается, истязание с помощью звука на иных просто не действует. Зато живое воплощение орудия пытки способно поразить до самой глубины души и заставить думать только об одном... Об электричестве!

Девочка смотрела в огромное зеркало перед ней, так что от ее взгляда не ускользала ни одна деталь ужасающей обстановки. Электричество! Аппаратура, размещенная в этой камере пыток, явно была под напряжением. Я различал слабое гудение и видел, как временами вспыхивали искры электрических зарядов вокруг электродов-браслетов, закрепленных у несчастной на запястьях и щиколотках, как искрились металлические пластинки на лбу, животе и на едва начавшей округляться груди, — казалось, что под напряжением находилась каждая клеточка ее хрупкого тела.

Я был до того ошеломлен этим кошмарным зрелищем, что даже не осмелился заглянуть в лицо Аликс. А когда набрался смелости, то был поражен и испытал некое облегчение: лицо было безмятежно. В ее широко раскрытых глазах, в каждой черточке лица угадывалось скорее не страдание, а какое-то странное напряжение. Казалось, что, несмотря на окружающую ее зловещную обстановку, девочка просто старательно внимала наставлениям родителей или школьного учителя.

Сосредоточившись, старательно внимала — вот она, изуверская система Трувера. Судя по всему, действовала она безотказно. И результат ее действия — полное смирение, безропотная покорность. Аликс была сломлена. И вдруг все отчаяние и горечь, накопившиеся в ее сердце во время столь унижительной пытки, разом выплеснулись наружу. В течение нескольких минут, показавшихся мне бесконечно долгими, царившая тишина сотрясалась то от безудержного смеха, то от безутешных рыданий девочки.

— Как видите, ей даже не больно. Лечение не только безболезненно, но и совершенно безопасно.

Это была Марта. Хотя она застигла меня врасплох, гнева

в ее глазах я не заметил. Наверное, она прекрасно поняла: стоило сделать мне малейшее замечание, я кинулся бы на нее с кулаками. В ее голосе я уловил скорее смущение и желание предупредить упреки. Вслед за тем Марта открыла дверь и пригласила меня в палату.

— Раз уж вы здесь,— продолжала она,— вряд ли есть смысл и дальше скрывать от вас принцип нашего лечебного метода. К тому же мне бы не хотелось, чтобы у вас осталось неприятное впечатление от столь яркого зрелища.

— Яркого?!

— Честное слово, этот метод совершенно безопасен. Перед тем как уйти в психиатрию, я занималась общей медициной. И я бы никогда не допустила, чтобы на больном производили опыты, вредные для здоровья. Тело Аликс под слабым напряжением, и сила его рассчитана так, чтобы не повредить ни одной клетке ее организма.

— Что касается физического здоровья,— воскликнул я,— тут вы, я надеюсь, можете, и правы. А как насчет здоровья психического? Что творится с ее сознанием? С душой?

— Она станет психически здоровой, после того как преодолеет свое необычное состояние, которое заключается в выбросах мощных энергетических зарядов. И тогда мы отправим ее домой.

— Вы хотите сказать — когда она уже будет вам не нужна. И тогда вы найдете ей замену.

Я был попросту взбешен. Ее слова напомнили мне, что на атомных станциях отработанные урановые стержни время от времени заменяют на новые. И я не преминул ей это заметить. Но Марта горячо запротестовала.

— Подобные аналогии здесь совершенно неуместны. Когда мы отправим ее домой...

— А до этого пройдут годы, ведь вы постараетесь продержаться в таком состоянии как можно дольше.

— Мы ни в чем ее не ущемляем. Повторяю — у девочки прекрасное здоровье. Потом у нее останется только приятное воспоминание: она же принимала участие в удивительном эксперименте...

— И гордость за то, что ей довелось послужить великому делу.

Это произнес Трувер, он пришел справиться о состоянии девочки и вмешался в наш разговор. Голос профессора прозвучал напыщенно, как звучал всегда, когда речь заходила о его изобретении. Мое присутствие в изоляторе, похоже, несколько его не удивило. Он, видимо, уже забыл, что запретил мне здесь бывать. Судя по всему, он пребывал в прекрасном настроении.

Я возмутился:

— Великому делу! Через боль и страдания, на которые тебе наплевать! Это не лечение, а насилие.

— Взгляни на Аликс. Разве она похожа на жертву насилия?

Нет, Аликс была непохожа на жертву насилия. Однако меня настолько потряс вид страшного орудия пытки, что дальше сдерживаться я уже не мог.

— Она находится в состоянии сосредоточенности,— спокойно ответил профессор, когда я наконец остановился.— Но разве можно осуждать методы, воспитывающие у ребенка внимание и умение сосредоточиваться?

Ткнув пальцем в сторону Аликс, он спросил:

— Итак, как наши дела, Марта?

— Совсем неплохо, профессор. Смотрите сами. И вы, Венсен. Видите, она в прекрасном состоянии.

Марта нажала на кнопку. Гудение прекратилось. И доктор один за другим снял с Аликс электроды. Выражение лица девочки мгновенно изменилось. Аликс, похоже, выходила из состояния сосредоточенности — такое впечатление, будто она очнувшись после глубокого сна. Взгляд ее был устремлен не на нас, а куда-то в даль.

— Можешь сам ее спросить,— предложил мне Трувер,— раз уж ты нам не доверяешь.

Я поспешил обратиться прямо к Аликс, стараясь дать ей понять, что с ее мучителями не имею ничего общего.

— Я — друг, Аликс,— сказал я девочке.— И желаю вам только добра. Прошу вас, ответьте, но только честно: что вы ощущаете во время этих процедур? Вам не бывает больно?

Аликс ответила вяло — она, видно, еще не совсем вышла из полусонного состояния.

— Больно? Нет. В общем, нет. По крайней мере мне так кажется. Я думала. А разве думать — больно?

— А о чем вы думали? — спросил я, не удовлетворившись ее невразумительным ответом.

— Я думала об электричестве... — Рот ее судорожно передернулся. Я решил, что она вот-вот заплачет. Но она взяла себя в руки.— ... Об электричестве — всегда об одном и том же, много часов подряд, и больше ни о чем другом. Под конец становится скучно. Просто надоедает, вот. Больно? Наверно, нет.

— Вот видишь,— произнес Трувер.

Вместо ответа я лишь покачал головой. Я все меньше и меньше верил словам девочки, ибо между ее теперешним состоянием униженного смирения и прежним, в корпусе Д, настроенным, исполненным нескрываемого презрения, была непостижимая разница, и от этого на душе делалось горько. Очевидно, доктор Марта была права: физическое здоровье девочки не страдало. Эти постыдные, бесчеловечные методы в первую очередь были призваны ломать волю и характер!

— А теперь отдыхай, Аликс,— сказала ей Марта.— Сегодня ты была умницей. Я тобой довольна. А часика через два мы продолжим.

— Так что скоро ты сможешь вернуться к себе в палату,— прибавил Трувер.— Но, конечно, при условии, если и впредь будешь правильно думать — сосредоточиваться только на Э-ЛЕК-ТРИ-ЧЕС-ТВЕ.

Когда он с поистине садистским наслаждением произнес последнее слово, состояние Аликс внезапно изменилось; внешне этого не было видно, но я вдрог почувствовал, как на меня словно пахнуло свежим ветром, развеявшим грустные мысли и горькие сомнения, овладевшие было мною.

Я внимательно наблюдал за Аликс. Нет, я не мог ошибиться. Быть может, девочке не понравилось, что ей снова тыкают? А может, ей просто было неприятно разговаривать с Трувером? Как бы то ни было, но выражение ее лица переменилось за секунду: в глазах Аликс засверкали знакомые мне мятежные волевые искорки. Она окончательно пришла в себя — это было видно по ее взгляду. Конечно, она ответила профессору очень вежливо и с искренним смирением, однако ж тон явно не соответствовал сказанному — во всяком случае, мне показалось, что в ее голосе прозвучал глухой протест, и даже скрытая угроза:

— Будьте спокойны, господин директор...

Обращение «господин директор» она подчеркнула особо, проговорив его по слогам так же, как Трувер слово «электричество»; меня поразило и само обращение — от нее я это услышал впервые.

— Будьте спокойны, господин директор, я постараюсь вести себя хорошо. Я буду слушаться и думать только об электричестве, изо всех сил, обещаю.

Я мельком взглянул на Марту и по ее безрадостному виду понял, что она также заметила перемену в состоянии Аликс и обратила внимание на ее странный тон. А Трувер не заметил ничего — он радостно потирал руки.

Мы вышли из палаты.

— Замечательно,— заключил профессор.— Ее поведение обнадеживает. Я же говорил, что сумею ее укротить. Вы тоже молодчина, Марта. Дозировка соблюдена безукоризненно. А как Марк?.. Он в другом крыле,— пояснил мне Трувер.— Желает ли посмотреть?

— Его, как я догадываюсь, тоже лечат интенсивно?

— Совершенно верно. После вчерашнего фокуса им обоим это необходимо.

— Нет уж, спасибо. С меня хватит и того, что я уже видел.

— Состояние у Марка почти такое же, как у Аликс,— покалебавшись, ответила Марта.— Похоже, он угомонился. Но...

— Что такое, Марта? Что вас смущает?

— Если честно, профессор, я думаю, наш метод действует на них недостаточно эффективно. Под напряжением они действительно паиньки, но стоит его отключить, как они тут же приходят в себя.

Однако сомнения Марты ничуть не смутили профессора.

— Вы слишком недоверчивы, Марта,— решительно заявил он.— А я уверен — скоро будет настоящий эффект... во всяком случае, ты сам мог в этом убедиться,— усмехнувшись, прибавил он и дружески потрещал меня по плечу.— Ведь ради этого ты и прокрался сюда, не так ли? Чтобы увидеть все своими глазами? Ну и как, разве мы похожи на извергов?

Профессор напоминал мне евнуха, толкующего о прелестях любовных утех; однако вразумить Трувера ничем невозможно, я укоризненно молчал, продолжая покорно выслушивать его самодовольные разглагольствования. Вскоре мы вышли из изолятора и пошли пройтись по парку.

— Кресло, которое помогает Аликс сосредоточиться, я решил сделать наподобие электрического стула. Однако ж форма сама по себе еще ничего не значит. А Марта напрасно тревожится. Она немного нервничает. Надо бы дать ей передохнуть... Но только не говори мне про изуверские методы, — внезапно переменял он тон. — Не забывай — поиски новых видов энергии испокон веков сопряжены с жертвами. Вспомни про взрывы метана в шахтах. А силикоз легких? Он, как и метан, продолжает убивать людей с тех пор, как начали добывать уголь. Так что по сравнению со всеми этими бедами мой метод — детская забава, и только.

У меня не было ни малейшего желания обсуждать с этим человеком подобные темы, но любопытство по-прежнему не давало мне покоя.

— Но как родилась идея самого метода? Это — плод абстрактных расчетов или результат лабораторных опытов?

Трувер охотно пустился в пространные объяснения:

— И то и другое. Сначала я шел как бы на ощупь... Я тогда и не думал, что когда-нибудь придется опробовать на моих пациентах действие электрических импульсов. Откуда мне было знать, что детей надо еще готовить — учить сосредоточиваться и направлять свои способности в нужное русло? Оказалось, что без шоковой электротерапии все мои грандиозные планы летят к черту.

— Грандиозные планы?.. — переспросил я.

— Да-да, грандиозные... — серьезно проговорил он. — Идею использовать электричество для развития определенного рефлекса, в данном случае у детей, я почерпнул из наблюдений некоего доктора Виттона. Доктор Виттон попросил нескольких человек, так называемых медиумов, ответить, случилось ли с ними в детстве нечто такое, что потом способствовало проявлению их удивительных способностей. Ответы показали, что многие из них в возрасте до десяти лет пережили одинаковый опыт — шок от электрического разряда. Так вот, приводя показания медиумов, он, однако, отмечает, что Мэтью Мэннинг, по его собственным словам, не помнит, чтобы с ним в детстве произошло что-то подобное. Тем не менее, опросив родителей мальчика, он узнал, что однажды его мать, беременную им, сильно ударило током... Теперь улавливаешь, на чем основан метод, определивший мои будущие планы?

— Я уже многое успел узнать о тебе, но твои планы продолжают оставаться для меня тайной за семью печатями.

— Ну ладно... Но сначала напомню, как безрадостно обстоят дела с энергией в мире и, в частности, во Франции, а также с перспективами на будущее. Нефть дорожает с каждым днем, через несколько десятков лет ее вовсе не станет. Добыча угля обходится слишком дорого, а источники иссякают прямо на глазах. И потом он нещадно загрязняет атмосферу. Уран? И его источники не вечны, к тому же против атомных станций протестует уже весь мир. У нас нет возможности хранить смертоносные отходы ядерного топлива сотни лет. Ядерно-водородный синтез? Исследования в этой области то и дело заходят в тупик и дают положительный результат, может, через несколько столетий.

Трувер назвал и геотермальную энергию, и солнечную, и биологическую, всякий раз обращая мое внимание на недостаточную эффективность и ненадежность каждого из видов. Профессор уже не впервые поучал меня, но сегодня он делал это особенно вдохновенно, и вскоре я был убежден: его план — единственное спасение для человечества.

— Итак, — горделиво заключил он, — перед лицом столь безрадостных перспектив мне удалось убедить ЭДФ и некоторых государственных чиновников, посвященных в тайну моих экспериментов, в том, что единственный разумный и реальный — слышишь, реальный! — выход — это использовать психическую энергию, потому что человеческий разум и есть уникальный, неисчерпаемый источник энергии.

И я научился управлять им, начав с нескольких подростков, способных вырабатывать пучки энергетических зарядов. А в мире таких подростков даже больше, чем ты думаешь. Но их понадобится много больше. И они у нас будут. Но только при условии, если мы станем их готовить заблаговременно.

— То есть... с детства? — неуверенно предположил я, начиная постигать его планы в общих чертах.

— Причем с самого раннего, — твердо и убежденно проговорил он. — Надо уже сейчас заботиться о подготовке и количественном увеличении исходного материала. Я имею в виду полтергейстеров.

— Понимаю. Это — первейшая необходимость.

— Необходимость и в то же время долг, — горячо заявил он. — Мы не должны проявлять легкомыслие, как те, кто стоял у истоков нефтяной промышленности. Потомки нам этого не простят.

— Потомки? — переспросил я, пораженный его бесстыдством. — И в чем заключается твоя подготовка?

— В электрошоковой терапии — до десятилетнего возраста. Доктор Виттон всего лишь предположил, а я доказал: электрошок — самый эффективный метод подготовки полтергейстеров.

О моем методе пока никто не знает. И у меня нет пока официального разрешения применять его в широком масштабе — тем не менее несколько лет назад я создал в одном из неприметных уголков Франции лабораторию, и там мои верные ученики опробовали этот метод на малышах — их всего несколько человек, — у которых уже в раннем возрасте были обнаружены первые признаки повышенной нервозности. Эксперимент начался недавно. Родители не возражали. Им сказали — это, мол, профилактический курс и дети находятся под постоянным наблюдением врачей. Если захочешь, как-нибудь съездим туда.

— Премного тебе благодарен. Но, боюсь, ничего нового для себя не открою: должно быть, с малышами там обходятся не лучше, чем здесь с подростками.

— Твоя воля. Но уясни одно: некоторые из малышей стали подростками, и успех эксперимента уже превзошел все ожидания. Девяносто пять процентов — вот так!

— Неужели?

— Точно тебе говорю. И ты сам тому свидетель. Марк — один из них. Он успел побывать в моей лаборатории и несколько лет назад прошел полный предварительный курс. И результат — налицо: из него получился великолепный полтергейстер.

Тут я не удержался:

— А тебе не приходило в голову провести подобный опыт на беременных женщинах? Ведь один пример уже был — мать Мэтью Мэннинга.

— Ты за кого меня принимаешь? — возмущенно воскликнул он. — Конечно, я думал об этом. Но у меня до сих пор не было удобного случая... Нет, пусть этим займутся те, кто пойдет по моим стопам.

У меня уже не было сил сердиться. Я спросил:

— А Аликс... она тоже... э, как бы это лучше выразиться, прошла в детстве обработку, нет, подготовку?

— Нет. Аликс — полтергейстер от Бога. Но я все-таки подозреваю, что способности к полтергейсту — а у Аликс они не хуже, чем у Марка — появились у нее тоже после удара током — наверно, в раннем детстве и она просто забыла... Итак, возвращаясь к твоему вопросу о методе, я должен сказать вот что: идея использовать электрошок пришла ко мне, когда я понял, что электричество может благотворно воздействовать и на психику непослушных подростков, таких, как Аликс, — оно не только успокаивает их, но и помогает собраться с мыслями.

— Тогда позволительно задать последний вопрос: какая разница между методом, применяемым к малышам, и тем, которым ты воздействуешь на психику непослушных подростков?

— Большая, — небрежным тоном ответил он. — Метод действия на Аликс, как ты сам мог убедиться, достаточно мягкий.

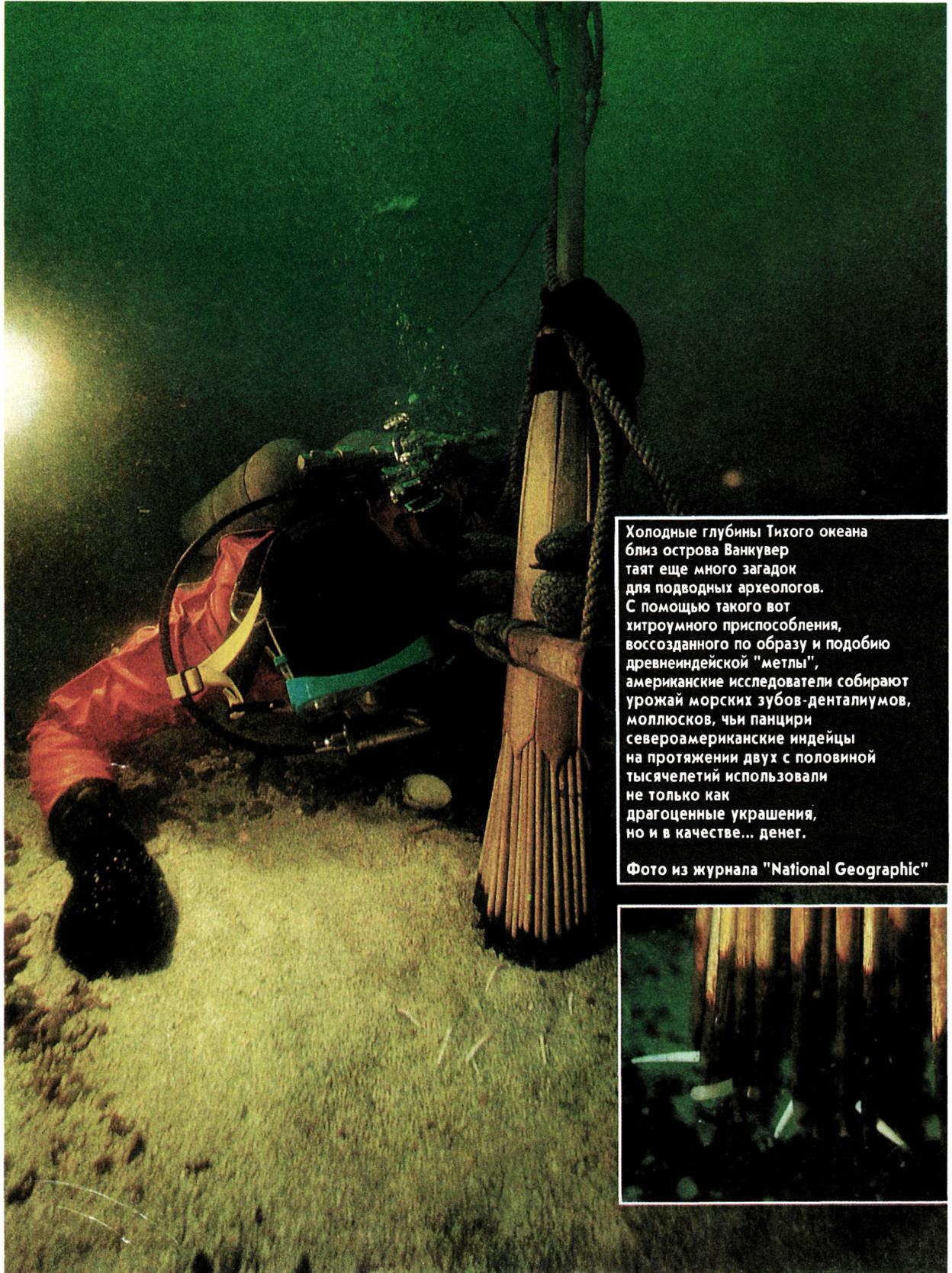
— Значит, тот, что ты применяешь к малышам... — дрожащим голосом начал было я и запнулся.

После короткого раздумья профессор махнул рукой, отметая прочь малейшее возражение, и сказал:

— Не такой мягкий. Но это необходимо. Дело в том, что подростки — уже вполне сформировавшиеся полтергейстеры, и мы только направляем их способности в нужное русло, чтобы пробудить в малышах способность к полтергейсту, приходится воздействовать на них мощным импульсом. А для этого, стало быть, необходим электрошок.

Перевел с французского И.АЛЧЕЕВ

Окончание следует

Холодные глубины Тихого океана близ острова Ванкувер таят еще много загадок для подводных археологов. С помощью такого вот хитроумного приспособления, воссозданного по образу и подобию древнеиндейской "метлы", американские исследователи собирают урожай морских зубов-денталиумов, моллюсков, чьи панцири североамериканские индейцы на протяжении двух с половиной тысячелетий использовали не только как драгоценные украшения, но и в качестве... денег.

Фото из журнала "National Geographic"

У этого варварского состязания, запечатленного корреспондентом немецкого журнала "Stern", много общего с битвами диких зверей в Древнем Риме - такое же безразличие устроителей по отношению к невинным в общем-то животным, стремление накалить страсти до предела и кровавый финал: кто-то должен погибнуть. А происходит бой в сегодняшнем Пакистане, в провинции Пенджаб. Бурый 300-килограммовый медведь, сидящий на пятиметровой цепи, которому предварительно вырвали клыки и когти, дерется не на жизнь, а на смерть со специально натасканным бультерьером, а тысячи зрителей с наслаждением взирают на кровавое действо. Главная цель собаки-убийцы - нос зверя. Она намертво вцепляется в него и старается разорвать как можно больше. Ну, а медведь может драться только лапами... Таковы правила, и единственный шанс для мишки - переломать псу кости. Бой длится три минуты. Если псам удастся завалить зверя на спину, значит, состязание выиграно владельцем собак. Пари здесь никогда не заключаются.